

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

= Rep. slow - 3350

~~DK~~

Д 70 0

О

РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ

XVII ВѢКА.

СОЧИНЕНИЕ

Д. Мордовцева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

Изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос-
сійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1861 года.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. 16-го Февраля, 1862 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ

ХVII ВѢКА.

Въ послѣднее время въ Русской литературѣ появилось нѣсколько трактатовъ относительно обученія юношества въ до-Петровской Руси. Но такъ какъ почти до настоящей поры предметъ этотъ мало обращалъ на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и отъ того мало подвергался ихъ изслѣдованію, то и эти послѣдніе трактаты, не имѣя возможности опереться на какіе либо выводы, полученные прежними изыскателями Русскихъ древностей и исторіи нашего образованія, имѣютъ интересъ только, какъ попытки къ объясненію того, что такъ важно для исторіи нашего развитія. Это происходитъ отъ того, что ученые воспользовались далеко не всѣмъ, что предлагаетъ намъ наша древняя письменность и что хранится еще по разнымъ библіотекамъ въ неизданныхъ, но почти всѣмъ доступныхъ, рукописяхъ, ожидающихъ нашей разработки. Конечно, матеріалы эти не такъ богаты, чтобы по нимъ можно было надѣяться отчетливо уяснить и способы нашего обученія и методъ, и даже объемъ его; однако, если бы мы по возможности воспользовались всѣмъ, что намъ доступно, то свѣдѣнія наши относительно образованія до-Петровской Руси были бы не такъ скудны, какъ въ настоящую пору. Основываясь большею частію на однихъ догадкахъ, тогда какъ, съ небольшими усиліями, можно было бы найти и положительные факты касательно тогдашняго обученія юношества, одни изъ изыскателей ограничиваютъ объемъ этого обученія чтеніемъ Часословца

и Псалтыри, другіе, напротивъ, мало-мало не заставляютъ дѣтей до-Монгольской Руси изучать философію во всѣхъ ея метафизическихъ тонкостяхъ. Разумѣется, и то и другое — крайность, происходящая отъ того, что изыскатели упустили изъ виду одно обстоятельство, именно: они не хотѣли обратить должнаго вниманія на памятники нашей древней письменности, которая одна въ состояніи рѣшить недоумѣнія и привести насъ, хотя немного ближе, къ истинѣ, чѣмъ всѣ простыя догадки.

Въ настоящее время я имѣю возможность пользоваться нѣсколькими драгоценными памятниками нашей письменности XVII-го вѣка, которые еще нигдѣ не были ни напечатаны, ни упомянуты, и которые могутъ служить къ объясненію многихъ интересныхъ сторонъ древней Русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе «Азбуковникъ» и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какимъ-то «первоостранникомъ», и отчасти списанныхъ имъ съ другимъ тогдашнихъ изданій, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанію и имѣютъ особенный счетъ листовъ.¹ Въ нихъ имѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первоначальныхъ учебниковъ; въ которыхъ помѣщались — весь алфавитъ, потому склады и слова поучительныя съ чтеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ; но Азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, по видимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся, что въ наше время обыкновенно входитъ въ кругъ «Уставовъ объ училищахъ»; за тѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ, что теперь мы можемъ найти въ нашихъ образцовыхъ письменникахъ.

Одна половина этого Азбуковника, имѣющая особенный счетъ листовъ, имѣетъ и свое предисловіе и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе это довольно оригинально и заключаетъ въ себѣ отъ первой до послѣдней строки панегирикъ розгѣ, которою будто бы самъ Духъ Святой велитъ бить дѣтище; въ немъ есть

¹ Рукопись эту довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аванасій, Епископъ Саратовскій, которому считаю долгомъ свидѣтельствовать глубокую признательность за его великодушное снисхожденіе. Я пользуюсь этими матеріалами, на сколько они могутъ служить поясненіемъ предмета; взятаго цѣлюю моею статьи.

даже призываніе благословенія Божія на тѣ лѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя Азбуковника, самая лучшая розга «черемховая двоюлѣтняя» для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволяемъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

«Въ предисловія мѣсто сіе подгаемъ.
 Розгою Духъ Святый дѣтище бити ведить,
 Розга убо ниже мало здравія вредить.
 Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняеть,
 Учить молитвѣ и злыхъ всѣхъ встѣгаеть.
 Розга родителямъ послушны дѣти творить,
 Розга Божественнаго писанія учить.
 Розга аще и бьетъ, но не ломить, кости,
 А дѣтище отставляетъ отъ всякіа злости.
 Розгою аще отецъ и мати часто бьютъ дѣтище свое,
 Избавляють душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учить дѣлати вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
 Розга убо всякимъ добротамъ научаеть,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяеть.
 Розгою отецъ и мати еже дѣтище не бьютъ,
 Удаву на нѣю его скоро увіютъ.
 Вразуми, Боже; матери и учителя,
 Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
 Благослови, Боже, оныя лѣса,
 Иже розги добрыя родятъ на долгія времена.
 Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюлѣтняя,
 Сверстнымъ же березовая къ воумленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
 Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
 Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги изъ млада возрастетъ,
 Старости не достигъ, удебъ скончится.»

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ печатной азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ острить, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ «глупыхъ» и лѣнливыхъ дѣтей; между прочимъ увѣщаніе это говоритъ къ дѣтямъ:

«Цѣлуйте розу, бить и жезлъ любайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте!»¹

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первой разъ показывать себя дѣтямъ съ такой стороны, которая и пріохотила бы ихъ къ учению и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый Азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавляется слѣдующими словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе:»

«Хотящимъ Божественныхъ книгъ навыкати,
Умомъ и сердцемъ прилѣжно внимати,
Должно есть всѣмъ сіе сохраняти,
Учителево приказаніе опасно соблюдати.
Не покаяющимся полагаемъ клейноть —
Учителевъ ремень плѣтной.»

Послѣ этого заглавія, которое все написано киноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

«Младоумный и маловозрастный отроцѣ,
Въ дѣтскихъ глумленіяхъ борзо скачѣ:
Въ сердца своемъ скрый словеса сія,
Да насладится сердце твое беседы сея;
Еще азъ тебѣ хошу сказати,
Тебе младаго отрока во благое наказати:
Малая моя словеса присно внимай,
Ты же ими ко исправленію ся взамай,
И добрѣ сохраняй.»

Содержаніе самихъ Азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юно-

¹ Статья г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей». VII, От. Зап. за 1854 г. N. 12, Отд. II, стр. 99, 100.

пештва, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ Русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разсыянные въ этихъ Азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи Азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось Русское юношество для наученія «книжному дѣлу.» Были ли для этого устроены особенныя зданія на общественный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ, это достовѣрно и доказывается очень многими мѣстами Азбуковниковъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ¹; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же Азбуковникахъ. Важное свидѣтельство читаемъ мы въ нихъ относительно того, въ какихъ слояхъ Русскаго общества было распространено, если не образованіе, приличное тому времени, то, по крайней мѣрѣ, гра-

¹ О древне-Русскихъ училищахъ, Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1854, стр. 105, 107.

мотность. Въ одномъ азбуковникѣ, сама мудрость, поучая юноше-ство и совѣтуя родителямъ всѣхъ состояній и званій, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученіе къ ней, «прехитрой словесницѣ», говорить между прочимъ: «сега ради присно глаголю и глаголю непрестану людямъ благочестивымъ во слышаніе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя цѣлскусолубныя дѣти на таковое славословіе всесильнаго Бога и благоразумное ученіе вдають; не оскорбляйтеся убо, ниже печаль си имѣють о невѣжествующихъ и грубородныхъ отроковъ, но и сихъ удобь отдавайте.» Конечно, по этимъ словамъ мы не можемъ еще судить и дѣлать приговоръ о распространеніи грамотности между поселянами (этимъ нельзя еще и теперь похвалиться); но что такое явленіе считалось уже возможнымъ въ то время, въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ, намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякаго состоянія и всѣхъ сословій, начиная отъ знати до самыхъ послѣднихъ земледѣльцевъ.

Весь день, по правиламъ Азбуковниковъ, распредѣленъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненіяхъ въ чтеніи):

«Въ дому своемъ, отъ сна вставъ, умыйся,
 Прилучившагося плача краемъ добръ утрися,
 Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
 Отцу и матери низко поклонися.
 Въ школу тщательнo иди,
 И товарища своего веди,
 Въ школу съ молитвою входи,
 Тако же и вонъ исходи.»

Въ другомъ Азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указаніемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другіе школьные обычаи, но что у насъ, «въ Словенороссіи сіе зазорно мнится.» Все же остальное почти дословно сходно съ правилами перваго Азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ Азбуковникъ. «Приглыблющійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано встають, и умывся, образу Божию низжай-

шимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утренюеть ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ... Въ храмъ учителей, си есть въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божию поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость пріимися, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣцыи и въ навечерій во время вечерняго пѣнія говорить повелѣвають и тако расходится и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словеноросіи сіе зазорно мнится».

Это значить, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что, сказавъ старый урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго «вечерняго пѣснопѣнія», съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ, съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ итти къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: «Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божиимъ ставъ, помолитися молитвою сею: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь.» И поклонився трижды съ молитвою Иисусовою, начинай стихъ тихо, а не борзая.»

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, производились всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ Азбуковникахъ:

«Молитвы ваши со, умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
Кричаніе же и вересканіе ползы и умиленія отнюдъ не подавають.»

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, сядились по достоинству, т. е., каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидакаломъ. Относительно поведенія во время классовъ, въ Азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

«Малія въ васъ и велицыи вси равни,
Ученій же ради вящихъ мѣстоужь да будутъ знатни.»

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ:

«Не потѣсай мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего.»

Или:

«Тѣсною другъ ко другу не согнѣтайтеса,
Когбнами и лядвіями не присвойтеса.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не угѣсняй.»

Тѣ же самыя совѣты даетъ «Мудрость» юношеству въ другомъ Азбуковникѣ. Сказавши учителю свой урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ «Мудрость»: «Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не праздно-слови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не угѣсни; полуименемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй.»

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разбѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простаго приличія мѣшались здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

«Въ школу съ молитвою входи,
Такъ же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Доброты ближняго страстиѣ не зри,
И близъ еднѣ другаго не спи.»

Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонитъ,
 Таковая отъ того страсть бѣніемъ ся да отгонитъ.
 Данный урокъ кійждо васъ изучивъ,
 И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получивъ,
 Двери школы, входяй и исходяй,
 Тихо и благодѣсно отвори и затвори.
 Деннаго ли урока кто не изучитъ,
 Таковъ отъ бѣніа свободы не получитъ.»

Надо замѣтить, что два Азбуковника, совершенно различные, и по содержанию и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведения учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потомъ, какъ въ прозаическомъ Азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ неприличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣсниться къ товарищамъ, глазами «не намизать», не давать товарищамъ кличекъ, такъ точно и въ риѣмованномъ Азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

«Егда кто ближняго будетъ назирати
 И очима своимъ страстнѣ намизати,
 Ему же бѣніе будетъ нещадно,
 Да инымъ къ тому будетъ не повадно.»

Или:

«Не потѣснѣй мѣстомъ ближняго твоего,
 И не называй прозвищемъ товарища своего.»

На счетъ обращенія съ книгами, въ риѣмованномъ Азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, «замкнувъ» книгу, всегда клали ее печатьюверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь «указательнымъ древцомъ»; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ «старостѣ» (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями, «паволоками», а старались бы понять написанное въ нихъ.

«Книги ваши добре храните
 И опасно на мѣсто свое владите;
 Книгу, замкнувъ, печатію къ высотѣ полагай,

Указательнаго же древца въ ню отнюдь не влагай;
 Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите,
 Тако же и заутро принимая съ поклоненіемъ относите;
 Книги своя не вельми разгибайте,
 И листовъ въ нихъ туне не пребирайте;
 Книгъ на сѣдалищкомъ мѣстѣ не оставляйте,
 Но на уготованномъ столѣ добрѣ поставляйте.
 Книгъ аще кто не брежетъ,
 Таковѣй души своея не стрежетъ.
 Книжными паволоками не забавляйтеся,
 Но написанными въ нихъ вразумляйтеся.»

То же самое выражено въ другомъ Азбуковникѣ, чѣмъ еще больше доказывается, что эти школьные обычаи были во всеобщемъ употребленіи и вошли въ правила школьной дисциплины, выражаясь въ разныхъ учебникахъ одними и тѣми же фразами, какъ видимъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: «Аще гдѣ пойдеша, книгу твою вышшею страною, внизъ не клади, ниже горнею, си есть вышшею страною, яко бы стремоглавно поставивши, но долнею страною во обихъ и ставляй и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго въ книгу не клади, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни, и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай.»¹

Самая одинаковость выраженія этихъ мѣстъ въ томъ и другомъ Азбуковникѣ, тожество фразъ и повтореніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ одинаковымъ образомъ, все доказываетъ, что фразы эти имѣли полное гражданство въ правилахъ нашей древней школьной дисциплины и, по всей вѣроятности, составляли часть, если можно такъ сказать, цѣлаго уложенія объ училищахъ до-Петровской Руси, которое, если и не было писано, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ сохранялось въ памяти самихъ наставниковъ, и частью изустно, частью въ рукописныхъ учебникахъ, передавалось юношамъ въ назиданіе. Такъ, строжайшее приказаніе ученикамъ не пересказывать внѣ школы того, что говорилось имъ семейнымъ образомъ, или вообще не выносить за порогъ школы словеснаго сору повторяется одинаковымъ образомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не въ одномъ Азбуковникѣ, а въ разныхъ, на примѣръ, въ одномъ мѣстѣ сказано:

¹ Въ другомъ мѣстѣ велѣно передавать книги книгохранителю.

«Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Словесъ смѣхотворныхъ и подраженіе въ школу не вноси,
Дѣлъ же бываемыхъ въ ней отнюдь не износи.»

Въ третьемъ:

«Школьный соръ вонъ изнесите,
Бытностей же и рѣчей отнюдь не изнесите.»

Не останавливаясь долго на каждомъ изъ такихъ мѣстъ, отдѣльно взятыхъ, я буду продолжать указывать на тѣ правила учебниковъ, которыя сами приведутъ насъ, хотя отчасти, къ результатамъ, которыхъ мы ищемъ и которыхъ въ правѣ ожидать. Азбуковники велятъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на ихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лаханъ съ водою настоялой; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и пр., что выражено въ слѣдующихъ восьми стихахъ:

«Сосуды прилучающіяся въ школу ставляйте и кладите тихо,
Да небреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приприсити,
Лаканъ же съ настоялою водою вонъ износить;
Столъ и лавки часто вамъ да мыются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видится,
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота.»

О значеніи этой обязанности—мыть и выносить лаканы и пр., которая въ наше время кажется такою странною, мы не будемъ теперь разсуждать, а лучше взглянемъ на другія, подобныя же правила и обязанности, возлагаемыя на учениковъ до-Петровской Руси, и увидимъ, что онѣ были, по тогдашней порѣ, своевременны, и нисколько не странны, какъ не странны, слѣдующія, на примѣръ, требованія:

«Храканія и иныя волглости вонъ да исплюеши,
Предъ ближнимъ и среди школы да не повержеши;
Хрипленія горлянаго и сонѣнія носоваго не имѣйте,
Но испорѣчно учимое и всякое реченіе имѣйте.»

Или эти правила:

«Отнюдь не обнажай при товарищахъ руки и ноги твоя,
Тако же и самъ не зри страстнѣ ваготы своя.

.

Отнюдь не прикасайтесь къ чесому любосластнѣ,
И доброты ближняго не зрите любострастнѣ.»

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не получили о насъ дурно; шапки велѣно класть на градку; велѣно мести школу и выносить «соръ», только не «словесный»; на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу, и «школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристроляетъ». Впрочемъ, приведемъ и это мѣсто:

«Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ,
Ослушникомъ же и огурщикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Любой сіе, съ нами таковой не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдь да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на градку да полагаете,
И оттуду паки бережено взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и всчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Быгностей же и рѣчей отнюдь не износите.
Школьные недостатки третій староста ¹ да знаетъ
И вся потребности прилѣжно да сматрываетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристроляетъ;
Школу кто хочетъ нагрѣвати,
Всякое дѣло съ молитвою начинать;
Школы двери и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней зберегайте.»

За тѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ «дружиной», т. е., съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; ради нужды гдѣ кому отходить—

¹ О «старостахъ» въ нашихъ древнихъ училищахъ будетъ сказано ниже: сколько ихъ было, изъ кого выбирались они, и ихъ обязанности.

позволено только четырежды на день, и не иначе какъ съ позволенія старосты; за тѣмъ велѣно вымыть руки и садиться за ученье:

«Руки своя храните отъ краденія
И на книги ваша кладенія;
Рукою ближняго отнюдь не ухващай
И льстивымъ словомъ отнюдь не увѣщай.

.
.

Ради нужди кому отходити,
Къ старостѣ для отпущу съ молитвою приходити;
Ради того четырежды днемъ ходите,
Немедленно же паки оттуду приходите;
Руки для чистоты да измываете,
Егда тамо когда бываете.»

То же самое есть и въ неримованномъ Азбуковникѣ: «аще камо ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся, и измывъ ружь, настоящему ученію касайся.»

Пить позволялось три раза на день и позволеніе это зависѣло также отъ старосты:

«Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ молитвою бываете.»

Наконецъ, относительно наказанія лѣнивыхъ, въ древнихъ учебникахъ находимъ довольно много указаній, потому что лоза, розга и жезлъ были любимыми темами, надъ которыми изоощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; ни одна статья школьныхъ уставовъ до-Петровской Россіи не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословесными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого мы не въ правѣ заключать, что въ древне-Русскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно-суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками жезломъ, ремнемъ, плетью, лозою и розгой, и, вдобавокъ, съ ужасающимъ школьнымъ козломъ, выражалась искусно сплетенными виршами, и каждый «писатель» учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ было угодно; это было простое словесное устрашеніе, которое, конечно, не всегда и не во всей мѣрѣ выполнялось, но все таки выполнялось, хотя и не такъ часто, какъ оно встрѣчается въ учебникахъ при всякомъ удобномъ случаѣ и почти на каждой страницѣ; не говорю уже о томъ, что предисловія

и послѣсловія рѣдко забывали эту словесную угрозу и всегда почти были исполнены указаніями на страхъ жезла и учителя. Но какъ бы то ни было, г. Забѣлинъ гораздо прямѣе взглянулъ на способъ обученія нашего юношества въ древней Руси, чѣмъ гг. Купріяновъ и Лавровскій, по мнѣнію которыхъ, въ обращеніи съ дѣтьми, у нашихъ предковъ господствовали въ высшей степени гуманныя начала: первый изъ нихъ опирается на выраженіе Стоглава, что вслѣно, де, учить дѣтей «не яростию, ни жестокостию, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ и ласковымъ утѣшеніемъ»¹, а больше никакъ; по мнѣнію втораго, педагогъ древней Руси никогда не былъ суровъ, а чрезвычайно ласковъ и всегда младенцы сладостно кутіею кормляше.² Можетъ быть, дѣтей и кормили кутіей, но за то и сбѣкли такъ же, какъ предполагаетъ г. Забѣлинъ, особенно въ той Руси, въ которой необходимы были правежи и батоги,³ и гдѣ и въ наше еще время воспитаніе дѣтей, какъ домашнее, такъ и общественное, по большей части, не обходится безъ розогъ.

Выше мы видѣли уже предисловіе, гдѣ говорится, что будто бы самъ Духъ Святой велитъ бить дѣтище розгою, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба, и тому подобныя доводы; видѣли также и другія указанія на то, что юношеству нашему часто повторялось увѣщаніе о розгѣ и ремнѣ, о уваженіи къ бичу и жезлу. Это въ предисловіяхъ. Но и въ самихъ учебникахъ, между серьезнымъ содержаніемъ, посвящалось довольно много страницъ предмету о наказаніяхъ, и всѣ такія разглагольствованія очень забавны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы видимъ нашихъ предковъ, съ ихъ взглядами на вещи и привычками, съ ихъ понятіями о воспитаніи и обученіи. На примѣръ, въ одномъ мѣстѣ рѣмованнаго Азбуковника говорится, что лѣннихъ писаніе велитъ бить лозами, и въ слѣдъ за тѣмъ самой лозѣ посвящается почти такое же похвальное слово, какъ и розгѣ въ приведенномъ выше предисловіи:

«Лѣннихъ писаніе велитъ бити лозами,

Отъ нихъ же то изводится бываемыми слезами;

¹ Купріяновъ: «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи», въ Сиб. Вѣд. N. 163 (изъ «Степен. книги»).

² Лавровскій: «О древне-Русск. училищахъ», стр. 103 (тоже изъ «Степен. книги»).

³ Забѣлинъ: «Характеръ древняго народнаго образованія въ Россіи», въ Отечеств. Записк. 1856 г., N. 3, Отд. II, стр. 6.

Лѣнивѣмъ здѣ является лоза,
Его же налагается имъ гроза.
Лѣнвіа внимайте,
Наказаніе мое прїимайте.
Лоза дѣтемъ разумъ во главу вгоняетъ.
И отъ злыхъ на добрая дѣла возставляетъ,
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ,
Божественнаго разума премудрѣ научаетъ;
Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ
И злыи обычай удобѣ отлучаетъ;
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удаву на шію скоро ему свіеть.»

Изъ этого отрывка всякій можетъ видѣть, что даже правила о наказаніяхъ такъ дословно сходны въ разныхъ мѣстахъ учебниковъ, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ прочности тѣхъ положеній касательно училищной дисциплины, которыя разсѣяны по тогдашнимъ учебникамъ и которыя мы отчасти привели въ возможномъ порядкѣ: выраженія какъ въ тѣхъ, такъ и въ этихъ послѣднихъ правилахъ о наказаніи, ясно говорятъ, что они переходили изъ устъ въ уста, какъ пословицы, какъ нравственныя сентенціи, не чуждыя для всякаго Русскаго. Выишемъ еще нѣсколько такихъ правилъ о наказаніи учащихся.

Въ одномъ мѣстѣ говорится:

«Естьли кто ученіемъ облѣняется,
Таковѣи ранъ терпѣти не постыдится.»

Въ другомъ:

«Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ.»

Сами ученики говорятъ учителю:

«Бываемъ всегда страшни тебе,
И тѣмъ отъ побой соблюдаемъ себе.
Безъ наказанія ли твоего пребудемъ,
Воистину честна нигдѣ не будемъ.»

Учитель говоритъ ученикамъ:

«Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеши,
То вездѣ честенъ будеши;
Аще въ данныхъ тебѣ урокахъ облѣнишися,

¹ Опять то же самое выраженіе, которое ученики говорятъ учителю.

То и ранъ терпѣти не постыдишися.

.

Аще хоцеша ранъ избыти,
 Всегда надобно учливу быти;
 Аще въ написанныхъ сихъ словесѣхъ не пребудеши,
 Вѣстно буди, яко безъ побой не пребудеши.»

Въ Азбуковникѣ неріеменованномъ нѣтъ такихъ обильныхъ разглагольствованій о наказаніяхъ, и о нерадивыхъ «Мудрость» говоритъ очень немного, именно: «посѣтити имамъ таковаго жезломъ наказанія и ранами смирити имамъ даже до плача и слезъ», и пугаетъ лѣнливыхъ тѣмъ, что они не только «въ настоящемъ семъ ученіи множицею біени будутъ», но «и вся дни живота своего въ злостраданія и убожествѣ поживуть и, злѣ дни своя скончавъ, вѣчно мучени будутъ.»

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи у нашихъ предковъ, упоминается и обыкновенный въ настоящее время способъ оставлять лѣнливаго безъ обѣда:

«Егда кто урока даннаго не изучитъ,
 Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ.»

Не забыта также и скамейка, этотъ «школьный козель», на которомъ «посѣщали лѣнливыхъ жезломъ наказанія и ранами смиряли даже до плача и слезъ», какъ сказано:

«Егда кто другъ друга злѣ увичивитъ,
 Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полежитъ.»

Упоминается еще одно наказаніе, но признаться, мы его рѣшительно не можемъ понять:

«Школьныхъ всѣхъ жителей утробное испражненіе
 Вступающимъ на лавку ученикомъ будетъ устрашеніе.»

Догадываться можно, однако, что извѣстное мѣсто, въ то время, исправляло должность карцера.

Въ Азбуковникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы школьные фискалы пользовались почетомъ: но если товарищамъ и приходилось выдавать проступокъ одного какого либо шалуна, то это дѣлалось съобща и такъ, что самъ учитель находилъ виновнаго. На примѣрѣ, ученики такъ говорятъ своему наставнику:

Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
 Которая не предъ многими деньми была;
 Виновнии, слышавъ сіе, лицемъ рдятся,
 Понеже онѣ нами смиренными гордятся.

И дѣйствительно, по нѣкоторымъ отрывкамъ Азбуковниковъ, можно видѣть что между юношествомъ училищъ до-Петровской Руси, товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наущничествомъ и подлостью никто не осмѣливался. За то, изъ числа самихъ учениковъ, учитель избиралъ надсмотрщиковъ за нравственностью и поведеніемъ товарищей; надсмотрщики эти назывались старостами, что, кажется, вполне соответствуетъ школьному выраженію нынѣшнихъ средне-учебныхъ заведеній, именно слову старшій. Старосты избирались изъ воспитанниковъ прилежныхъ и самой безукоризненной нравственности; правила требовали, чтобъ старосты «не были къ яденію любосластны: таковіи бывають и къ возрѣнію любострастни.» По словамъ одного Азбуковника, избирались они на томъ основаніи, что такъ какъ пастыри безсловесныхъ скотовъ сзываютъ свое стадо голосомъ и словомъ устрашаютъ его и «отвращаютъ отъ пути, амо же не дѣпо имъ ходити», да кромѣ того имѣють и «псовъ добрѣйшихъ, могущихъ олаяти стадо, да гласъ его нѣцьи отъ звѣрей слышавъ, не внидутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо разпудити;» такъ какъ еще «множицею и пастырь отъ труда усыпаетъ, или отходить,» а «бодрый песь единъ стережетъ добрѣ,» то тѣмъ болѣе пастырю словесныхъ овецъ, учителю, подобаетъ блюсти учениковъ и «хранити ихъ, яко зѣницу ока» (много бо несмыслства и всякого неразумія привязано суть къ души отрочати), и для этого, говорить къ учителю мудрость: «имѣй у себе, въ остереганіе ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ... Аще суть добри пристави, да не по твоємъ отшествіи, или снѣ, ученицы твои уклонятся въ развращенія и бесѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на ина цѣкая злая діаволь научить.»

О количествѣ старость можно предполагать различно. Есть указанія на то, что староста былъ одинъ, по словамъ Азбуковника: «единого изъ васъ въ старосты изберу.» Но вѣроятноѣ всего, что ихъ избиралось трое, какъ говорятъ многія мѣста Азбуковниковъ: «тріехъ старость вамъ устраию, коему коемуждо особое приказаніе уставляю.»

Касательно обязанности старость есть много указаний въ Азбуковникахъ. Прежде всего и главнѣе обязанность ихъ была наблюдать за нравственностью товарищей во время отсутствія учителя, почему они имѣли право даже наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнiю; старосты должны были прослушивать уроки прочихъ учениковъ, слѣдовательно, исполняли должность нынѣшнихъ аудиторовъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ; они должны были смотрѣть за книгами учащихъся, отпущать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочередно; наконецъ, на одного старосту возложена была обязанность, ради нужды, учениковъ на дворъ отпущать и зловоннаго духа ощущати. Но я постараюсь всѣ обязанности старость передать, сколько возможно, словами самихъ Азбуковниковъ. Главное мѣсто слѣдующее:

Триехъ старость вамъ устраю,
 Коемуждо особое приказанiе уставлю:
 Ти вся бывающая въ васъ да смотрають,
 Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смиряють;
 Ти должны суть: единъ книги прiимати и отдавати,
 Другiй недостатки воды досмотрати и пить отпущати;
 Третiй нужди ради на дворъ отпущати
 И зловоннаго духа долженъ есть ощущати.
 Ти должны быть безпристрастни,
 Да не, на нихъ зря, ниѣи будутъ страстни.

Нѣсколько ниже, въ этомъ же Азбуковникѣ, учитель, обращался къ одному изъ старость, говоритъ ему о надсмотрѣ за книгами и велитъ чаще прослушивать учениковъ:

Часто тебѣ, староста, приказываю,
 И всѣмъ вамъ прилѣжно наказываю:
 Честно книги всегда прiимай,
 И на уготованное мѣсто благоискусно полагай,
 Честно же и за утро взимай
 И съ молитвою всѣмъ отдавай;
 Часто безъ мене учениковъ прослушай,
 И всякому благоискуству ихъ поучай.
 Чинно въ приказанiихъ моихъ пребудете,
 То никогда отъ мене биени будете.

Еще ниже:

Школьные недостатки третій староста да знаетъ,
И вся потребности прилѣжно да сматрываетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повседневно,
Староста же сему нарежаетъ поочередно, и т. д.

Слѣдующее мѣсто говорить въ пользу того, что могъ быть и одинъ староста въ школѣ, и тогда онъ или исполнялъ, вѣроятно, свою обязанность за троихъ старостъ и былъ представителемъ учителя, или, можетъ быть, онъ уже не исполнялъ вовсе обязанностей трехъ старостъ, а былъ просто только представителемъ учителя:

Единаго изъ васъ въ старосты изберу,
Ему же васъ въ повиновеніе приведу,
Ему же вси вы покоряйтесь
И учении своими у него прослушайтесь;
Егда же самъ азъ буду въ дому,
Не лѣнивъ буду и азъ къ тому. ¹

Наконецъ, послѣднее мѣсто:

Жажн ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ любовію бываете, и т. д.

Такими правилами руководствовались педагоги до-Петровской Руси, въ отношеніи нравственнаго наставленія своихъ питомцевъ и въ отношеніи школьныхъ обычаевъ, которые отчасти высказались въ приведенныхъ нами отрывкахъ. Изъ нихъ мы нѣсколько узнаемъ, какіе обычаи приняты были въ тогдашнихъ школахъ, какъ должны были вести себя ученики въ школѣ и дома, какія лица наблюдали за нравственностію юношества и проч. Еще надо прибавить къ этому, что правила тогдашнихъ училищъ строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ Православной религіи; хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность обучающемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось въ юношахъ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. ² Можно

¹ Не вѣрнѣ ли будетъ предположить, что это былъ особенный, такъ сказать, экстраординарный староста, наряжавшійся собственно замѣнять отсутствующаго учителя?

² О хожденіи въ церковь сказано: «Се бо есть ваше дѣтское въ школѣ учащихся дѣло, паче же совершенныхъ въ возрастѣ.»

думать, что ученики обязаны были непременно ходить въ церковь, не только въ воскресенье и въ праздничные дни, но и въ простые дни слушать вечернюю службу: благовѣсть къ вечерни возвѣщалъ имъ окончаніе классовъ. Передъ этимъ окончаніемъ ученія, воспитанники прослушавались старостами и учителемъ. За тѣмъ, говорить мудрость, «егда отпущени будете, вси купно воставше и книги свои книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возгласеніемъ вси купно и единоголосно вопѣвайте всегда молитву Преподобнаго Симеона Богопріимца: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко», и пр.,² и Пресвятѣй Богородицѣ о пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: «Преславная присно Дѣво» и пр.

Вспомнимъ, что эту же самую молитву: «Нынѣ отпущаеши», еще до сихъ поръ продолжаютъ читать въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній; въ гимназіяхъ и другихъ казенныхъ училищахъ этотъ обычай вывелся и, вмѣсто древней молитвы, читаютъ сочиненную въ новѣйшее время: «Проблагій Господи», при началѣ классовъ, и: «Благодарю Тебя, Создателю», въ концѣ; въ Университетахъ же ни то, ни другое; но «Нынѣ отпущаеши» еще и теперь читаютъ въ нашихъ сельскихъ, домашнихъ школахъ, гдѣ старина, конечно, нашла себѣ пріютъ на долгое время. Какъ бы то ни было, но мы знаемъ, какъ въ школахъ XVII вѣка начиналось и оканчивалось ученіе, и какъ должны были вести себя дѣти въ самихъ училищахъ. Нѣтъ въ этихъ Азбуковникахъ ясныхъ указаній, въ какое время отпускали учащихся къ обѣду: впрочемъ, это не важно для исторіи образованія въ Россіи, если бы мы даже и знали точно этотъ часъ; но насъ приводитъ въ сомнѣніе одно мѣсто Азбуковника, гдѣ говорится, между прочимъ, что учитель долженъ читать часто своимъ ученикамъ «полезная писанія», относящіяся къ ихъ настоящему положенію, или о мудрости, для поощренія къ ученію, или о школьной дисциплинѣ, или о праздникахъ, и это онъ обязанъ прочитывать имъ каждый день, преимущественно же во время хлѣбожденія и полуденнаго отъ ученія престація. Но какъ могли слушать эти правила ученики, когда они отпускались по домамъ и обѣдали каждый съ своими родителями? Для того, чтобы ученики

² Въ примованіи Азбуковникъ:

Хощете ли при вечерѣ въ дома своя отходить,
Молитву: «Нынѣ отпущаеши» глговозгласно проговорити.

имѣли возможность за обѣдомъ слушать эти учительскія чтенія, остается предположить, что къ обѣду ихъ не распускали. Тогда явится необходимость дѣлать заключенія о томъ, что они обѣдали въ школѣ; а это предположеніе ведетъ за собой новую догадку, что они имѣли въ школѣ общій столъ. Такъ, на чей счетъ готовился этотъ столъ? На общественныя деньги? Но эти догадки заведутъ насъ слишкомъ далеко и поднимутъ такіе вопросы, на рѣшеніе которыхъ мы не надѣемся при настоящихъ средствахъ. Остается допустить, что эти непонятныя выраженія Азбуковника сказаны только относительно тѣхъ немногихъ учениковъ, которые постоянно находились при учителяхъ, особенно когда многія школы существовали при монастыряхъ, и тогда для насъ сдѣлается яснѣе еще одно выраженіе изъ другаго Азбуковника, гдѣ слагатель дѣлаетъ такое предостереженіе учителю: «Лягутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спать, дивися, аще не на тѣхъ же мѣстахъ имутъ востати.» Какимъ образомъ учитель могъ видѣть спящихъ учениковъ и наблюдать за ихъ нравственностью во время сна, если они не жили при самихъ школахъ? Но не беремся рѣшать этихъ недоумѣній съ помощью однихъ Азбуковниковъ, находящихся въ нашихъ рукахъ; а предполагать, вѣроятно, можетъ всякій болѣе или менѣе правдоподобно, и потому мы не утверждаемъ своихъ предположеній. Можетъ быть, послѣ сами собой разрѣшатся эти недоумѣнія.

Мы остановились на томъ, что звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія классовъ; ученики должны были идти къ вечерни, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобъ они стояли въ церкви благопристойно, «потому что, прибавляетъ онъ, всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!»¹ Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобъ и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говоритъ премудрость: «Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите; шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и бѣнія, и рѣзваго бѣганія, и каменожеренія, и всякихъ не подобныхъ дѣт-

¹ Звонъ къ церковному пѣнію егда слышите,
Ученіе оставше, усердно тамо поспѣшите;
Знаемъ всѣмъ тамо кроткимъ стояніемъ бывайте,
Понеже вси знаютъ, яко въ школѣ пребываете.

скихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяи бо таковая вѣсть отъ овецъ монахъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ стропотное хожденіе, отъ нихъ имъ бываетъ паденіе и сокрушеніе.... И егда минуете святую церковь и узреть кто образъ Христовъ, не мини, еже не помолитися со изреченіемъ симъ: «Пречистому Твоему образу покланяюся, Благій», и ту стоя, или идя, точію скончай. Аще ли не умѣши первое, довольно ти есть, дондеже изучиши. Такожде и Пресвятая Богородица образу помолитися со изреченіемъ: «Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице Дѣво», и прочее. Вѣдѣй буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолишь Сына своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ истинное познаніе во святыхъ писаніяхъ.» Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому либо случаю собирается народъ.

На обрѣтающееся позорище отнюдъ не ходите,
Но паче въ дома своя со смиреніемъ ходите.

Оканчивая объясненіе школьныхъ обычаевъ, какими находимъ ихъ въ Азбуковникахъ, мы должны еще прибавить, что въ воскресные и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были «точію выученное изговорити и настоящій стихъ трижды,» и до начатія литургіи слушали разныя поученія и объясненія праздниковъ, за тѣмъ отходили въ церковь. Этотъ обычай сходенъ съ существующимъ еще въ настоящее время обыкновеніемъ въ окружныхъ (т. е., уѣздныхъ) училищахъ Войска Донскаго, гдѣ воспитанники по воскресеньямъ обязаны собираться въ заведеніе и слушать чтеніе Евангелія, которое должно читаться въ тотъ день въ церкви; а учитель объясняетъ имъ значеніе и смыслъ сказаннаго въ Евангеліи. Послѣ того всѣ учащіеся и наставники идутъ въ церковь.

Училищныя правила въ до-Петровской Россіи требовали непремѣннаго исполненія еще нѣкоторыхъ обычаевъ, которые въ наше время сохранились не вездѣ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься борзоучающимися учениками и не оскорбляться грубоучающимися, велить ему заставлять тѣхъ и другихъ ежедневно прославлять мудрость, призывать на помощь Бога и «любезный много стихъ купно глаголати: «Премудрости наставниче и смыслу Давче», и прочее до конца. Потомъ ученики должны читать слѣдующую ученическую молитву: «Господи помози, Господи поспѣши, Господи вразуми рабъ

своихъ грамотѣ учитися и добрѣ писати. Даруй намъ, Господи Боже, разумъ истинный, очима прилѣжное зрѣніе, помысль не мятеженъ и умъ достаточенъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.» Если же который нибудь изъ учениковъ лѣнится, или, какъ говорить Азбуковникъ, «болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго», то учитель долженъ призвать священника и прочитаты молитвы, какія обыкновенно читаются надъ неудобобучающимися грамотѣ; но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія «отъ писаній», или рассказывать «просторѣчнымъ сказаніемъ» о тѣхъ лѣнивыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ Святыхъ, какъ на примѣръ, у Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и другихъ; преимущественно же онъ долженъ рассказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитву Пресвятой Богородицѣ, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ ученію, и которому она явилась и сказала: «Не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти, но и главу твою скорбную узлѣчу.» Также точно учитель долженъ передавать лѣнивымъ ученикамъ рассказъ о вѣковѣ Удонѣ, которому тоже Богородица въ видѣніи сказала: «Отселе будеши грамоте умѣти.» Цѣлью этихъ рассказовъ, конечно, было пріохотить нерадиваго къ ученію и возбудить въ немъ ревность и охоту къ наукамъ, и, намъ кажется, въ этихъ рассказахъ гораздо больше смысла, чѣмъ въ тѣхъ выдуманныхъ сказкахъ, которыми наполнены нынѣшнія дѣтскія книжки, или еще болѣе—въ подаркахъ и игрушкахъ, которыми нынѣшняя педагогика обыкновенно возбуждаетъ въ дѣтяхъ желаніе учиться, и учиться больше изъ за того, что въ перспективѣ ожидаетъ ихъ, за каждую выученную букву алфавита, или пушка, или барабанъ.

Святые, покровительствующіе книжному наученію, считались у насъ Косма и Даміанъ, Пророкъ Наумъ и тотъ Святой, въ честь котораго дано имя учащемуся при крещеніи. Относительно двухъ первыхъ покровителей ученія у насъ достовѣрно до сихъ поръ не было извѣстно; по крайней мѣрѣ г. Лавровскій, въ разсужденіи своемъ: «О Древне-Русскихъ училищахъ», говоритъ, что письменнаго свидѣтельства о призываніи учащимися этихъ Святыхъ онъ не находитъ нигдѣ, а по аналогіи съ Греческими школьными обычаями заключаетъ, что, вѣроятно, и у насъ почитались эти святые, какъ патроны учащихся. Предположеніе г. Лавровскаго оправдывается нашими Азбуковниками, въ которыхъ прямо сказано, что «есть обычай

многимъ (учащимся) совершати любезная смятымъ Безсребренникомъ Космѣ и Даміану, и святому Пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать.»¹ Относительно Пророка Наума намъ Азбуковникъ открываетъ новый фактъ, именно то, что и въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь этого Святаго, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующее даже до сихъ поръ обыкновеніе у нашего простонародія и въ среднихъ сословіяхъ передъ началомъ ученія молиться Пророку Науму, такъ же какъ объ успѣшномъ ученіи молятся Іоанну Богослову (въ Азбуковникахъ о немъ же упомянуто, какъ о покровителѣ собственно письма); въ Семинаріяхъ же въ день сего Святаго всѣ богословы отъ ученія свободны.

Наконецъ, самый послѣдній школьный обычай, изъ котораго мы можемъ отчасти усмотрѣть состояніе тогдашняго ученаго сословія, т. е., класса учащихся и его отношенія къ другимъ классамъ, это—обычай кормить учителя, показывающій зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ тѣхъ сословій, которыя вручали ему дѣтей своихъ для наученія книжному разумѣнію. Такъ, изъ Азбуковниковъ мы видимъ, что учителя нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были по праздникамъ приносить своему дядасналу съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ, какъ говорить къ нимъ самъ учитель:

Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите.

Или:

Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питія ему приношайте.

¹ Г. Лавровскій приводитъ даже изъ Дюканжа (Constantinopolis Christiana. Lib. III, p. 122) стихи Іоанна Евхаистскаго ко храму Космы и Даміана:

*Καθ' ἣν ὁμοῦ σύνεσθιν οἱ γεγραμένοι
Ἀνάργυρος μεν ὁ τρόπος τοῖς ὁμοίοις.
Τέχνη διατροῦ, θαυματουργοῦ τε πλεον.
Ἦν οὖν θείλις, ἀμιβδον ἑξαιτοῦ χάριν,
Θεῖα γὰρ ἐγγύς, εὐτυχῆς δὲ καὶ τέχνη.*

«О Древне-Русскихъ училищахъ», стр. 119. Значитъ, у Грековъ Косма и Даміанъ считались покровителями учащихся. Но съ какого времени и по какому случаю одѣлались они покровителями наукъ, намъ неизвѣстно.

Эти приношенія натурой, впрочемъ, очень естественны въ такомъ обществѣ, которое еще не имѣло низшихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ на общественный счетъ, и потому между учителемъ и учениками, по необходимости, должны были дѣлаться договоры относительно платы за ученіе, и эта плата была отчасти натурой, отчасти деньгами; приношеніе же съѣстныхъ припасовъ въ праздничные дни было, вѣроятно, школьнымъ обычаемъ, который и записанъ въ правилахъ училищъ. Что эти приношенія были добровольныя, какъ приношенія, освященные обычаемъ и временемъ, видно изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ писемъ, въ которыхъ педагоги обращаются за помощью къ родителямъ своихъ воспитанниковъ. Эти письма также помѣщены въ Азбуковникахъ. Въ одномъ изъ нихъ, которое начинается словами: Государю такому-то (т. е., имя рекъ) бьетъ челомъ и плачется работничшко твой такой-то и пр., говорится, между прочимъ: «Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничшку, Господа ради и благоцвѣтуція отрасли благонаслажденнаго древа, однороднаго своего и любезнѣйшаго сына, и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтуція ради отрасли твоей наученія, а тебѣ, Государю, на душевное утѣшеніе: пожалуй мнѣ, работничшку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!» Мы не выписали всѣхъ любезностей, которыми наполнено письмо отъ первой до послѣдней строчки: всѣ его высокія выраженія клонятся единственно къ тому, чтобъ, въ концѣ письма, попросить на пропитаніе и на «школьное строеніе.» Въ чемъ состояло это «школьное строеніе,» мы не знаемъ. Еще одно изъ такихъ писемъ до того оригинально, что мы никакъ не можемъ удержаться, чтобъ не выписать изъ него нѣсколько любопытныхъ выраженій. Послѣ великолѣпнаго предисловія, проситель говорить такими словами:

Прикажи, Государь, намъ отъ класораселенныхъ плодовъ запасу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія свииня преподати;
Со всѣми же сими железемъ и птахъ водолавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ згущеннаго и отъ семень изветеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладять наша брашна.
Возьдари происходящимъ сквозѣ огонь и воду,
Да благопетребно будетъ нашему дому.
Высокораселеннымъ огорченнаго пива добрѣйшаго,

Пчелодѣлаго меду сладчайшаго.

Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомолцовъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ. ¹

Я не буду вдаваться въ разысканіе подробностей касательно опредѣленія возраста, въ который начиналось у насъ обученіе грамотѣ; не стану также объяснять методъ и способъ, принятые нашими древними педагогами въ наученія дѣтей азбукъ, начиная отъ алфавита и складовъ до чтенія по верхамъ, не зная, какой былъ составъ древнихъ букварей. Незнаніе это не наноситъ, впрочемъ, большаго вреда наукѣ и, вѣроятно, не для многихъ любопытны эти подробности, не важныя для исторіи педагогій вообще и для исторіи образованія Россіи въ особенности, и мы оставляемъ ихъ тѣмъ болѣе, что не могли почерпнуть ихъ изъ нашихъ Азбуковниковъ, да и въ другихъ историческихъ памятникахъ древней Руси ихъ не много. Напротивъ того, о школьной дисциплинѣ, о школьныхъ обычаяхъ мы сочли необходимою сказать, сколько могли. До-Петровская Русь была такъ своеобразна, жила такой своеобразной жизнью, что для разгадки ея, намъ мало аналогіи нашего отечества со всѣмъ остальнымъ Западомъ; уясненію древней Россіи не поможетъ вся полная исторія обычаевъ и жизни Западныхъ народовъ: для этого безсилна даже, такъ близкая намъ по всему, исторія Византіи. До Петра Россія стояла и развивалась, если только можно назвать развитіемъ ея медленный ростъ, слишкомъ отдѣльно отъ всего, ее окружающаго, и этого постепеннаго, едва замѣтнаго, перехода отъ Руси до-Монгольской къ Руси временъ Иоанновъ, отъ Руси временъ Годунова къ Руси, воспитавшей Петра, этого нравственнаго окрѣпленія Руси мы не знаемъ, а видимъ только,—и то слишкомъ слабо,—что до Монголовъ Россія была такою-то, при Иоаннахъ такою-то, въ XVII-мъ вѣкѣ такою-то. И семнадцатый вѣкъ мы знаемъ всего менѣе, а еще менѣе оцѣнили его. Движеніе впередъ (и при томъ энергическое движеніе), какое сдѣлала Россія въ этомъ вѣкѣ, и котораго мы еще не поняли и, кажется, не хотимъ понять, одно это движеніе объясняетъ намъ появленіе Петра: личность его не выросла сама изъ себя, отдѣльно

¹ О вѣрнѣхъ напитоккахъ просили еще болѣе вычурно и замысловато, такъ что и догадаться трудно, о чемъ идетъ рѣчь: «Принажи, Государь, сосудъ наполни питія именитаго, званіемъ втораго и осмаго и пятьдесятъ—перваго!» Это—вина (в=2, =и 8, н=50, а—1!).

и самобытно, какъ у насъ принято понимать, а явленіе ея вполне подготовлено XVII-мъ вѣкомъ, и такая личность необходимо должна была явиться, если не съ державой, то, по крайней мѣрѣ, съ перомъ въ рукахъ. И не эта одна личность начала преобразование Россіи: его началъ XVII-й вѣкъ, хотя не такъ быстро и дружно, какъ Петръ, не разрушая вѣковыхъ «забобовъ», какъ ломалъ ихъ Петръ, и не отнимая у народа того, что ему дорого — народности. Если бы событія шли своимъ чередомъ, то, безъ потрясенія основныхъ началъ народности, Россія едва ли бы скоро достигла тѣхъ итоговъ, къ которымъ она приведена была насильно. Къ сожалѣнію, это правда и, можетъ быть, своего, національнаго, утратила бы меньше. Повторяемъ: въ исторіи развитія нравственныхъ силъ нашего отечества XVII-й вѣкъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто.

Отъ того такъ важно для насъ все, что сколько нибудь обясняетъ это, едва замѣчаемое теперь нами, броженіе умственныхъ силъ Россіи въ періодъ, предшествовавшій явленію Петра Великаго. Потому болѣе это важно, что еще и теперь мы смотримъ на свою старину съ высоты величія XIX-го вѣка: изъ снисхожденія мы, пожалуй, не отказываемъ ей въ грамотности, даже болѣе, говоримъ, что предки наши очень любили читать и слушать Священное Писаніе. Но это снисходительное признаніе грамотности нашихъ предковъ слишкомъ недостаточно: хотя мы и не видимъ въ немъ упрека и обвиненія до-Петровской Руси въ варварствѣ, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить въ этихъ отзывахъ того покровительственнаго тона, съ какимъ молодой студентъ хвалитъ мальчика, читающаго бойко по складамъ, не болѣе. Жалко только, что мы не хотимъ безпристрастно оцѣнить того, что въ самомъ дѣлѣ было у насъ на Руси хорошаго, что принадлежало ей по праву, добыто ея силами: то ставимъ ее въ уровень съ Востокомъ, съ неподвижнымъ Китаемъ, то ужъ, напротивъ, даемъ ей мѣсто превыше всѣхъ странъ земнаго шара, выше всего образованнаго Запада. Одни говорятъ, что до самаго Петра у насъ не было даже школъ, другіе едва ли не находятъ у насъ существованіе Университетовъ во время Монгольскаго владычества. Настоящей же оцѣнки хоть бы и XVII-го вѣка мы почти не находимъ ни у кого, хотя этому времени давно бы пора отдать должное. Если мы высоко ставимъ заслуги Петра Великаго, то тѣмъ скорѣе обязаны почитать еще болѣе доброй памятью XVII-й вѣкъ который приготовилъ насъ къ переходу въ вѣкъ осьмнадцатый и

въ отношеніи котораго Петръ былъ не что иное, какъ итогъ, какъ явленіе, необходимо вытекавшее изъ переходнаго настроенія умственной дѣятельности Россіи.

Въ слѣдствіе этихъ причинъ, мы должны дорожить каждымъ проявленіемъ дѣятельности въ XVII-мъ вѣкѣ, особенно такимъ, въ которомъ хоть сколько нибудь высказалось самобытное развитіе нашихъ нравственныхъ силъ. Все, что касается движенія образованія въ нашемъ отечествѣ, въ эту важную эпоху, имѣетъ не меньшее значеніе въ глазахъ людей, занимающихся Русскою стариной: съ этой точки зрѣнія, наши Азбуковники становятся довольно важными документами въ лѣтописяхъ нашей образованности, и довольно сильными опроверженіями тѣхъ несправедливостей, которыя мы сами сочиняемъ про нашу до-Петровскую Русь.

Прежде всего Азбуковники очень ясно говорятъ о существованіи у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ училищъ для первоначальнаго обученія, въ чемъ, кажется, еще и теперь не перестали сомнѣваться наши ученые, и при томъ такіе, которые, по всей видимости, знаютъ древнюю Русь и любятъ ее безъ всякаго невыгоднаго для нея преувеличенія и излишняго пристрастія ко всему до-Петровскому. Въ одной недавно вышедшей небольшой статейкѣ: «О воспитаніи въ древней Россіи» прямо говорится, что будто бы у насъ училищъ, даже и для самаго начальнаго обученія, почти вовсе не было.¹ И это говорится о XVII-мъ вѣкѣ, о томъ времени, когда существовала уже въ Москвѣ Славено-Греко-Латинская Академія. Можетъ быть, почтенный авторъ не досказалъ своей мысли, или хотѣлъ сказать иначе, какъ мы и ожидали отъ него, при его знаніяхъ и, кажется, добросовѣстномъ изученіи нашей исторіи и нашего образованія; но сказано именно такъ, какъ мы привели здѣсь, сказано такъ послѣ тѣхъ дѣльныхъ замѣчаній, которыя мы прочитали у него на первыхъ двухъ страничкахъ. Послѣ этого мы еще больше дорожимъ каждымъ новымъ фактомъ, каждымъ новымъ свидѣтельствомъ, которыми сама древняя Россія, чрезъ уцѣлѣвшіе памятники своей умственной жизни, разрушаетъ наши, ни на чемъ не основанныя, догадки.

Чему и въ какой мѣрѣ обучали въ нашихъ древнихъ училищахъ, мы все таки и теперь еще не можемъ сказать положительно; но уже

¹ «О воспитаніи въ Россіи въ XVI—XVII-мъ вѣкѣ», А. Рудневъ (Библ. для чт., 1855 г., N. 8, Смѣсь, стр. 136).

не такъ вѣдь темень для насъ неразгаданный XVII-й вѣкъ, чтобъ объ немъ ровно ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что у насъ вовсе не было училищъ; училища были, и мы даже знаемъ отчасти обычай этихъ училищъ, ихъ уставы о учащихъ и учащихся. Согласенъ, что по Азбуковникамъ мы не можемъ судить объ объемѣ тогдашняго обученія. Пожалуй, въ одномъ Азбуковникѣ намечается на то, какое широкое поле постоянного ученія открывается обучающимся грамотѣ; но говорить, что все то, что перечисляетъ «мудрость», входило въ объемъ преподаванія, мы не въ правѣ, пока другіе факты не рѣшатъ нашего сомнѣнія. Объ изученіи азбуки «мудрость» говоритъ дѣтямъ, что какихъ бы они ни были родителей, богатыхъ ли матерей, или дѣти «тысячна отца», она не требуетъ отъ богатствъ «родичовъ», ихъ почти ничего, «кольми же паче отъ нища,» но отъ всѣхъ вмѣстѣ, богатыхъ и убогихъ, славныхъ и худородныхъ, просить одинъ только пѣнязь, «нимъ же могу,» говорить, «малѣйшую и, мнится, ничто же имущую разума азбуку купити, и тебѣ съ любовію, яко бы главу умѣщая, вручити, и показовати тебѣ тамо написанныя литеры, або слова, единою по единому, дондеже мало по малу внимати будещи, и яко по лѣствицѣ на высоту, слово по слову, и строка по строкѣ, поступовая, изучаеши.» Вотъ все, что говорится здѣсь о способѣ преподаванія азбуки; этого очень недостаточно. Но «мудрость» продолжаетъ говорить ученику, что, когда онъ выучитъ эту азбуку и будетъ ужъ знать ее въ совершенствѣ, долженъ выучитъ потомъ Часословъ и Псалтырь, и относительно этихъ двухъ послѣднихъ выражается такъ, что безъ нихъ и ученія никогда не бываетъ, что это самыя необходимыя первоначальныя книги, что объ нихъ ужъ и упоминать не слѣдуетъ, потому что всякій это знаетъ: «ктому не глаголю ти о Часословѣ и Псалтыри, безъ нихъ же сіе не бываетъ.» «Но се тебѣ едино реку,» продолжаетъ она, т. е., вотъ на что обрати вниманіе, вотъ что еще нужно тебѣ, кромѣ Часослова и Псалтыри: «вниди умомъ внутрь себе и всею сердечною мыслию обноси вся книги тисненныя и писменныя, великія и малыя, славныя и не славныя, и еже пристойно царской власти, во всѣхъ судебныхъ полатахъ, тако же и во всемъ духовенствѣ чинахъ, и во всенародномъ мнѣжествѣ, и до поселянъ, всякія дѣла и крѣпости откуда вразумляются и вчиняются, и чимъ устраются.»

Преподавалось ли все это въ тогдашнихъ школахъ, хотя поверхностно, изъ Азбуковниковъ рѣшить невозможно, и мы не беремъ на свою отвѣтственность рѣшенія ни за, ни противъ. Довольно того, что въ школахъ нашихъ упоминали о томъ, что еще предстоитъ узнать обучающему грамотѣ, что еще есть важнѣе знанія Часословца и Псалтыри. (Странно было бы послѣ этого утверждать, что цѣль наученія юношей книжному разумѣнiю была единственно та, чтобъ приготовить изъ нихъ церковно-служителей, могшихъ свободно читать въ церкви часы и ирмосы съ тропарями—и только). Дѣйствительно, Часословецъ и Псалтырь были необходимыми книгами въ начальномъ обученiи; но умѣнье читать ихъ не было единственною цѣлю и итогомъ ученія: эти книги были ни больше, ни меньше, какъ первоначальныя руководства, служившiя и для упражненiя въ чтенiи, и для внушенiя юношеству тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя въ нихъ заключаются. Религиозно-нравственное направленiе умовъ нашихъ предковъ необходимо требовало отъ юношества знанiя молитвъ, приличныхъ добродѣтели Христіанину,—и, естественно, молитвы этѣ находились въ тѣхъ книгахъ, которыя были необходимыми книгами въ богослуженiи. Вотъ почему первыми учебниками нашими явились Часословъ и Псалтырь, какъ собраніе и догматовъ вѣры, и правилъ объ обязанностяхъ человѣка и гражданина.

Но, кромѣ Часослова и Псалтыри, входили въ объемъ изученiя и прочія «Божественныя книги», малыя и великія, рукописныя и тѣ немногія печатныя, которыя мы уже имѣли въ то время.

Какъ бы то ни было, обученіе въ до-Петровской Руси не ограничивалось кругомъ однихъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ. Я это говорю о школахъ для первоначальнаго обученія, но не о Московской Академіи: въ этой послѣдней, — всякій знаетъ, — требованія были выше и обширнѣе; но и въ училищахъ, для начальнаго обученія, въ училищахъ, которыхъ, вѣроятно, было у насъ не такъ мало, какъ принято думать, ученіе не ограничивалось умѣньемъ читать Часословъ и Псалтырь, а распространялось на другія знанія, бывшія внѣ круга церковныхъ книгъ. Не знаю положительно, учили ли наше юношество философія Дамаскина, преподавались ли ему тѣ знанія, которыя уже были усвоены нашими предками и остались въ нашихъ древнихъ памятникахъ, но то вѣрно, что часть познаній нашихъ предковъ сообщалась уже юношеству и въ школахъ, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться, читая тѣ

трактаты о ходѣ образованія въ древней Руси и о воспитаніи нашего юношества, которые вышли въ последнее время. ¹ Разумѣется, въ этихъ трактатахъ многое основано на догадкахъ, еще больше выведено, по законамъ аналогіи, изъ какихъ нибудь намековъ; но есть и нѣсколько фактовъ, имѣющихъ историческую важность.

Но Азбуковниками, которые мы имѣемъ теперь въ рукахъ, еще никто не воспользовался должнымъ образомъ, да и немцы, кажется, знаютъ о ихъ существованіи, между тѣмъ какъ содержаніе ихъ очень разнообразно и имѣетъ интересъ не только педагогическій, но и литературный; главное же достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они, хотя въ малой мѣрѣ, объясняютъ намъ, какими знаніями обогащалось Русское юношество, прежде тѣмъ вступало въ общество и начинало гражданскую жизнь, пополняя опытомъ и чтеніемъ тѣ свѣдѣнія, которые приобрѣтены имъ въ школахъ.

Прежде всего надо замѣтить, что значеніе Азбуковника для насъ теперь не совсѣмъ понятно, но видно, что этимъ словомъ обозначали не букварь, не азбуку и не Алфавиты, замѣнявшіе у насъ Словари, какъ можно бы ожидать по названію, но подъ этимъ именемъ предки понимали, кажется, всякій учебникъ, всякое руководство, предназначенныя для обученія юношества, тѣмъ болѣе, что и содержаніе ихъ ни сколько не соответствовало названіямъ, и каждый Азбуковникъ былъ отчасти отдѣльнымъ учебникомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего общаго съ прочими. Первый Азбуковникъ нашего сборника, озаглавленный словами: «Школьное благочиніе» и пр., въ общемъ оглавленіи стоитъ какъ бы отдѣльнымъ учебникомъ, содержаніе котораго главнымъ образомъ состоитъ изъ собранія школьныхъ правилъ и учительскихъ наставленій, какъ сказано: «въ первомъ азбуковникѣ учителево ученикомъ наказаніе, да въ школѣ о всемъ благочинствуютъ.» И дѣйствительно, изъ всего Азбуковника вы видите, что правила благопристойности учащихся, школьные порядки и обычаи и вообще вся училищная дисциплина стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, и только изрѣдка Азбуковникъ уклоняется отъ своего содержанія и передаетъ ученикамъ нѣкоторыя постороннія свѣдѣнія. Впрочемъ, по тому, можетъ быть, эти учебники называются Азбуковниками, что содержаніе ихъ располагается большею

¹ См. Разсужденіе г. Лавровскаго (Николая): «О Древне-Русскихъ училищахъ.» Харьковъ, 1854.

частью въ алфавитномъ порядкѣ: такъ первый изъ нихъ, состоящій изъ правилъ касательно школьныхъ порядковъ, располагаетъ эти правила по счету буквъ алфавита, и какъ всё его изреченія очень кратки и состоятъ больше изъ двустихій, или четверостишій, то прежде, подъ буквою *а*, помѣщены изреченія, начинающіяся съ этой буквы; подъ буквою *б*, тѣ, которыя начинаются съ этой буквы и т. д.; и такъ какъ этихъ изреченій очень много, то каждая буква въ началѣ такихъ изреченій повторяется довольно часто. Въ другомъ Азбуковникѣ эта форма еще страннѣе: тамъ только первая буква цѣлой главы принадлежитъ къ алфавиту; въ прочихъ же Азбуковникахъ нѣтъ даже и этого.

Постараюсь показать, въ чемъ состоитъ первый изъ Азбуковниковъ, содержаніемъ котораго взяты правила касательно школьной дисциплины.

Послѣ предисловія, которое я выписалъ выше, и которое начинается словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе,» потомъ стихами: «Младоумный и маловозрастный отроча» и пр., слѣдуетъ самый Азбуковникъ. На полѣ рукописи изображено киноварью большіе *А*, а противъ него помѣщено начало изреченій на эту же букву:

Азъ есмь начало премудрости,
И податель есмь всякой благости:
Азъ славящаго мѧ прославлю,
И предъ челоуѣки честна его поставлю.
Азъ есмь Богъ мающаихся,
Пристанище и спасеніе ко мнѣ тпащихся.
Азъ есмь начало и конецъ,
Ищущимъ мене слава и вѣнецъ.

Это—введеніе къ тѣмъ изреченіямъ, которыя разбѣяны по всему Азбуковнику. Какъ всякій можетъ видѣть, это только общій выраженія; которыми должно начаться скучное и томительное дѣло ученія школьныхъ правилъ. За тѣмъ киноварью написано: Учитель. Это значитъ, что слѣдующія за этимъ изреченія влагаются въ уста учителя, который яко бы говорить:

Азъ ко онѣмъ вышеписаннымъ тя направляю,
Книжному разумѣнію прилежно тя наставляю.
Азъ въ книжномъ разумѣніи даю тебѣ смыслъ,
Дабы ты во благомъ ученіи былъ быстръ.

И такъ далѣе. Подобныхъ двустипій, начинающихся непременно буквою *а*, говоритъ отъ себя учитель много, и всѣ они отчасти сходны между собою и не что иное, какъ разглагольствованіе на одну тему. За тѣмъ киноварью снова написано: ученицы. Это значить, что слѣдующія за симъ сентенціи говорятъ къ учителю сами воспитанники; всѣ они въ родѣ слѣдующихъ:

Аще благимъ ученіемъ насъ наслаждаеши,
 Страхъ Божій въ сердца наша всаждаеши,

 Аще нѣкогда и біеміе отъ тебя терпимъ,
 Но мы тѣмъ умы своя крѣпимъ.
 Аще нынѣ намъ и не мнится радость,
 Послѣднѣе уразумѣемъ въ себѣ душевную сладость.

И далѣе въ подобномъ же родѣ. И все это упражненія на букву *а*, которая стоитъ въ главѣ каждаго двустипія. Потому, наконецъ, написано киноварью: здѣсь слагатель имя свое являетъ. Что значить эта фраза? Какой слагатель объявляетъ о своемъ имени? Какъ видно, это лице не должно быть смѣшиваемо ни съ учителемъ, ни съ учениками: его назначеніе какое-то совершенно отдѣльное. Здѣсь, при буквѣ *а*, послѣ сентенцій, сказанныхъ учителемъ, и послѣ отвѣта на нихъ со стороны учащихся, этотъ слагатель, объявивъ свое имя, говоритъ къ ученикамъ такими словами, которыя ясно показываютъ, что самъ онъ не принадлежитъ къ средѣ ихъ.

Твое отроческое что о семъ написаніи разсужденіе,
 Реченное мною благое къ тебѣ любезнѣ умышленіе.

Изъ другихъ мѣстъ Азбуковника также нельзя понять значеніе этого лица. Послѣ послѣдняго двустипія, сказаннаго отъ лица слагателя, начинаются сентенціи на букву *б*, противъ которыхъ опять на полѣ выставлена ата же буква. Надо замѣтить, что первыя сентенціи на каждую букву говоритъ яко бы слагатель отъ себя; такъ и здѣсь, при буквѣ *б*, сначала обращаетъ къ ученикамъ рѣчь свою слагатель; за нимъ говоритъ учитель; потомъ опять этому послѣднему отвѣчаютъ ученики приличными двустипіями. Послѣ всего этого, при переходѣ къ буквѣ *в*, снова является слагатель. Изъ всего, что говоритъ онъ въ цѣломъ Азбуковникѣ (а говоритъ онъ большею частію общими выраженіями) и изъ того, что онъ и къ учителю обращается иногда наставительнымъ тономъ, видно, что слагатель былъ не кто иной, какъ

составитель или писатель самого Азбуковника, сочинитель, потому что ему одному прилично говорить къ учителю наставленіями въ родѣ слѣдующихъ:

Учи дѣти благоразумно все говорить,
Тебе бо сіе прилично есть творити.

Или:

Лягутъ ли гдѣ ученицы твоя когда спать,
Дивися, аще не на тѣхъ мѣстахъ имуть возстати.

Непонятно только, къ чему въ Азбуковникахъ приплетать имя, отчество и даже чинъ слагателя. Такъ послѣ буквы *а* написано киноварью: здѣ слагатель имя свое являетъ, хотя онъ и не дѣлаетъ этого, и мы не знаемъ его имени.

Послѣ двестишій на букву *ж*, которыя всѣ состоятъ въ наставленіи юношества приличнымъ поступкамъ и благонаравію, слагатель говорить:

Радостно сіе завѣщаніе, о учениче, прими,
Ко учителю святыхъ ради писаній усердно прійди,
Въ первой строкѣ слагателево имя совершися,
Во второй начальное слово отчеству положися.

О какой это строкѣ говорится, понять нельзя: о первомъ ли двестишій, или о второмъ, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, мы не можемъ догадаться о его имени и отествѣ. Послѣ же буквы *л*, въ рукописи отставлено нѣсколько строкъ и на нихъ ничего не написано; но тутъ же сказано далѣе:

«Въ вышеупомянутомъ убо словеси слагателево имя, чинъ и отчество
совершися,

Здѣ, его же ради писася, о имени и чинѣ вѣдомость положися.»

Надо полагать, въ этомъ-то пропускѣ послѣ буквы *л* и должно было находиться имя слагателя; но оно не написано, по той, вѣроятно, причинѣ, что должно было писаться киноварью; а киноварныя слова въ рукописяхъ иногда пропускаются, потому что они писались не вмѣстѣ съ другими словами, а вписывались послѣ другимъ перомъ, особенно заглавныя киноварныя буквы. И такъ мы не знаемъ, зачѣмъ оно требовалось въ Азбуковникѣ? Развѣ какъ имя автора предыдущихъ сентенцій?

Всѣ рѣшованныя наставленія ученикамъ касательно поведенія ихъ въ школѣ, дома и на улицѣ, касательно нравственности и наружнаго приличія, приведены мною при разборѣ училищной дисциплины въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ. Кромѣ этого первый Азбуковникъ не представляетъ ничего занимательнаго. Относительно же формы его замѣчу, что только: при первыхъ трехъ литерахъ алфавита, ученики говорятъ отъ себя къ учителю нѣсколько двустигий; при прочихъ же литерахъ говорятъ только слагатель и учитель. Назначеніе этого Азбуковника было, кажется, такое, чтобы юношество, читая его, затверживало тѣ правила, соблюденіе которыхъ требовалось очень строго; можетъ быть, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность выучивать его наизусть, и никто не могъ тогда отзывать незнаніемъ школьныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что въ этихъ требованіяхъ, между правилами о благопристойности, объ умѣнн обходиться съ книгами, объ обязанностяхъ учащихся и учащихъ, разсѣяны приличныя нравственныя наставленія и поученія общечеловѣческія.

И такъ, видимъ, что назначеніе этого Азбуковника спеціальное, какъ можно было предполагать по самому его названію—«Школьное благочиніе.»

За тѣмъ въ нашемъ сборникѣ слѣдуетъ другой Азбуковникъ съ надписью: «Азбуковникъ второй». Но это только отрывокъ Азбуковника, потому что содержаніе его очень бѣдно; да и въ общемъ оглавленіи сборника значится: «Азбуковника полъ.» Какъ и въ первомъ, здѣсь нѣтъ ничего, относящагося до науки; а составъ этого отрывка слѣдующій: въ первой главѣ помѣщено наставленіе, какими словами ученики должны привѣтствовать всякаго посѣтителя. Когда входитъ въ школу новое, постороннее лице, всѣ должны встать при его появленіи, и одинъ изъ прилежнѣйшихъ учениковъ, поклонившись посѣтителю, говоритъ рѣчь, приличную мѣсту и времени:

Азъ, мнѣй рабъ учителя моего,
Зрю тя, благодѣтеля своего,
Пришедша, посѣщенія ради, въ школу къ намъ,
Сего ради простираю слово къ вамъ.
Благоволи у насъ, смиренныхъ, сѣсти
И повѣждь намъ благія вѣсти, и т. д.

Въ Азбуковникѣ этомъ помѣщено нѣсколько такихъ рѣчей, въ которыхъ, конечно, на первомъ мѣстѣ наборъ словъ и разглагольствованіе на одну и ту же тему. Каждая рѣчь оканчивается словами:

«Нынѣ и присно.» Когда ученики сядутъ на мѣста, ораторъ продолжаетъ:

Гряди, всечестный отче, гряди,
Настоящаго ученія нашего погляди, и проч.

Такія рѣчи называются «предусрѣтательными словами» или «предусрѣтательными привѣтствіями.» Ихъ предоставлялось выучивать только первымъ ученикамъ, «острѣйшимъ и ключимѣйшимъ,» чтобъ приходящій легко могъ самъ видѣть, что это лучшіе ученики; относительно же «грубыхъ и неключимыхъ во ученіихъ», говорится, чтобъ они не печалились и не приходили въ отчаяніе отъ такого предпочтенія другихъ, да и родителей таковыхъ дѣтей Азбуковникъ утѣшаетъ и совѣтуетъ заставлять дѣтей прилежнѣе молиться. При этомъ написана и молитва для грубоучащихся.

Кромѣ всего этого, въ Азбуковникѣ сказано, что и «приходящій глаголють къ таковымъ (т. е., къ прилежнымъ ученикамъ) удобопристойная нѣкая рѣченія, въ вящшее ума ихъ къ настоящему ученію возставленіе.» Рѣченій этихъ въ Азбуковникѣ помѣщено нѣсколько, но всѣ они сходны между собою и имѣютъ характеръ слѣдующій:

Отъ устъ твоихъ слышу слово произносимое,
Моей нищетѣ отъ любви твоея приносимое;
Сіе слыша, яко нѣкое еладчайшее питіе пью,
За любовь твою отроческую премного челомъ бью, и т. д.

Или:

Глаголю вамъ, благочестивымъ отрокомъ,
И всѣмъ, иже суть адѣ, ученикомъ:
Хотяи кто въ сихъ быти мудръ,
Въ дѣтскихъ глумленіихъ да будетъ глупъ.
Чистотою тѣлесною сіе стяжите,
Юже, яко гривну злату, на ся возложите, и т. д.

До сихъ поръ мы видѣли въ Азбуковникахъ почти одни школьныя правила и постановленія, относящіяся до тогдашней педагогики; но объ ученіи, о передачѣ знаній учащимся, не сказано еще почти ни слова. Виною этому самое содержаніе нѣкоторыхъ Азбуковниковъ, на которые я и обратилъ прежде всего вниманіе по той причинѣ, что мнѣ хотѣлось показать прежде по этимъ Азбуковникамъ тѣ приемы и обычаи, которые существовали въ нашихъ школахъ до Петра. Въ Азбуковникѣ же, который въ сборникѣ слѣдуетъ за вторымъ, есть статьи, относящіяся до обученія коношества каллиграфіи, что

у насъ принято теперь называть Прописями и что въ Азбуковникѣ названо Надписями.

Въ то время, конечно, прописи существовали рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двуступій нравственно-религіознаго содержанія. Изъ нашего руководства видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, прииѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфинъ носитъ особое названіе «Азбуковника наказательнаго», и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ или «наказаній»; въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двуступій, по два двуступія на каждую букву алфавита. Наказаніе первое о чести родителей и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей вмѣщаетъ въ себѣ двуступія на первыя семь литеръ азбуки, т. е., до ж включительно. Наказаніе второе о непочитающихъ своя родители въ настоящемъ семъ житіи, и о небрегущихъ благословіе ихъ въ своемъ зломъ бытіи, заключаетъ въ себѣ двуступія на слѣдующія семь буквъ; въ остальныхъ двухъ наказаніяхъ остается тоже по семи буквъ, чѣмъ и оканчивается руководство каллиграфинъ. Но передъ началомъ этого алфавита помѣщенъ родъ предисловія, которое, вѣроятно, также служило ученикамъ образцомъ для списыванія, и изъ этого-то предисловія можно видѣть, что прописи писались, для образца, учителями, и что располагались онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и даже очень часто состояли изъ стихотворныхъ сентенцій (писались виршею).

Написи по азбукѣ виршею положены,
И строки правоучительнѣ главизнами распо- ожены.

Прибавимъ къ этому, что патронами каллиграфинъ, или какъ въ Азбуковникѣ сказано, руководства, были Іоаннъ Богословъ и Пророкъ Наумъ: первый изъ нихъ, какъ видно, признавался патрономъ письма, на основаніи преданія, а послѣдній уже и по тому, что былъ главнымъ покровителемъ всѣхъ учащихся. Въ прописяхъ къ этимъ двумъ лицамъ относятся такъ:

Святій Апостоле и Евангелисте Іоанне Богослове,
На Тайной Вечери возлегій на перси Христовѣ,
Вразуми мя и научи добръ писати,
Яко же онаго Гусаря на песцѣ образъ твой изобразити.
Святій Пророче Божій, Науме, вразуми мя и накажи своею
Милостію и благогачію, добръ руководствію навикати.

Теперь я не буду долго останавливаться надъ значеніемъ каждаго Азбуковника, и не стану дѣлать окончательныхъ выводовъ на основаніи ихъ содержанія. Я намѣренъ прежде познакомить читателя съ тѣмъ, что имѣютъ эти памятники до-Петровской Руси; я беру ихъ такъ, какъ будто бы они составляли отдѣльное явленіе въ литературѣ того времени, безъ всякаго отношенія къ прочимъ тогдашнимъ памятникамъ, не дѣлая никакихъ заключеній относительно того, какое мѣсто они занимаютъ въ исторіи нашего развитія. Согласенъ, что такой перечень главъ и содержаній Азбуковниковъ будетъ довольно сухою работой: но я этимъ не кончу. Значеніе этихъ памятниковъ, ихъ важность въ связи со всѣмъ тѣмъ, что у насъ уже сдѣлано для объясненія древней Руси, все это намѣренъ я показать уже тогда, когда намъ будетъ извѣстно содержаніе самихъ Азбуковниковъ. Тогда мы увидимъ, что они заключаютъ въ себѣ новаго и что прибавляютъ къ исторіи нашего образованія, неразлучнаго съ исторіей педагогикки. До сихъ поръ покуда мы познакомились нѣсколько съ содержаніемъ трехъ только Азбуковниковъ, а ихъ въ нашемъ сборникѣ находится еще нѣсколько, и содержаніе этихъ послѣднихъ гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ Азбуковниковъ, уже извѣстныхъ намъ. Такъ въ сборникѣ нашемъ есть одинъ полный Азбуковникъ, довольно разнообразный и занимательный по содержанію. Этотъ Азбуковникъ нѣсколько болѣе проясняетъ нашъ взглядъ на объемъ и способъ обученія въ до-Петровскихъ школахъ.

Въ общемъ оглавленіи сборника упомянутой Азбуковникъ носитъ названіе: «Азбуковникъ полный, имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики.» Самое названіе даетъ знать, что здѣсь содержаніе выходитъ уже изъ круга обыкновенныхъ Азбуковниковъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли; что здѣсь говорится о другихъ предметахъ, кромѣ наставленій, касающихся нравственности и приличій, именно здѣсь содержаніе касается уже положительныхъ знаній. Просмотримъ же содержаніе этого Азбуковника.

Кромѣ заглавія въ общемъ оглавленіи сборника, самый Азбуковникъ называется еще иначе. На первомъ листѣ его значится: Азбуковникъ, его же должно есть добрымъ учителемъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ. Значить, учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ Азбуковникъ для своихъ учениковъ. Положимъ, этому дословно нельзя вѣрить: Азбуков-

никъ слишкомъ великъ, чтобъ его можно было прочитывать отъ начала до конца, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, дѣти учились въ школѣ еще чему нибудь другому, кромѣ этого Азбуковника; но вѣрно то, что хотя по частямъ, онъ читался въ школѣ, и содержаніе его было извѣстнымъ учащимся и, какъ кажется, они знали его наизусть. Да иначе и предполагать трудно: въ этомъ же Азбуковникѣ говорится, что если учитель и не можетъ читать самъ для учениковъ, во всякое свободное отъ ученія время, то долженъ имѣть у себя помощниковъ изъ своихъ же воспитанниковъ, и они въ этомъ случаѣ должны замѣнять, для товарищей своихъ, учителя и читать имъ этотъ Азбуковникъ, или что велитъ учитель. И все это сказано такъ, что если въ школѣ найдутся и невнимательные мальчики, которые нерадиво будутъ слушать читаемое, или даже ничего не услышать, то все таки учителю вѣннено въ обязанность не обращать на это никакого вниманія, а читать, потому что дѣти несмысленны, не понимаютъ своихъ пользъ, и учителя это не должно печалить: если иные воспитанники, сказано, «отъ грубости разума, и не сладостно слушаютъ, ниже внемлютъ,» то учитель не долженъ отчаиваться въ ихъ исправленіи и въ пользѣ для нихъ своего ученія: «прочитай, сказано, твое бо есть точію еже сѣяти», и что, какъ бы они ни были невнимательны къ нему слушатели, все же когда нибудь, хоть навывкомъ, они узнаютъ то, что имъ читаютъ, и даже безъ желанія учиться, выучатся тому, что имъ будутъ повторять изъ Азбуковника каждый день.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ методѣ обученія, даже съ самымъ малымъ прилежаніемъ и самыми ограниченными, воспитанники должны были знать, хотя отчасти, то, что отъ нихъ требовалось. Естественно, что этотъ Азбуковникъ, отъ частаго повторенія, они выучивали довольно твердо и отчетливо знали его содержаніе. А вотъ о содержаніи-то именно мы и хотимъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Весь Азбуковникъ состоитъ изъ главъ, которыхъ число соответствуетъ числу буквъ Славянскаго алфавита, кромѣ тѣхъ, коими не можетъ начинаться слово, какъ ѿ, ѡ, и др. Надъ каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: надъ первой *а*, надъ второй *б* и т. д.; но, кромѣ того, какая буква выставлена надъ главой, той же самой буквой и глава начинается. Сверхъ этого каждая глава снабжена чѣмъ-то въ родѣ стихотворнаго предис-

словія, состоящаго изъ четырехъ двустийшій, въ которыхъ сокращенно излагается содержаніе главы; самыя же главы писаны прозою, изукрашенною всѣми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Только передъ нѣкоторыми главами недостаетъ стихотворнаго предувѣдомленія; но для нихъ оставлено мѣсто, какъ будто бы авторъ, или переписчикъ, намѣревался добавить ихъ послѣ. Азбуковникъ написанъ такъ, что въ немъ говоритъ отъ своего лица сама мудрость, называя себя Софіею и Словесницею: «Софія же азъ есмь премудрость: тако бо нарицаюся Греческимъ языкомъ, Словецкимъ же, въ немъ же вы нынѣ живете (говоритъ она къ Русскимъ ученикамъ), нарицаюся мудрость»: въ другомъ мѣстѣ она говоритъ о своей особѣ такими словами: «Се азъ прехитрая словесница мудрость». Именуясь мудрой, словесница эта старается оправдывать свое названіе, и въ самомъ дѣлѣ говоритъ очень хитро и затѣйливо: отъ этого много теряетъ содержаніе Азбуковника, потому что мудрость, прежде чѣмъ скажетъ дѣльное слово, наговоритъ столько пустыхъ фразъ, такъ разбавитъ водою свои поученія, что за фразами съ трудомъ можно понять, что дѣйствительно она желаетъ сказать. Въ этомъ, конечно, виновато отчасти общее направленіе того времени, когда фраза, распространенная приличными словами и достойно украшенная, дѣлала честь своему творцу; но главная причина такого явленія въ языкѣ — бѣдность идей, недостаточность знаній: потому что пишетеу мысли мы всегда стараемся прикрыть фразой, и если ничего не имѣемъ сказать положительнаго, хоть, на примѣръ, объ Ариметикѣ, то говоримъ о ней такъ, какъ говоритъ мудрость: «Еллинскимъ языкомъ Ариметика нарицаюся, сладчайшимъ же мнѣ, рекше Русскимъ языкомъ, Числительница, понеже многочисленныя науки разумѣти научаю..... на высоту небесную воспаряю, и тамо превыспиренія исчитаю, въ широту земли сія простираю и заочная дѣла исправляю, во глубину моря спусхожду и водныя пучины прямо измѣряю, и путь къ шествію кораблемъ безъ претыканія излагаю» и пр. Конечно, такими словами она не научила учениковъ сложенію и вычитанію, а наговорила много.

Азбуковникъ начинается стихотворнымъ предисловіемъ къ тому содержанію, которое находится въ главѣ подъ буквою а. Рѣчь обращена здѣсь къ ученикамъ, собравшимся въ школу для ученія. Для образца выпишемъ это первое предисловіе:

Духовни мои о Господѣ и любезная брѣтя,
 Собранныя здѣ духовнаго ради наставленія,
 Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,
 О мудрости слову прилѣжно внимайте,
 Которая назначала днѣи съ Богомъ бѣ и есть и будетъ,
 Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ человѣцѣхъ пребудеть;
 Сія хоцетъ въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
 Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

За тѣмъ изображено большое А, а подъ нимъ начинается самый Азбуковникъ: «Азъ есмь а́лѣа и Ѡ, начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, сынъ, и бѣ, и грядый. Вседержитель. Всяка Премудрость отъ Господа и съ нимъ есть во вѣки. Прежде всѣхъ созда се премудрость, и разумъ мудрости отъ вѣка; самъ Богъ превѣчный созда ю, и видѣ, и почте ю, и проліа ю на вся дѣла своя со всякою плотію по данію Его и дарова ю любящимъ Его.» Въ такомъ духѣ написана ося глава—великолѣпный панегирикъ мудрости. Мудрость здѣсь на первомъ планѣ, и нѣтъ ничего больше, какъ желаніе видѣть учениковъ мудрыми. Всѣ похвалы мудрости, конечно, взяты больше изъ Священнаго Писанія и какъ нарочно подобраны мѣста, самыя лестныя для мудрости и преимущественно для мудрыхъ: «Премудрому глава въ народѣхъ и честь предъ старцы, юноша остръ обрящется въ судѣ и вѣщающему внимають; сею Царіе царствують» и проч.

Кто не захочетъ послѣ этого быть мудрымъ? Все это въ одномъ томѣ повторяется и въ другихъ главахъ, и отъ того теряетъ свою силу, становится натянутымъ, скучнымъ и, естественно, не всякій могъ рѣшиться искать мудрости такой утомительной, дорогой. Свѣдѣній здѣсь не передано никакихъ: въ слѣдующихъ трехъ главахъ опять то же, опять похвала мудрости, но уже похвала, какъ видно, сочиненная у насъ, на Руси, мадими учеными предками; здѣсь взываютъ къ дѣтямъ, чтобъ они звали къ себѣ мудрость, какъ госпожу и любезную невесту, чтобъ любили ее выше всего. Во второй главѣ приложена и молитва, которую ученики должны были почтаще прочитывать, прося у Бога мудрости. Это молитва Соломона, въ которой онъ молилъ Бога о дарованіи ему мудрости

Въ четвертой главѣ, подъ буквою Г, ученики якобы обращаются къ мудрости и просятъ ее объяснить имъ свое начало. Она любезно объясняетъ имъ свое начало и источникъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ

и Любви; за тѣмъ развиваетъ эту мысль подрабѣтъ. Для XVII-го вѣка, и притомъ для дѣтей, подобныя объясненія мудрости и ея началъ очень удовлетворительны: по крайней мѣрѣ, мы видимъ желаніе заохотить дѣтей къ слушанію и пониманію того, что имъ будутъ объяснять въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь мы замѣчаемъ что-то въ родѣ системы; здѣсь есть переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ общихъ мѣстъ къ знаніямъ положительнымъ. Этотъ Азбуковникъ, какъ дѣтская книга, или вообще какъ учебникъ, для Русскаго юношества XVII-го вѣка не безъ достоинствъ, какъ мы увидимъ, разбирая постепенно его содержаніе.

Послѣ объясненія началъ мудрости и того источника, изъ котораго она истекаетъ, вниманіе дѣтей обращали къ другому предмету, передавая имъ важность первоначальнаго обученія и послѣдствія, могущія произойти отъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ знаній. Все это пока можно назвать нѣкоторымъ образомъ введеніемъ въ науку, по крайней мѣрѣ, въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимали ее наши предки въ общей массѣ, исключая тѣ немногія личности, которыя ярко свѣтятъ въ Руси XVII-го вѣка, т. е., въ Руси, не видѣвшей еще Петра Великаго; повторяю, это ни больше, ни меньше, какъ введеніе, приспособленное притомъ къ понятіямъ дѣтей и, не забудемъ, писанное лицомъ духовнаго сана. И такъ въ этомъ введеніи мало помалу развивали взглядъ дѣтей на предстоящее ученіе. Потомъ уже давали имъ понять значеніе и важность науки (опять таки какъ понимали ее предки). Здѣсь-то давали имъ знать, что наука — общее достояніе, и какъ пріятно знаніе само по себѣ, такъ же точно полезно и необходимо примѣненіе знаній въ практической жизни и на службѣ государственной; здѣсь-то именно говорится, что ученіе необходимо для всѣхъ, какъ для дѣтей богатыхъ родителей и даже тысящна отца, такъ для бѣдныхъ и самыхъ нищихъ, для дѣтей изъ хорошихъ фамилій и для дѣтей послѣдняго мужика (земледѣльцевъ, какъ мы уже видѣли выше въ этой статьѣ), и что единственный расходъ для этихъ бѣдняковъ будетъ цѣна азбуки—пѣнязь, на который можно было бы мальчику пріобрѣсти себѣ учебникъ; здѣсь же говорится, что за изученіемъ азбуки слѣдуетъ изученіе часослова и псалтыри, безъ знанія которыхъ и ученія не бываетъ: потому взору учащагося представляется все богатство свѣдѣній и книгъ тишеныхъ и писменныхъ, великихъ и малыхъ, славныхъ и неславныхъ; за тѣмъ, все, отно-

слышется до царской власти, все что касается службы гражданской и судебныхъ дѣлъ «во всѣхъ судебныхъ полатахъ»; все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и «до поселянъ»; всѣ дѣла и крѣпости, ихъ порядокъ и производство, ко всему этому ведетъ азбука, «юже ты единѣмъ пѣназемъ купилъ еси», какъ преддверіе къ тѣмъ обширнымъ знааніямъ, которыя предстоитъ познать обучающемуся юношеству

Повторяю снова, что изъ всего этого нельзя заключать, чгобы въ до-Петровской Руси цѣлью обученія дѣтей было желаніе сдѣлать изъ нихъ церковнослужителей, могущихъ свободно читать службы и каноны, и только. Достоинно замѣчанія, что въ это же самое время, когда открывали передъ глазами юношества то широкое поле дѣятельности, которое предстоитъ имъ въ общественной жизни, если они будутъ образованы, въ это же самое время ихъ предостерегали различать въ ученіи и во всѣхъ книгахъ пшеницу отъ плевель, истину отъ лжи и раскола. «Есть,» сказано въ Азбуковникѣ, «во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, кромѣ тисненіемъ изданныхъ, (?) посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевель, какъ куколь въ пшеницѣ; не плевель, глаголю, Римскій,» т. е., отступленіе отъ Православно-Каѳолическія вѣры, «но другой, внесенный къ намъ еще мудренными, безумными людьми. иже во многихъ градѣхъ и весехъ, паче же рещи въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, елико за таковая плевелія двойно, си есть, душевнѣ и тѣлеснѣ страждутъ.» И вотъ, во избѣжаніе всего этого, дѣтямъ совѣтовали убѣгать отъ такихъ неблагонамѣренныхъ людей. Если, продолжаетъ мудрость, и скажетъ кто нибудь тебѣ, что вотъ это для юноши хорошо и полезно, то ты отвѣть тому совѣтнику, что я, де, еще глупенькое дитя, ничего не смыслю и не знаю, полезно ли для меня, или вредно то, что ты предлагаешь: «но аще хочещи, да даси мнѣ сію, и азъ шедъ, покажу моему учителю», и онъ мнѣ объяснитъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, для обучающейся молодежи это было необходимое предостереженіе, особенно въ то смутное время, когда дѣло исправленія священныхъ книгъ, начатое Никономъ, произвело такой разладъ между мнѣніями приверженцевъ старыхъ книгъ и книгъ исправленныхъ; обличительныя воззванія противныхъ партій находили себѣ ревностныхъ защитниковъ, и юношество, особенно нѣсколько развѣсившееся, могло быть увлечено всѣмъ, потому что и тогда

молодость не жила безъ увлеченій. Вотъ почему необходимо было учителю предостеречь воспитанниковъ, начинавшихъ свое образованіе подъ его присмотромъ.

Знаніе своихъ обязанностей и школьныхъ уставовъ считалось также необходимою принадлежностью первоначальнаго образованія. Хотя въ подлежащемъ Азбуковникѣ все это изображено очень кратко; однако, сличая его съ другими учебниками того времени, намъ удалось собрать довольно фактовъ относительно этого предмета; другіе Азбуковники пополняютъ то, чего недостаетъ въ разбираемомъ нами учебникѣ. Мы разобрали выше все, относящееся до школьной дисциплины, такъ что изъ всѣхъ выписокъ составилась довольно полный уставъ, которымъ руководствовались наши до-Петровскіе педагоги. Въ настоящемъ Азбуковникѣ училищныя правила помѣщены послѣ рассмотрѣннаго нами введенія и слѣдуютъ какъ разъ за объясненіемъ важности и обширности знаній, какія предполагала тогдашняя письменность, и за предостереженіемъ юношества не вѣрить всему и не увлекаться всѣмъ, что есть въ книгахъ. Я считаю излишнимъ передавать читателю всѣ правила, которыя преподавались нашему юношеству, тѣмъ болѣе, что они уже отчасти извѣстны изъ тѣхъ отрывковъ, которые приведены въ началѣ статьи. Въ настоящее время, въ нашъ XIX-й вѣкъ, училищныя правила входятъ въ особенное руководство, преподаваемое дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ преподававшееся лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, подъ названіемъ «Правила для учащихся»; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, на пр., въ Университетахъ, правила другія, и суть не что иное, какъ извлеченія изъ Свода Росс. Законовъ, изъ Устава объ училищахъ; въ XVII-й же вѣкъ Правительство еще не касалось въ своихъ законоположеніяхъ этой отрасли народнаго образованія (въ 1682 только дана была привиллегія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, но больше ничего), и потому народъ самъ, а особенно духовенство, понимая необходимость образованія, каково бы оно ни было, сами о себѣ заботились и въ своихъ школахъ руководствовались своими правилами, семейнымъ или домашнимъ образомъ, и правила эти были—простою обычаемъ, руководимый здравымъ смысломъ нашихъ доморощенныхъ педагоговъ. Спасибо имъ и за это.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили постепенно къ принятію другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить съ исти-

кнопедически съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ, конечно, ученіе распредѣлялось по днямъ недѣли, а воскресные и праздничные дни посвящались отдохновенію, то естественнѣе всего было объяснить имъ происхождение и значеніе недѣли. Здѣсь ученики узнавали, что седмица установлена еще издавна философами (т. е., вообще учеными), сообразно съ солнечнымъ и луннымъ теченіемъ: что ею мѣряются мѣсяцы, мѣсяцами годы, а годами вѣка; что у разныхъ народовъ и названія дней различны. Здѣсь же истинно было дѣлать, что значило у Евреевъ «во едину отъ субботы», что значило у нихъ «предсубботіе», и какъ назывались остальные дни недѣли. Такимъ образомъ ученики знакомились уже съ предметами, которые были внѣ ихъ понятій. За тѣмъ, послѣ объясненія субботы и дня успокоенія, имъ опять напоминали о дисциплинѣ и о томъ, что они должны были дѣлать въ праздничные дни.

Съ объясненіемъ значенія дней недѣли, натурально связаны были первыя начала Священной исторіи: дѣтямъ рассказывалось изъ книги Бытія, сотвореніе міра и человѣка. Надо думать, что на знаніе Священной исторіи обращали у насъ преимущественное вниманіе, потому что значеніе Священнаго Писанія было непослѣдней целью образованія до-Петровской Руси. Но рассмотримъ лучше, какимъ путемъ или наши педагоги въ послѣдующемъ обученіи своихъ воспитанниковъ, и на что еще обращали вниманіе учащихся.

Объясненіе дней недѣльныхъ влекло за собою знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія. Впрочемъ, знакомство было очень не важное. Дѣти узнавали только, что съ воскресеніемъ Христа отложено празднованіе субботы, а принять день воскресный, какъ имѣть искушенія: что все это сдѣлано Сильвестромъ, Папою Римскимъ, «украшеннымъ всякою премудростію Еллинскою и Римскою»¹ что онъ называлъ дни Греческими именами: квіаквіа, воскресеніе, деатеранъ, тритинъ и т. д. Но очень

¹ Это событіе обозначено въ Азбуковникѣ годомъ «5843, иже 5856,» а отъ Р. Х. въ 343 или 356 году. Странно, какъ это здѣсь сосчитано. Если, положимъ, 5843 г., отъ Сотв. міра, то это будетъ 335 по Р. Х.; а если 5856, то 348. Въ Азбуковникѣ же сказано, что эта перемѣна произошла при Константинѣ Великомъ; но онъ царствовалъ до 337 года. Ужъ вѣрнѣе 5843 г., отъ Сотвор. міра, но онъ 243 по Р. Х. За чѣмъ вездѣ взято по всѣмъ мѣстамъ? А. О. . .

ства и полужательства, т. е., гласных и согласных, и мы не передаем его, какъ не важно. Звательныхъ буквъ считается четырнадцать: а, е, и, ѳ, ѱ, оу, ѿ, м, ѡ, ю, ж, ѣ, ѳ, и три изъ нихъ прикладни, и ихъ собственно нѣтъ въ азбуцѣ, а узнать ихъ можно въ книгахъ по связи съ другими; это: суть: а, оу и у. Здѣсь же прибавлено, что слогомъ называется то, когда послѣ одного, или двухъ, или трехъ полужательныхъ стоитъ зательное «писмя»; а если зательное стоитъ предъ полужательнымъ, то будетъ предложеніе; если зательное послѣ зательнаго, то это значитъ приложеніе; если же полужательное послѣ полужательнаго, то это утѣшеніе.

Полужательныхъ насчитано двадцать четыре: в, в, г, д, ж, з, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѣ, ѣ, ѳ; изъ нихъ грубыя: в, в, г, д; шепетливыя: ж, ч, ш; сишавыя: з, з, п, с; нѣвы: л, м, н; громныя: к, р, т, ц; натужливыя: ф, х, ѳ; ясныя: щ, ѣ, ѣ.

Возвратительныхъ и накончателныхъ двѣ: ѣ-толстое и ѣ-тонкое.

Потомъ ученикъ спрашиваетъ о количествѣ гласныхъ, и получаетъ въ отвѣтъ, что ихъ одиннадцать; оказывается, что это тѣ самыя гласныя, которыя на предыдущей страницѣ онъ называлъ зательными, именно: а, е, и, ѳ, о, оу, ѡ, ж, ѳ, у, и раздѣляетъ ихъ на долгія: и, ѡ, ѳ, ѡ; краткія: е, о, у, и двовременныя: а, ѳ, ж, ч. Замѣтно, что здѣсь многое перепутано, потому что между гласными не поименованы всѣ, а потомъ оказались лишнія буквы. Видно, что у писавшаго были сбивчивыя понятія о фонетикѣ и особенно о раздѣленіи буквъ. Кроме того кстати или не кстати замѣчено, что если въ концѣ слова встрѣтится двѣ, то надо писать двѣ съ варіею (т, е., съ тяжелымъ удареніемъ), или безъ нея: также пиши: двѣ, двѣ, а послѣ ѳ всегда ставь а.

И такъ, это были первыя знанія, какія приобрѣтало наше юношество въ школахъ, и первое его знакомство съ грамматикою роднаго языка. Можетъ быть, эта сбивчивость въ изложеніи завистъ отъ лица, котораго самъ не былъ силенъ въ филологіи; но это все таки не мѣшало дѣтямъ знать по возможности грамматику языка, на которомъ они должны были налагать свои мысли. Впрочемъ, мы увидимъ дальше, что филологическія свѣдѣнія въ до-Петровскихъ училищахъ были очень хороши для того времени, особенно

для дѣтей, имѣвшихъ возможность развить свои знанія и вѣ школьныхъ стѣнъ. Только системой и стройностью въ своихъ изложеніяхъ не могли похвалиться наши педагоги.

Послѣ правилъ фонетики слѣдуетъ передача дѣтямъ свѣдѣній касательно исторіи изобрѣтенія письменъ, какъ и вездѣ. Передъ этой главой то же есть стихотворное предувѣдомленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

О первобытной азбуцѣ отъ Сива, сына Адамля, сложенной,
Отдревле и до нынѣ извѣстiemъ нигдѣ же ей явленной,
Истинною жъ отъ Моисея пророка зачало ей приемлемъ,
Подобнѣ и о Латинстѣй и Еллиноречестѣй начало вземлемъ,
О Словенстѣй Святимъ Кирилломъ сложенной вѣщати починаемъ,
И отъ Святаго Стефана Епископа сложенной Пермскою азбукою совершаемъ.

Сказавъ, что первобытная азбука была изобрѣтена Сивомъ, но что объ этомъ событіи не упомянуто ни въ какихъ достовѣрныхъ книгахъ, Азбуковникъ переходитъ къ сказанію объ изобрѣтеніи Римской азбуки нѣкою царевною Арфаксадою, которая царствовала «во странахъ западныхъ» съ своимъ братомъ, убившимъ отца; за отцеубійство они были прогнаны своимъ народомъ и поселились на Тигрѣ (не Тибрѣ ли?), основавъ тамъ городъ. Азбука изобрѣтена Арфаксадою въ 4735 году отъ Сотворенія міра, или въ 773 году до Рождества Христова. Греческая азбука изобрѣтена семидесятью двумя философами. «Нашу же Христіанскую и Словенороссійскую азбуку сочини и сложи.... Константинъ» и т. д.,—повторяется извѣстное всѣмъ мѣсто, записанное и въ лѣтописяхъ и въ житіяхъ. Событіе это означено годомъ 7366 или 866 по Р. Х. ¹

Кромѣ всего этого, дѣтямъ рассказывали объ изобрѣтеніи у насъ, у Славянъ, другой азбуки—Пермской, для Пермскаго языка, «иже

¹ Опять невѣрность хронологическая (ср. предыдущую сноску). О Константинѣ сказано: «иже научи Моравлянъ, и Болгаръ, и Славянъ, си есть насъ, вѣрѣ Христовѣ и преложи грамоту Греческую на Россійскій языкъ прежде крещенія Россійскія земли за 130 лѣтъ, и преставися въ лѣто 6377.... и погребенъ бысть въ Каталонѣ (?) градѣ лѣта 131.—Царь Михаилъ, по прошенію Болгаровъ и Славянъ, даде имъ архіерея, еже крестити Русы; они же унывъ, рекоша: «Кое знаменіе твориши ты, да крестимся?» И рече имъ: «просите, что хотите.» И рекоша: «да ввержеши Евангеліе во огонь, имъ же ны учиши.» Се же и бысть и не агорѣ. И тако вси крестившася съ радостію.»

бы грубѣйше еще отъ насъ рѣчию; что изобрѣлъ ее Стефанъ, Епископъ Пермскій, начавъ отъ перваго слова *a*, какъ у Римлянъ; вторую же букву, вмѣсто Латинскаго *be*, назвалъ буръ¹ и т. д. Всѣхъ буквъ Пермской азбуки двадцать четыре. Книгъ же, писанныхъ на этомъ языкѣ, въ Россіи не обрѣтается, «равнѣ точию въ Пермской странѣ.»

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія имѣли свое достоинство, особенно будучи переданы дѣтямъ въ ихъ обыденномъ руководствѣ, которое, какъ кажется, было ихъ настольною книгою. Подобные материалы, помѣщенные и въ нынѣшнемъ учебникѣ, не повредили бы его достоинству. Но мы посмотримъ далѣе, что еще передавалось дѣтямъ относительно грамматики.

Въ слѣдующей главѣ рѣчь снова идетъ о правописаніи, объ удареніяхъ и пр. Особенно требовалось знаніе, какъ «ять съ естемъ различати», чтобы никакъ не пцезать вмѣсто пѣніе—пеніе, сѣсти—сести и пр. «Сіе бо, прибавлено, вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію.» Потомъ отъ учителя требовалось, чтобы научалъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ и какія ставить ударенія: гдѣ оксія или острая, гдѣ варія или тяжкая, а гдѣ камора облеченная; за тѣмъ еще два знака: краткая и исо. Кто учился грамотѣ по Церковнославянскому букварю, тотъ, вѣроятно, помнитъ эти знаки въ концѣ букваря, употребляющагося и теперь у простонародія: тамъ есть и оксія, и исо, и варія. Въ Азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ, и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ Азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны, хотя отчасти, самыя грамматики, отдѣльныя сочиненія, изъ которыхъ заимствовались, или которыми руководствовались, преподаватели, и съ которыми, вѣроятно, знакомили своихъ воспитанниковъ.

Между этими грамматическими толкованіями опять вставлена цѣлая глава, которой содержаніе нисколько не соотвѣтствуетъ ни предыдущей, ни послѣдующей. Глава эта, по какому-то случаю, обращается къ Русской исторіи и передаетъ дѣтямъ свѣдѣнія о томъ, что до крещенія Русъ имена давались у насъ по произволу, т. е.,

¹ См. Описаніе рукописей Румянц. Музея, подъ N CCCLEK-мъ, гдѣ вся Пермская азбука и гдѣ вторая буква не буръ, а бувъ, и т. д., стр. 514.

какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли; отъ того у насъ существовали имена: Богданъ, Бажвнъ, Жданъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія, ¹ которыя въ настоящее время обратились въ прозвища. Но потомъ В. К. Владимиръ, «который всю страну, въ ней же мы нынѣ жительствоуемъ, владѣлъ,» принялъ Христіанскую вѣру и крестилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ имена у насъ давались въ честь угодниковъ. За тѣмъ слѣдуетъ объясненіе многихъ собственныхъ именъ, взятыхъ съ Греческаго и съ Еврейскаго языковъ. Конечно, всѣ подобныя свѣдѣнія очень поверхностны и лишены ученой формы, даже такое изложеніе нисколько не систематично; но все же, хоть разсѣянно и не въ порядкѣ, а передавались юношеству понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ, и того довольно. Этотъ Азбуковникъ вообще представляетъ что-то въ родѣ энциклопедіи, сообразной съ понятіями нашихъ предковъ и не лишенной интереса для дѣтей, только начинающихъ свое образованіе: такъ, послѣ этой главы, вниманіе учащихся снова переносили къ грамматикѣ и снова объясняли имъ особенности языка Славянскаго.

О верхней просодіи и строчномъ препинаніи,
 Приглашаю всѣхъ васъ со умными вниманіи,
 Въ тисненой азбуцѣ любознудро положенныхъ,
 Многими книжными реченіи разведенныхъ,
 Вся же со извѣстіемъ разумно явлено,
 Краткимъ сведеніемъ вельми удивленно.
 Должны суть учителя сами сія знати
 И всѣхъ учимыхъ у себе добръ научати.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе то, что содержаніе послѣдующей главы взято изъ печатной азбуки, въ которой все это, какъ видно, разведено многими книжными реченіями; а здѣсь, въ Азбуковникѣ, какъ сказывается, это же самое «краткимъ сведеніемъ вельми удивленно,» т. е., сокращено и упрощено. О существованіи печатныхъ азбукъ въ XVII-мъ вѣкѣ мы знаемъ. ² Но здѣсь, оказывается, старались примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ, и эта обязанность лежала на учителяхъ. Такимъ образомъ, изъ всего, что находилось въ печатныхъ азбукахъ и другихъ «тисненыхъ» книгахъ, на примѣръ, относительно знаковъ строч-

¹ См. подобное мѣсто у Востокова: Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 2, 6—7.

² См. Домаш. бытъ Русск. Цар., Забѣлина.

ныхъ и надстрочныхъ, изъ всего этого дѣлался краткій сводъ, и имъ-то руководствовались воспитанники, при помощи учителя. Замѣтно, что на знаки, и вообще на правописание, было обращено большое вниманіе, и потому дѣтямъ пояснялись всѣ знаки надстрочные и строчные, не только Славянскаго письма, но и книгъ иностранныхъ и языческихъ (вѣроятно, Греческихъ?). Достаточно выписать одни названія этихъ знаковъ, чтобы видѣть, сколько труда стоило мальчику понять значеніе каждаго изъ нихъ, особенно когда объясненія этихъ значеній такъ темны и сбивчивы. Вотъ знаки, которые были тогда приняты «во Словенороссійстѣй азбуцѣ печатно», и сохранились еще до сихъ поръ въ нашей церковной печати и въ букваряхъ: оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титла, словотитла, апострофъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная. Не стану выписывать толкованій, гдѣ каждый изъ знаковъ ставится; но замѣчу, что касательно титла сказано: «титло сіе есть покрывіе или взметъ; пишется надъ святыми рѣчьми, величества ради, славы и святбы» и т. д., ерокъ иначе называется ертица; вопросительная или подіюстола (вѣроятно, иподіюстола?); удивительная иначе называется прибыльца, а вмѣстительная «въ Кіевскихъ переводѣхъ» именуется клямра. Но это еще не все: эти знаки приняты были въ печатныхъ Славянскихъ книгахъ; но сколько еще было такихъ знаковъ (взятыхъ изъ древнихъ, изъ иностранныхъ и изъ языческихъ книгъ, — слова Азбуковника), которыхъ «аще и не нужно кому мнится угодно быти, но обаче вѣдомости ради должно есть вѣдети и знати.» И вотъ, вѣдомости ради, ученики должны были знакомиться съ этимъ безконечнымъ рядомъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ; однако, со стороны учителя въ этомъ видна хорошая цѣль: знать эти подробности необходимо всѣмъ «хотящимъ преписовати святыя книги,» и потому онъ совѣтуетъ своимъ воспитанникамъ на всякій случай помнить ихъ значеніе и употребленіе. Эти знаки суть: раздвижка (не буду передавать ихъ начертаній, потому что для напечатанія они не удобны), атрикаль, слогіа, вторая, стяга или кекдима, чашка, дасія, статія и сквады. Употребленіе ихъ тоже не считаю нужнымъ объяснять, потому что статья моя удлиннилась бы много, не много выигравъ отъ поясненія мелочей, которыя важны, можетъ быть, въ спеціально-филологическомъ трудѣ, но не въ объясненіи состоянія нашихъ

школь. Далѣе, учитель передаетъ дѣтямъ значеніе просодій, взятыхъ имъ изъ осмочастной книги, т. е., изъ грамматики. Просодіи были слѣдующія: оксія, варія, периспомени, макра, врахія, дасія, псили, апострофосъ, ѱенъ, уподіастоли. Относительно макра, врахія, апострофосъ и ѱенъ замѣчено, что они «у насъ Русовъ никакоже потребны,» у Грековъ же «потребны зѣло, подобнѣ и у Латинъ;» но иподіастола «у Русовъ потребна.» Кромѣ этихъ просодій, учитель прибавлялъ еще отъ себя о нововведенномъ знакѣ, котораго въ прежнихъ Славянскихъ рукописяхъ не было. Кто знакомъ съ рукописными памятниками древней Руси, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что наши писцы не употребляли переноснаго знака (—, или =, или нѣмец. =) и переносили часть слова въ другую строку, не означая ничѣмъ переноса. Такъ вотъ относительно этого предмета и говоритъ Азбуковникъ: «недотяга или недоступка =, которая ставится въ концѣ строки, недокончаной ради рѣчи, которая во второй строкѣ скончатися имать: ея же прежде Словяне, или вѣденіемъ или невѣденіемъ, точию отнюдъ не полагаху въ строкахъ; нынѣ же благодатию Христовою радостно приемятъ и исправляютъ, навикше зрѣніемъ въ иноязычныхъ, си есть во Еллингреческихъ и Латинскихъ, паче же Кіевскихъ книгахъ.»

Но довольно о правописаніи и строчныхъ знакахъ. Хотѣвъ замѣчу, что многіе изъ этихъ знаковъ имѣютъ общее названіе и подобное же начертаніе съ нашими крюковыми нотами, какъ это можно видѣть у Востокова, въ Опис. рукоп. Румянц. муз., на стр. 650; 651, 652, 653, 654.

Есть также общее и съ крюковыми нотами Грековъ, какъ это видно изъ Греческаго нотнаго стихираря XIV в., который также доверялъ имѣ Преосвященнѣйшій Аванасій.

Что касается другихъ частей грамматики, то, какъ оказывается изъ Азбуковника, ихъ преподавали довольно кратко, больше практически объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ въ Азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и по этому разбору воспитанники навывали въ грамматическихъ правилахъ. Падежи назывались паденіями, которые были: именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное и отрицательное, употреблявшееся съ предлогомъ *отъ* и *о*. Средній родъ назывался посреднимъ, мѣстоименія назывались проименіями,

vB

къ которымъ, кажется, причислялись и прилагательныя; спряженія поименованы супружествами. Склоненія въ Азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Я не намѣренъ разбирать достоинства и недостатки грамматики, преподававшейся въ нашихъ древнихъ школахъ: тогдашнія руководства, конечно, были хуже нынѣшнихъ. Но для насъ довольно одной увѣренности въ томъ, что эти руководства—были, что грамматику въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ знали, и что ученикамъ ставилось въ непремѣнную обязанность—знать составъ и строй своего языка, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ смотрѣли на него въ свое время. Свѣдѣнїями этими обязаны мы Азбуковнику, который разбираемъ въ настоящее время. Эти свѣдѣнїя очень утѣнительны и бросаютъ новый свѣтъ на исторїю нашего развитїя до начала Петровскихъ преобразованїй.

Не вдаваясь въ болѣе подробное обзорѣнїе Азбуковника, и умолчу о содержанїи прочихъ его главъ, изъ боязни, чтобъ статья моя не показала единственно разборовъ содержанїя учебниковъ, которыми руководствовались воспитанники въ нашихъ школахъ XVII-го вѣка; для насъ довольно знать, чему и въ какой степени обучалось наше юношество въ частныхъ школахъ. Но я не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что передавалось въ школахъ ученикамъ относительно личности извѣстнаго Максима Грека, и добавлю еще извѣстїемъ о томъ, что въ этихъ же школахъ давалось дѣтямъ понятїе о семи мудростяхъ, о такъ называемыхъ *Septem artes liberales*, которыя въ школахъ западной Европы и въ ея Университетахъ входили въ кругъ ихъ знаменитыхъ наукъ *Trivium* и *Quadrivium*.

Въ главѣ подъ буквою X, учитель обращается къ ученикамъ и говоритъ, что намѣренъ показать имъ истиннаго и совершеннаго философа, именно Максима Грека, «иже бѣ у насъ въ Россїи пресловудїи философъ и изидный переводникъ Божественнымъ книгамъ.» «Этотъ Максимъ Грекъ, — продолжаетъ, — оставилъ по себѣ память Словенороссїйскому роду; какимъ способомъ можно узнать настоящаго философа.» Онъ говоритъ: «мнози убо обходятъ грады и земли, овы убо кулаю, овы же художествомъ всякимъ, ремесломъ и книжнымъ искусствомъ, Греческимъ или Латвискимъ; есть же и Ерусалимскимъ (значитъ и тогда тоже было, что теперь дѣлается); изъ этихъ-то гостей, одни совершенны суть, другїе отчасти, иши же отнюдъ не; искусниве художнаго вѣденїя: книжнаго, рекше грамматикїйскаго

и риторскаго, и прочих чудныхъ учительствъ Еллинскихъ, обаче хвалятся вѣдети вся, користоватися желающе и кормитися.» И потому Максимъ Грекъ оставилъ по себѣ «мало строкъ списанныхъ Еллинскимъ образомъ мудрымъ на искушение всякаго хвалящагося.» Этими строками онъ завѣщалъ испытывать всѣхъ иностранцевъ, всѣхъ *chevaliers d'industrie*, которыхъ и тогда уже можно было встрѣтить на Руси, хотя, вѣроятно, не такъ много, какъ теперь; испытаніе это должно было состоять въ слѣдующемъ, какъ говорить самъ Максимъ Грекъ въ нашемъ Азбуковникѣ: «Аще нѣкто по моемъ умертвіи приидеть къ вамъ въ Афетороссію.... первѣе спросите его: кою мѣрою сложени суть строки тѣ: и аще речеть иройскою и елигійскою мѣрою, истиненъ есть и льсти въ немъ нѣсть. Еще рцйте ему: коликими ногами обоя мѣра совершается. И аще отвѣщаетъ, яко пройская убо шестію, а елигійска пятію, ничто же прочее сумнитеся о немъ: предобръ естъ! Приимите его съ любовію и честію, и елико у васъ живеть, жалуйте егонещадно. И егда хоцетъ возвратися во свое, отпустите его съ миромъ, силою не держите у себе таковыхъ: нѣсть бо похвално..., яко же и Омиръ глаголетъ премудрый, законополагаа страннолюбію: лѣпо естъ любити гостя у насъ живущаго, и хотящаго отъйти пустите. Простая же рѣчь глаголется: «то естъ гостю почестъ, что воля; аще неволя гостю, то естъ плѣнникъ, а не гость». Еще потому можно было узнать совершеннаго философа, если кто къ нашей азбукѣ могъ прибавить хоть одну еще новую букву, какъ Кириллъ прибавилъ ихъ четырнадцать противъ Греческаго алфавита, Дѣйствительно, не трудно доставался и тогда пришельцами дипломъ совершеннаго философа. А это доказываетъ только скудость нашихъ познаній въ то время, съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, наше всегдашнее гостепріимство.

Толкованіе семи свободныхъ мудростей помѣщено въ концѣ Азбуковника, въ семи отдѣльныхъ главахъ. Это не что иное, какъ предисловія къ каждой мудрости, но предисловія такія, въ которыхъ кратко излагается сущность и значеніе самаго предмета. По обыкновенію, все это написано въ высшей степени высокопарно, потому что каждая изъ семи мудростей старается выказать ученикамъ свои достоинства и хвалить обширность своихъ примѣненій, т. е., гдѣ, и какъ, и почему каждая мудрость полезна и необходима.

Г. Востоковъ отчасти познакомилъ уже свѣтъ съ каждымъ изъ такихъ предисловіи, выписавъ начало ихъ въ своемъ «Описаніи рукописей Румянцевскаго Музея;» но выписки его заключаютъ только первыя слова предисловіи, первыя фразы каждой мудрости; сущности же предисловіи нельзя узнать изъ такихъ коротенькихъ отрывковъ. Потому я намѣренъ показать здѣсь, что именно находится въ предисловіи каждой мудрости, что именно приобрѣтали ученики, выучивъ всѣ семь главъ о мудростяхъ и ихъ примѣненіи. Само собою разумѣется, что на содержаніе ихъ я буду смотрѣть глазами того вѣка, примѣняясь къ понятіямъ, которыя уже теперь для насъ чужды и кажутся слишкомъ ограниченными. О семи мудростяхъ начинали бесѣдовать въ школахъ уже тогда, когда понятія юношей были къ тому, по мнѣнію учителя, достаточно подготовлены: «сію нынѣ совершеннымъ самъ въ любомудромъ разумѣ являю премудрую въ философіи грамматику.» И этимъ начинается изложеніе этой первой мудрости.

1. Первая изъ семи свободныхъ мудростей—грамматика. Такъ какъ мы уже отчасти познакомились и съ содержаніемъ и съ способомъ преподаванія грамматики, то здѣсь и не будемъ останавливаться долго на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе еще, что все предисловіе исполнено общихъ мѣстъ и витиеватыхъ фразъ, которыхъ содержаніе, однако же, клонится къ одной мысли, что грамматика полезна сама по себѣ и важна для учащихся. «Много вси мудрыи витіи,—говоритъ она,—ритори же, реку, и философи, достойныя славы и великіе почести себѣ достизаютъ, яко же в древній Панамидъ и мудрый Промефусъ, съ ними же и Комодъ: сіи бо мя начертаніемъ во Еллинѣхъ составиша» и пр. Вотъ потому-то всякій, желающій быть мудрымъ и ученымъ, долженъ знать грамматику: «кто книжная писмена устраяетъ, или стихи соплетаетъ, или повѣсти изъясняетъ, или посланія посылаетъ, или что таковыхъ составляетъ: то все мною, грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту, и на лицо роскажу, и на паденія уклоню (т. е. просклоняю), и на супружества сведу (т. е., проспругаю), степени разсужду и роды разберу» и пр. 2. Вторая изъ семи мудростей—Діалектика, которая обращается къ юношеству съ такими словами: «Что чюдитесь и на мя зряще помышляете, и ко мнѣ мнимаго ради строптивства не приступаете? Не ѣсмь такова, еже вы мните мнительствомъ, но есмь мудрая зрительствомъ, есмь бо велика и честна и естествомъ свободна, едина отъ седми мудростей Діале-

тика по Еллиніѣхъ, по сладчайшему же ии Словенскому языку Словесница нарицаюся, селеніе же имамъ и союзъ общаго рачительства со премудрою грамматикою и со красов. тою риторикою: одесную мене первая и ошуюю другая. Егда убо согласимся уставы, тогда чинно всяку стихамъ красоту полагаемъ, реченіе же и ученіе приличнымъ подобіемъ и ямвійскою мѣрою украшаемъ» и пр. Вообще значеніе Діалектики, по ея собственнымъ словамъ, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убѣжденіе, ни совѣтъ, ничто не можетъ имѣть настоящей силы безъ участія Діалектики. Она во всемъ: «Мудрый отъ Еллинъ Омиръ, и Платонъ, и похвалный во вратѣхъ (ἐν στοαῖς?) Аристотель и прочій вси о мнѣ Діалектицѣ познашася въ мѣрѣ.» Въ жизни практической, и преимущественно въ кругу общественной дѣятельности, Діалектика едвали не важнѣе всѣхъ прочихъ семи мудростей: она необходима въ народныхъ собраніяхъ «на соборѣхъ людскихъ»; если на нихъ приметъ участіе Діалектика, всѣ ей внимаютъ, и жалѣютъ, если замолчитъ она; если кто имѣетъ тяжбу въ судѣ, то съ помощью Діалектики ни правый не обвинится, ни виноватый не потянется, ниже судяй погрѣшати въ чесомъ можетъ; спорщикъ и суесловъ откажутся отъ своей привычки спорить и гуне глаголати, потому что Діалектика научаетъ истинѣ. Вотъ почти такого содержанія всѣ фразы, влагаемая въ уста второй изъ семи мудростей. Дѣти узнавали только, что есть какая-то Діалектика, и что учить она такимъ-то и такимъ-то хитростямъ, но какъ учить, какъ пріобрѣтается знаніе этой мудрости, того они не вѣдали.

3. Риторика объясняетъ свое значеніе еще болѣе высокими словами: «Есмь бо отъ седми честная и великая свободная мудрость. Риторика нарицаюся, сирѣчь хитрорѣчія источникъ. Тѣмъ пріимите мя съ любовнымъ вожделѣніемъ, азъ же дамъ вамъ съ быстрымъ свѣтлорѣчiemъ: азъ бо есмь мудрость сладкогласнаго рѣченія, азъ сладость дивнаго сказанія, азъ доброта неоскудѣваемаго богатства, азъ сокровище некрадомаго стяжательства, азъ велерѣчіе не отягчающее ушеса» и пр. и пр. Конечно, эти фразы кажутся до того высокопарными, что какъ будто въ нихъ нельзя подозрѣвать и смысла, кромѣ разглагольствованій; но смыслъ есть, и очень понятный, хотя тонъ самаго объясненія и напоминаетъ что-то въ родѣ акаевста. Но въ этомъ опять таки виновато общее риторическое направленіе въ письменности того времени, направленіе, надъ кото-

рыи не всегда возвышаются в самые великіе умы, тѣмъ болѣе, что для каждаго вѣка существуетъ своя высокопарность, своего рода риторика, которая рѣдко замѣчается самими современниками, а черезъ десятки лѣтъ вслѣдуетъ наверхъ и дѣлается замѣтною для послѣдующихъ поколѣній: такъ для насъ уже кажется анахронизмомъ многое въ Риторикѣ Кошанскаго, которую мы же, 5—10 лѣтъ назадъ, обязывались считать нормою и образцомъ ученія о стихѣ; у самихъ же у насъ, стыдящихся всякой риторики, есть своя риторика, своя вычурность, изысканность и натяжка, отъ которыхъ откажутся наши потомки, какъ отъ чего-то ложнаго и даже смѣшнаго. Естественно же, что въ XVII-мъ вѣкѣ, Риторика говоритъ о себѣ такъ: «селевіе и удобное совокуленіе имать съ Диалентикою; похвалная же и златострувная Грамматика съ нами же и начало намъ.» Этимъ, разумѣется, хотѣли выразить связь и взаимную между собой зависимость этихъ мудростей; и выразились съюсюкомъ: тѣмъ не менѣе были поняты учениками, привыкшими и къ тому языку и къ способу тогдашняго выраженія... Ученикамъ давали знать, что Риторика, по понятіямъ того вѣка; была необходима во всякомъ писаніи, и въ стихахъ, и въ посланіяхъ, и въ бесѣдахъ, и въ сочиненіяхъ, имѣющихъ разговорную форму, что ее изучали всѣ знаменитые люди и ученые. «Многу, говоритъ Риторика, и Дипостенъ, древній оиъ честный философъ, славенъ ся учени, той бо мя неперва поиска, и обрѣте, и по немъ проиши Ритори, котори чюдны разумомъ въ чловѣцѣхъ являюа и киторичію начальницы быша и Риторику мя нарекоша» и пр. Но это только объясненіе Риторикѣ, собственно ея предисловіе; а какъ она преподавалась и въ какомъ объемѣ, да и преподавалась ли даже, изъ Абуновина рѣшить невозможно. Конечно, въ нашихъ сборникѣхъ есть и риторическіе отдѣлы, есть довольно пространная метрика Славянскаго, или Русскаго, стихосложенія, есть образцовыя письма и посланія, для составленія по нимъ казней, угодно сочиненій въ стихахъ и прозѣ; но какъ положительно нельзя рѣшить, преподавалось ли все это въ нашихъ школахъ для начального обученія, то и не смѣю сказать, что преподавалось; основываться же на однихъ предположеніяхъ не слѣдуетъ, хотя и можно бы предположить, что бесполезно было бы говорить о значеніи предмета, не имѣя въ виду, объяснить послѣ и его сущность. Но оставивъ предположенія и пользоваться пока тѣми немногими матеріалами относительно препода-

даванія въ нашихъ школахъ свѣдѣній о семи свободныхъ художествахъ, коворья мы находимъ въ Азбуковникахъ, и обратимся къ изъясненію слѣдующаго свободного художества.

4. Четвертое свободное художество — музыка. Надо замѣтить, что предисловія семи свободныхъ художествъ, упомянутыя у Востокова, воѣ находятся въ нашихъ Азбуковникѣхъ, съ тою значительною разницею, что предисловія, помѣщенныя въ Азбуковникѣхъ, имѣютъ свои собственныя вступленія и предувѣдомленія, которыхъ недостаетъ въ предисловіяхъ Востокова, извѣстныхъ по начальнымъ фразамъ. Предисловія Азбуковника, по этому, лучше и полнѣе другихъ. Такъ въ предисловію о Музыкѣ прибавлено почти двѣ страницы объясненій о значеніи и происхожденіи Музыки, что, вѣроятно, считали необходимымъ пояснить юношеству. Это вступленіе начинается такъ: «Щедраго и Преплагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познание своей истины, восхвалимъ вси не въ варганы, и тимпаны, и мусикия, въ нихъ же беззаконный оцъ Папа Петръ Гугнивыи повелѣ въ церкви играти и есть начальникъ богомерзкому сему гуденію и игранію; мусику же и азъ предлагаю, но не руками чедовѣческими, ниже теслы и ножами устроенны (у), но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа, и поемъ Ему разумно во всалмѣхъ и пѣніихъ и нѣснехъ духовныхъ, не отъ Петра онаго начинаемую, но отъ Іоавана, бывшаго въ первыхъ родѣхъ, изобрѣтеную и составленную, яко же бытейскія книги повѣдуютъ, во дни же Іисуса, сына Навина, паки Единичеусомъ, философомъ Еллинскимъ, обрѣтеную. Ся мудрость, или муза, или мусикиа имя есть нарицательное, рода женска, числа единственнаго, образа однороднаго, еже есть простаго, падевіа именователнаго и звательнаго, и отрицательнаго. И по философи деветь музы, си есть деветь угодій, или деветь сосудовъ или органовъ ко глаголанію, еже есть двѣ губы или устнѣ, четыре зубы начальныя, послѣдняя, си есть конечная часть языка. Горло дыхательное, гортани тщина и паючи, и сіи деветь угодіа глаголются музы, амонсь, еже есть вода, зане безъ волготы ошѣхъ, еже есть безъ мокротъ, не можетъ родитися гласъ, паки мусикиа паголется нѣкогда иѣтіе, и нѣкогда мудрость, и отъ музы глаголется музыка, си есть умѣтель тоя хитрости.» И воѣ, только послѣ этого предварительнаго вступленія, начинается предисловіе, которое есть и у Востокова: «Утверждайте очи, отверзите слухи,

ускоряйте духи, егда убо возшумлю, тогда вси умы возбужду» и т. д. Предисловіе это довольно пространно и занимательно по тѣмъ понятіямъ о музыкѣ, какія господствовали между нашими предками, хоть бы, на примѣръ, о пѣніи неуставнымъ гласомъ невѣждъ и поселянъ; но мы не рѣшаемся обременить своей статьёю еще большими выписками, въ надеждѣ, что все это будетъ въ послѣдствіи извѣстно всѣмъ желающимъ, если Русская наука, обращающая теперь вниманіе на наши древности, приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

5. Ариѳметика имѣетъ такое же пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе Ариѳметики необходимо, и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, что «Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицается, сладчайшимъ же мѣ, рекши Русскимъ языкомъ, Числительница.» Она исчисляетъ широту землі и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и боярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ чиновныя числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли рѣзаетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дробѣ раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ Геометріей и Астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стонія, стоны и движенія; она необходима для Грамматики, Риторики и Діалектики. Изобрѣтъ ее отъ Еллинъ мудрый Пифагоръ. Цѣль ея—численіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространства она считаетъ локтями, шпенци мѣрами, вино чашами, полки тысячами и сотнями. Важность Ариѳметики очень хорошо понимали наши предки, знали ее довольно основательно и дѣлали вычисленія, почти невозможныя для того времени. Это подтверждаютъ громадныя вычисленія Курика еще въ XII-мъ вѣкѣ. ¹ Послѣ того странно думать, чтобъ въ нашихъ школахъ не преподавалась Ариѳметика въ XVII-мъ вѣкѣ; когда въ XII-мъ мы могли похвалиться знатоками этого предмета, и когда знаемъ, что уже въ XVI-мъ вѣкѣ были у насъ свои руководства по этому предмету. ²

6. Геометрія, шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ нашемъ Азбуковникѣ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на Космографію, то на

¹ Чтенія въ Общ. яст. и древн. Росс., 1847, N 6. Смѣсь, стр. 25—40.

² Энцикл. Лекс. т. III, стр. 101; Карамз. т. X, стр. 259.

Математическую Географію, то на Географію Политическую, однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что Геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того вступленіе въ предисловіе къ Геометріи начинается такъ: «Юже видиши землю, отъ нея же и ты созданъ еси, по писанному, яко земля еси и въ землю наки поидеши, амо же вси тлѣннїи отходимъ, помысли, кто сію измѣри и предѣлы положи, точію одянь Богъ. Той бо измѣривъшїи нядію небо и дланію землю, намъ же созданію Своему—человѣкомъ тлѣннѣмъ, даде сел широту, и долготу, и толстоту доброумѣренною вервию любомудрїя Геометріи измѣрати и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати, ей же нынѣ предисловіе полагаю, на видѣніе доброты ея вась призываю.» И послѣ этого предварительнаго вступленія раскрывалось самое значеніе Геометріи, ея важность и предметъ, т. е., польза и цѣль ея знанія. Знаніе этой мудрости свойственно одному человѣку; хотя и, между животными есть владѣтельныя породы, какъ орлы между птицами и левъ между звѣрями, но они безсловесны и не землемѣрительны; одинъ человѣкъ, хотя такое же животное, но разумное и словесное, а потому онъ животное землемѣрительное и не отъ того, что можетъ все измѣрить ногами и руками, но по существу своему человѣкъ есть животное геометрическое, или землемѣрительное: голова и сердце его изображаютъ востокъ, нижняя часть тѣла западъ, правая рука—югъ, лѣвая—сѣверъ; середина земли есть середина тѣла человѣческаго: «высока бо есть и плоска, и на все случившееся прїятельна и отсюду помыслами населяема, аки водами обливаема и наводняема.» Высказавъ нѣсколько мыслей относительно физическихъ явленій на землѣ, относительно явленій цвѣтовъ и относительно стихій, предисловіе входитъ въ область Математической и Политической Географіи: оно говоритъ, что Греческіе ученые, по обращенію солнца и луны, измѣрили кругъ земли, который равенъ 20,601 Итальянской милѣ; что изъ Едема исходитъ источникъ въ четыре страны и отсюда Греки раздѣлили землю на-четверо. Впрочемъ, гораздо лучше будетъ выписать остальную часть предисловія, какъ она есть въ Азбуковникѣ, и тогда всякій будетъ въ правѣ вывести заключеніе о познаніяхъ нашихъ предковъ въ Географіи, если только можно на свидѣтельствѣ одного дѣтскаго руководства, дѣлать заключеніе о невѣжествѣ нашемъ по этой части. Вотъ конецъ предисловія: «Ова отъ смлхъ Африка, ова же Асія, и ина Евроца, каждая бо отъ дѣйства своего вину заавїа прїятъ. Асія бо первая часть

земли студености ради тако именуема, отъ Европы бо къ Сѣверному морю рѣкою Дономъ отдѣляется, а къ Среднему морю рѣкою Истымою; къ ней прилегъ великій кругъ Акіяна-моря. Въ той убо части Асіи великаго благочестія свѣтлосіятельное государство Россійскаго царства ¹, пресвѣтлая и Богомъ снабдиная великая держава, ея же кто и Востокомъ облекнувши нарицати не погрѣшитъ: солнце бо и праведное Христось Богъ машъ не точию на всякъ день еже чювственное, но присно всѣхъ вѣрныхъ сердца теплотою Духа Божія просвѣщаетъ всѣхъ; край же царства того въ Европѣ части, еже къ западу и полунощю достизаше, идеже Студенымъ моремъ, отъ Странскихъ Королей предѣлъ, рекше рубежъ, полагается, и пакы отъ другихъ странъ еже къ востокомъ и полудни, внизъ Катаинскія рѣки и Хвалжскимъ моремъ до Истымы рѣки, въ той же части обону страну тоя же Катаинскія рѣки, рекше Волги ², прилегли рубежи Татарскихъ царей, а къ тѣмъ Татарскимъ рубежамъ прилегло Арапское море, что Сеифанъ атаманъ обладалъ и Казылбашемъ назвался, оттого же и донынѣ государство Казылбаское именовася; пятая доля Асіи, что осталася за четвертыи государствами и тою долею владѣтъ Шпанской Король, а по потопѣ та часть была Сима, сына Ноева, юже наричуть Асія. Африка же теплоты ради великія прозвася, предѣлъ же развѣру ея сказуется Среднимъ моремъ и Аглинскимъ, и Ефіюпскимъ, и рѣкою Ниломъ; въ той части Африкѣ государство Палестинское, идѣже Авраамовы наслѣдницы быша, а Египеть и Ефіюпіа и Пустыня великая, которая пошла отъ рѣки Нубы къ восточнѣй странѣ, и оттуда ко Атланскому морю, еже протаву запада и мало погнувшись къ сѣверу; а по потопѣ та часть земли Африка была Хама, сына Ноева, юже нынѣ Африку наричуть. Европа же третія часть земли отъ дщери Агенаря царя именовася, юже Юнитеръ волахъ, Зевесовъ сынъ, въ Критѣ на поли восхити. Сія Европа мѣстоуъ своимъ по развѣренію моему, рекше Геометріи, и по числу степенемъ потескотнѣйши Асіи, людми же и всякими плоды зѣло избыобидна есть: и та Европа отдалася къ полунощи и западу; отъ полунощи же обояло Акіянь-море, и отъ

¹ Россія, значить, считалась Азіатскимъ государствомъ?

² Мы не знаемъ, почему Волга называлась Катаинскою рѣкою. Развѣ потому, что въ иныхъ рукоп. она еще называется съ Танаисомъ: «Танаисъ или Волга», см. Опис. рук. Р. М., стр. 762?

запада Среднимъ моремъ Африки отдѣлился, а отъ Востока Понтическимъ моремъ и рѣкою Даною и Истмомъ, которая въ то же Понтическомъ море вошла. Въ сей Европѣ великія государства, которыя въ древнихъ лѣтахъ всю землю владѣли: Римское, реку, и Македонское и преславное Седноломіе. еще есть великій градъ Константинъ, и прочая мѣста государствъ, ихъ же описуетъ Козмографія. А по потоку та Европа часть земли была Аета, сына Ноева.... Море глаголется всѣмъ водамъ общее имя. его же Латини Фретумъ (fretum) нарицають, Греки же портомоля; а гдѣ разливается по мѣстамъ, тогда иная имена приемиютъ, якоже убо и первая узина отъ источника Елеспонтъ именуема; гдѣ же пакы во другія узятыя, Тритибосфоръ именуется, а гдѣ во другія мѣста въ ширину разливается, Понтъ Эксивонъ именуется. Егда же во озеру приидеть, Аймерикъ (?) Боборъ (Босфоръ ?) именуется, само же то озеро Меотисъ зовется и двѣма великими рѣками Даною и Нилою во всѣ три части вселенныя раздѣляется; Донъ убо отъ полунощи къ молудни течеть, всредѣ Меотиса озера вливается; супротивъ же тому Ниль отъ полудни къ полунощи въ море вливается. А что земля лежитъ отъ моря къ гѣмъ рѣкамъ, отъ единыхъ страны Африка именуется, а отъ другія Европа къ Нилу, прочее же что ни есть Асія именуется, а Америка во Асін же и во Европѣ. Таковыя раздѣленія многи геометрическимъ по всему лицу земли вся мѣста и предѣлы Государствъ раздѣляемы и раздѣляемы и се все мною могутъ разумѣти: чѣмъ которое Государство больше или меньше, такоже и градусовыя всѣмъ разстояніе, и снхъ основаніе, и домовное по межахъ огражденіе, и всякихъ нивъ и полей, горы же и доли, и вся винограды и вертограды, и всѣ пути и дубравы, и все что ни есть даже до послѣднихъ хлѣбныхъ согражденія и премѣренія, все многи геометрическимъ досужествомъ и наукою совершается. Тако есмь въ шестомъ мѣстѣ учимаема мудрость свободная.» На этомъ предисловіи нельзя основывать предложенія, что въ древней Россіи ошибочно понимали значеніе Геометріи: такъ понимала ее тогда и вся Европа. Геометрія отъ начала прежде тѣ, что въ настоящее время навмывается Геодезією, или просто Землемѣрствомъ; до извѣстнаго времени и Землемѣрство и отвлеченная Геометрія смѣшивались въ понятіяхъ ученыхъ, потому что послѣдняя, казалось, не имѣла другой цѣли, кромѣ измѣренія земли; когда же открыты были многія неизмѣнныя правила или истины, на которыхъ утверждается всякое измѣреніе,

то Геометрія стала достойнымъ отвлеченнаго разума, какъ и Чистая Математика, а то, что прежде считали Геометріей, перешло въ вѣдѣніе отдѣльной науки — Геодезіи. Въ XVII-мъ вѣкѣ у насъ на Геометрію смотрѣли еще съ старой точки зрѣнія и потому смѣшивали ее съ Геодезіей и съ Географіей, свѣдѣнія географическія вертѣлись все еще около Меркатора, переводы котораго были въ большемъ ходу въ до-Петровской Руси: тутъ мѣшались и Географія и Космографія, орбисъ террарумъ и чертежъ свѣта¹. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости, какъ мы и видимъ изъ Азбуковника.

7. «Послѣдняя мѣстою, первая же дѣйствомъ» свободная мудрость есть Астрономія «по Еллинѣхъ, Звѣздохзаконіе же по Словяннехъ.» Предисловіе ея интересно въ такой же степени, какъ и предисловія прочихъ мудростей, т. е., въ немъ поверхностно и съ своей точки зрѣнія показана цѣль Астрономіи и опредѣлена ея важность. Конечно, все это очень недостаточно и поверхностно, но для дѣтской книги; для школьнаго учебника XVII-го вѣка, и этого довольно: Азбуковникъ не преподаётъ дѣтямъ Астрономіи, а только говоритъ о ней и возбуждаетъ желаніе заняться этой высокой мудростью; Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ Азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то «въ книзѣ своей шестивѣмъ и дѣйствомъ явлюся всяко.» Что это за книга, рѣшить трудно; можетъ быть, здѣсь намекають о какой-нибудь Астрономіи, о руководствѣ, или просто объ астрономическомъ сочиненіи, изъ котораго взято содержаніе предисловія.» Можетъ быть, и тѣмъ больше достовѣрно это предположеніе, что сей часъ же, за этимъ упоминаніемъ о какой-то своей книгѣ, Астрономія какъ будто заимствуетъ содержаніе изъ этой книги, говоря о знакахъ зодіака: «Овешъ мой хребтомъ на полночь, главою же на востокъ; къ солнцу восходитъ и Левъ, да восходитъ и заходитъ обращаяся; Стрѣлецъ же восходитъ право и заходитъ стрѣглавъ, яко низверженный,» и прочая... Содержаніе этой науки, разумѣется, солнце, луна, планеты и звѣзды (какъ видно, понималось различіе между звѣздами и планетами); за тѣмъ, предметы ея — численіе времени

¹ См. Описаніе рукоп. Графа Толстова, Отд. II, 287; Отд. I, 67, 117, 191, 210; Отд. II, 368; Отд. III, 68. — Опис. рукоп. Румянц. Музея, стр. 542, 567, 724, 658, 762 и пр.

во солнечному и лунному обращенію. Періодъ обращенія луны въ Азбуковникѣ опредѣленъ въ 29 дней и въ полъ дня и въ пять часовъ, и еще съ получасомъ и съ пятой частью часа (т. е., 29 дн. 17 час. и 42 $\frac{6}{7}$ мин.?). Въ предисловіи, кромѣ того, есть ссылка на извѣстнаго древняго Астронома Атланта («премудрый Атланъ, иже въ небо біеть»).¹

Здѣсь оканчиваются объясненія семи свободнымъ художествъ и, послѣ небольшой главы, въ которой находится обращеніе къ дѣтямъ и желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, оканчивается самый Азбуковникъ.

Какъ видимъ, содержаніе этого учебника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что Азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной книгой при другихъ руководствахъ, преподававшихся въ школахъ; что свѣдѣнія, собираемые въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя, училось еще многому, чего нѣтъ въ Азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется, между дѣломъ, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія, и читались во всякое свободное отъ ученія время (во время, на пр. «хлѣбодѣнія и отъ ученія престатія»), читались и учителемъ, и старостами, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось письму, Славянской Грамматикѣ, Риторикѣ и стихотворному искусству; занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало целѣбы, знаніе которыхъ считалось необходимымъ для виршеслагательства; знакомилось съ нововведеннымъ тогда риемомъ, находя его у досконалаго казнодѣя Симеона Полоцкаго;² узнавало «степени стихотворныя мѣры» и «единъ на десять родовъ стиха» и иройскій, и яввійскій, и сафійскій, и гликонскій и пр.;³ наконецъ, какъ надо полагать, училось сочинять.

¹ Атлантъ, въ честь своихъ астрономическихъ открытій, изображался упряющимъ въ небо, или поддерживающимъ небо на своихъ плечахъ.

² Изъ Азбуковника, изданнаго въ Соловецкой обители; Азбуковникъ этотъ тоже находится въ нашеиъ сборникѣ.

³ Изъ другой статьи сборника, которую я разберу послѣ.

сначала сентенціи и двустипія, потомъ «привѣтства» преимущественно же посланія въ стихахъ (по краегранесію) и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями нашего сборника и находящимися въ немъ Азбуковниками, которыхъ можно насчитать до десяти.

Въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ Славянскаго языка, и вообще на то, что мы называемъ Словесностью въ обширномъ смыслѣ, т. е., собственно какъ понимали это слово въ нашей старой Руси; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе Грамматики сильно занимало умы. Не надо забывать при этомъ, что объемъ Грамматики былъ гораздо обширнѣе того, въ какомъ принято понимать ее въ настоящее время: извѣстно, что чѣмъ больше развивается какая либо наука, тѣмъ болѣе дробится она на отдѣльныя части, и каждая часть, въ свою очередь, становится почти самостоятельной наукой. Изъ семи свободныхъ искусствъ, изъ семи, если можно такъ выразиться, наукъ, которыя были въ древности достояніемъ человѣческаго разума, развилось теперь столько отдѣльныхъ отраслей, столько независимыхъ наукъ, что число ихъ становится даже повѣроятнымъ. Наши отцы, подъ словомъ «Грамматика» разумѣли очень многое и требовали отъ Грамматики всего, чему учить теперь вся теорія Словесныхъ наукъ; и потому съ изученіемъ Грамматики соединяли они и Риторику, и Стилистику, и даже Пѣстику. Я сказалъ, что, по всей вѣроятности, на Грамматику обращали преимущественное вниманіе, — и это очень естественно, отъ того въ нашемъ сборникѣ, между разными Азбуковниками и руководствами, попадаетъ очень много грамматическихъ отдѣловъ, и притомъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ мы большія выписки изъ Грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія. Хотя имя автора и не названо здѣсь, но по содержанію можно удостовѣриться, что это отрывки изъ Смотрицкаго. Такъ, между прочимъ, въ отдѣлѣ стихосложенія находится его знаменитый гекзаметръ:

Сарматски новорастныя Мусы стопу перву,
Тщающую Парнасъ въ обитель вѣчну заяти, и пр.

На основаніи этихъ выписокъ, можно полагать, что руководство Грамматики Смотрицкаго не было чуждо и нашимъ школамъ. Я говорю о школахъ Великороссійскихъ. Что же касается до училищъ

Югозападной Россіи, то къ нимъ нельзя примѣнять того, что говорится о Великорусскихъ школахъ; въ Югозападной Россіи образованіе шло инымъ путемъ, и училища ея стояли на высшей степени развитія: тамъ, конечно, Грамматика Смотрицкаго была на своемъ мѣстѣ, потому что тамъ ея и родина. Но я говорю относительно того, что она не была чужда и для школъ Великой Россіи, особенно если примемъ во вниманіе то, что собраніе Азбуковниковъ, которыми я теперь пользуюсь, сдѣлано въ Соловецкой обители, на самомъ дальнемъ сѣверѣ Великороссіи.

Кромѣ Смотрицкаго, въ Азбуковникахъ находятся отдѣлы изъ Грамматикъ неизвѣстныхъ сочинителей. Такъ, на примѣръ, здѣсь есть еще цѣлый Азбуковникъ однозвучныхъ словъ и синонимовъ, которые всѣ истолкованы помощью грамматическихъ правилъ и объяснены примѣрами въ родѣ слѣдующихъ: рака имѣеть три значенія, и какъ Сирское рака значить ты, плюю на тя, а ракъ—животное, какъ говорится, поймалъ рака, и рака въ значеніи гроба; шила тоже: «шила жена портище,» или «шила сапожнаго дѣла»; «шилъ сапоги» и «шилъ подшивальныхъ или начальныхъ кузнецъ». Есть здѣсь Азбуковникъ неудоборазумѣваемымъ рѣчемъ, которые въ другихъ рукописяхъ пбсятъ названіе «Алфавитовъ» и замѣняютъ наши Словари. Этотъ Азбуковникъ довольно пространнѣй и вмѣщаетъ въ себѣ слова не только стараго Славянскаго языка, но Греческаго, Латинскаго, слова Южнорусскія и Польскія (по Памвѣ Берындѣ, какъ кажется), Чешскія, Сербскія, Болгарскія и другія. Въ особенности для учащихя эти Словари были необходимыми руководствами. Есть, наконецъ, правила и толкованія силлабическаго стихосложенія, сочиненныя, какъ видно, нашимъ составителемъ и списателемъ сборника.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что объемъ преподаванія въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ очень достаточенъ для того времени. По Азбуковникамъ нельзя рѣшить положительно, преподавались ли еще какіе либо другіе предметы; но для школъ, имѣвшихъ цѣлю первоначальное обученіе юношества, довольно очень и того, что преподавалось, т. е., что отыскали мы въ Азбуковникахъ. Наше юношество возвращалось изъ школъ въ домъ родительскій съ такими познаніями, которыя дѣлають честь имъ самимъ, ихъ педагогамъ и школамъ, въ которыхъ они воспитывались; а это лучшее мѣрило степени нашего развитія въ періодъ, предшествовавшій Петровымъ преобразованіямъ. Такимъ образомъ XVII-й вѣкъ еще

нѣсколько выигрываетъ въ нашихъ глазахъ и пріобрѣтаетъ новымъ права на вниманіе.

Достойно замѣчанія, что въ Азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ и разныя привѣтственныя двустушія, которыя можно было и говорить наизусть, и писать кому либо. Съ какой цѣлью прилагалось это къ Азбуковникамъ? И надо прибавить, что самыя «привѣтства» и посланія носятъ тоже названіе Азбуковниковъ. Еще бы оно было понятно въ какомъ нибудь сборникѣ разнообразнаго содержанія, и притомъ въ особенномъ отдѣлѣ, а то, напротивъ, эти посланія составляютъ какъ бы часть школьныхъ учебниковъ, необходимую принадлежность этихъ руководствъ; и сверхъ всего, этихъ образцовыхъ сочиненій въ нашемъ сборникѣ нѣсколько: письма занимаютъ больше ста листовъ и «привѣтства» столько же. Не были ли эти сочиненія образцами для учащихся? Не учились ли по нимъ само юношество сочинять подобныя посланія и «привѣтства»? Положимъ, «привѣтства» учились воспитанниками наизусть, тогда остается неразгаданною цѣль, съ которой помѣщались въ Азбуковникахъ образцовыя письма. Развѣ съ такой, съ какой издаются въ настоящее время «Письмовники» и «Опытные Секретари»? Можетъ быть. Тогда дѣйствительно воспитанники могли учиться по нимъ сами сочинять. Намъ кажется, что это предположеніе не лишено вѣроятія.

Образцовыя «привѣтства» разсѣяны по разнымъ отдѣламъ нашего сборника. Многія изъ нихъ чрезвычайно наивны и характеризуютъ эпоху, въ которую мы еще нуждались въ такихъ вспомогательныхъ средствахъ; большая часть «привѣтствъ» есть не что иное, какъ комплименты и *bons-mots* тогдашняго Русскаго общества. Такъ, на примѣръ, если я хочу сказать комплиментъ имени моего знакомаго, или благодѣтеля, то Азбуковникъ совѣтуетъ писать рѣшмы: «Прохору: во отвѣтѣхъ тихому говору;» или: «любящему житіемъ пустынную гору;» «Данилу: не любящему весьма рѣчь гнилу;» «Давиду: на неправыхъ жестокому виду;» «Марку: готовящемуся къ небесному браку,» или: «разрушающему злбную драку», и проч. Знакомыхъ же свѣтскаго званія учили привѣтствовать рѣшмой «на отеческое имя»; на примѣръ: Сидору Павловичу: «небеснаго и нерукотвореннаго Іерусалима написанному гражданичю!» Конечно, это очень забавно, но въ свое время считалось остроумнымъ и деликатнымъ, а главное необходимымъ для всякаго свѣтскаго и образо-

ваннаго человека, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣролтно, и для всякаго обучающагося книжной мудрости. Въ нашихъ Азбуковникахъ есть «привѣтства» на всѣ возможные случаи въ жизни. Для примѣра приведу изъ одного Азбуковника образцовыя фразы, которыя говорятся къ гостямъ:

Хлѣбомъ и сему подобными Бога ради кормитесь,
 Отъ прилучившихся говядъ и баранъ, или водоплавныхъ посылитесь,
 Цѣжденнымъ двоякимъ или троякимъ питіемъ прокладитесь,
 Ради утренняго похмѣлья не скорбите,
 Скоро порану до адъ приходите,
 Тѣмъ же избытки заутро мы уготовимся,
 Утро съ приходящими во славу Божию оныхмелімся.
 Хотяи кто пресѣкаги чужія рѣчи,
 Отсылаемъ таковаго къ теплои печи,
 Цѣбы мѣсто грѣть плечи.
 Чтобъ не пресѣкалъ чужія рѣчи;
 Рядовое же питіе вѣмъ въ поднось,
 Стоящій тамо не будетъ въ обнось;
 Тамо ему егда прискучить,
 Ушавъ себе, не будетъ ниѣмъ докучить.

Въ подобныхъ произведеніяхъ всего живѣе рисуется характеръ времени, удаленнаго отъ насъ двумя, или болѣе, столѣтіями. Всѣ эти фразы сами по себѣ очень забавны. Изъ образцовыхъ привѣтствій мы видимъ, что когда наши предки собирались къ кому на пиръ и послѣ пира приходили оныхмеляться, то соблюдали должную благопристойность: перебивающаго чужія слова, въ наказаніе, лишали мѣста и ставили къ печи, чтобъ онъ, говоря иронически, грѣлъ тамъ плечи; впрочемъ, угощеніемъ его не обносили, а потчивали наравнѣ съ другими гостями. Притомъ надо сказать, что всѣ «привѣтства» Азбуковниковъ имѣютъ свой интересъ, и нѣкоторыя изъ нихъ не глупы, нѣкоторыя же очень поучительны. Надо думать, что на подобныхъ фразахъ юношество въ первый разъ упражнялось въ сочиненіяхъ, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Особенно замѣчательенъ одинъ Азбуковникъ этого содержанія. Онъ написанъ по слѣдующему случаю: Псково-Печерскія обители Келарь, Іеродиаконъ Θεодосій, повелѣлъ какому-то Іеромонаху, называющему себя «убогимъ первостранникомъ», приписать къ однострочному Азбуковнику свой собственный, т. е., къ Азбуковнику, состоящему изъ одностишія и писанному на оборотахъ листовъ, присо-

чинить на другихъ половинахъ листовъ риемованныя двустипія; чтобъ они имѣли съ первыми одностипіями и общую мысль и риему. Кто писалъ начальный, однострочный, Азбуковникъ, неизвѣстно: кажется, что писалъ его самъ Келарь Θεодосій, находясь, вѣроятно, прежде келарства своего, въ Соловецкой обители, потому что въ Азбуковникѣ однострочномъ такъ и сказано, что изданъ въ Соловецкой обители въ 1660 году. ¹ Къ этому—то своему Азбуковнику

¹ Сборникъ нашъ, какъ сказано, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщено нѣсколько Азбуковниковъ съ особеннымъ счетомъ тетрадокъ; вторая половина сборника состоитъ изъ двухъ большихъ отдѣловъ: въ первомъ заключается 26 тетрадокъ, или 208 листовъ, во второмъ 171 листъ. Эти оба отдѣла второй половины писаны однимъ лицомъ, именно «убогимъ первостранникомъ;» да и все остальное, кажется, его же трудъ; при первомъ отдѣлѣ второй половины авторъ помѣстилъ предисловіе, въ которомъ объясняетъ цѣль своего труда и тутъ-то говоритъ, что Келарь Θεодосій велѣлъ ему приписать къ однострочному Азбуковнику риемованныя двустипія. Предисловіе довольно интересное и очень пространное. Въ концѣ онъ обращается «до повелителя,» т. е., до Келаря, и оканчиваетъ свое предисловіе словами: «повелителево же и има, и чинъ, и граду, и обители, и имъ же (т. е., «убогимъ первостранникомъ») ко единострочному Азбуковнику вторая строка приложися, въ четвероконечнѣй надписи имена явленія, яко же самая и истинная очевидность на обороте сего листа объявить.» И дѣйствительно, на оборотѣ листа четвероконечной тайнописью написано: «Псковопечерскія обители Келаря Іеродіакона Θεодосія повелѣніемъ въ новонаписаня убогимъ первостранникомъ.» Затѣмъ, послѣ оглавленія статей этого отдѣла, кнжоварю нависанъ заглавный листъ: «Азбуковникъ, имѣай въ себѣ слоги единострочнїи до великославныхъ предъ скиптродержавнымъ Царемъ близостоятелей и коимъ же ивочинныхъ въ пишемыхъ грамоткахъ писати годствуетъ. Въ Соловецкой честнѣй обители, что въ Окіанскомъ отоцѣ, въ лѣтѣ отъ Созданія міра 7168-мъ (т. е., въ 1660 г.) слова Божія любительми изданный.» И на этомъ же листѣ, этой же руки другое заглавіе: «Азбуковникъ пристойный оному до оныхъ же великославныхъ чиновъ и коимъ же годствуетъ виршными слоги писати. Въ лѣто отъ Созданія міра 7192-е (т. е., 1684 г.), грубымъ нѣкомъ Іеромонахомъ ново (ко оному) приписанъ.» Потомъ одной рукой, и одними чернилами, исписанъ весь этотъ отдѣлъ, состоящій изъ Азбуковниковъ, Письмовниковъ, «Школьныхъ благочинїи» и пр., — до 208-го листа. Отсюда, этой же рукой, но другими чернилами и мельче, начинается другая половина Сборника съ своимъ предисловіемъ и оканчивается опять хитрой четвероконечной тайнописью на 171-мъ листѣ: «Начато въ Соловецкой пустынѣ. Тожде совершено на Костромѣ, что въ Морюкахъ подъ Москвою во Ипатской честнѣй обители тѣмъ же первостранникомъ въ лѣто міробытіа 7191-е (т. е., 1683).» Все это, какъ видно, подлинное писаніе «первостранника.»

онъ и велѣлъ «убоному первоустроителю» присочинить приличныя двуступища, что тотъ и сдѣлалъ добросовѣстно, написавъ до шести сотъ одноступищъ. Впрочемъ, какъ видно, съ нѣкоторыми онъ не могъ совладѣть, не имѣя возможности подобрать рѣмы, и оставилъ пустыя мѣста для этого: кто можетъ — пусть пишетъ. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вѣрно позднѣйшими читателями, сдѣланы прибавки. Двуступища, какъ я сказалъ, рѣмованныя и, какъ эпиграфы, пригодны во всѣхъ случаяхъ жизни; рѣмы очень оригинальны, какъ, на примѣръ, пастырь рѣмуетъ постоянно съ словомъ пластырь и пр. Но такъ какъ содержаніе двуступищъ очень разнообразно, то къ этому Азбуковнику приложенъ родъ таблицы, по которой можно отыскать, въ какомъ случаѣ, при какихъ обстоятельствахъ, можно говорить то, или другое, двуступище, и что по образцу ихъ можно самому писать подобныя вещи и приучаться къ сочиненію всего, что можетъ сочинить и написать человѣкъ учепный и «въ писаніи искусный.»

Такимъ образомъ, Азбуковники эти служили руководствомъ для желающихъ сочинять.

Тутъ же приложено и наставленіе, какъ писать эти двуступища, т. е., какимъ метромъ и размѣромъ. Размѣръ былъ принятъ силлабическій.

Я уже говорилъ прежде, что въ нашемъ сборникѣ находятся и образцовыя Письмовники. Самый большой изъ нихъ помѣщенъ вслѣдъ за этимъ двустрочнымъ Азбуковникомъ и имѣетъ слѣдующее названіе: «Посланиа или написаниа отъ разностранныхъ за вины своя отсланцовъ, которіи по долговременномъ тамо терпѣніи, о избавленіи своемъ ко знаемымъ и могущимъ десницу помощи имъ подати, писали», и за тѣмъ прибавлено, что можно эти письма «и о иныхъ нуждахъ писати.» Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ очень замѣчательны и напоминаютъ собой умное «Посланіе Даниила Заточника,» который былъ точно въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и сочинители этихъ писемъ. Писаны они различно: и стихами, и прозой. Выпущу два изъ нихъ: одно, писанное къ частному лицу, другое къ Государю. Первое исполнено неподдѣльныхъ красотъ и очень умно, хотя и скучновато по началу.

1.

Именованіе твое, Государь мой, нынѣ премину,
Да не поставиши намъ нищимъ сего въ вину,

Зане не у время нынѣ впростѣ сего изъяснити,
 Но токмо подобаеъ намъ у тебе милости просити:
 Молямъ, Государь, твое честное преподобіе, или досто яніе,
 Тезоименито бо есть во твое званіе:
 Многогрѣшный нѣкто въ монахахъ ниско метаніе творить,
 Тебѣ, Государю, припадая и Бога моля, много челомъ бьетъ.
 Обидаежся, Государь, на твою великую милость,
 Сего ради держитъ явити свою бѣдность,
 Къ твоей честности сіе написать,
 Чтобы тебѣ, Государь мой, на насъ нищихъ милость свою изліати,
 Въ пынѣнней нашей въ настоящей скорби и печали.
 И самъ, Государь мой, зриши, что тяжки времена настали,
 Къ тому же по грѣхомъ моимъ постигла конечная бѣдность (или —
 немощь),
 Не имѣю, кто бы показалъ ко мнѣ сердечную (или — отческую) свою
 милость,
 Напиталъ бы насъ умягчаюю своею браздою,
 И наполнилъ бы, аки въ знойный день, студеную водою,
 И подалъ бы намъ нынѣ поне малу отъ скорбей нашихъ отраду,
 Негли бы и самъ сподобленъ былъ отъ Бога небесному винограду;
 Ничто же бо ино тако пріятно Спасу нашему и Богу,
 Иже кто творить къ нему добродѣтель свою премногу,
 Паче же въ скорби и печали бѣднаго не презираеъ,
 И елико мощно по силѣ своей, тако ему и помогаетъ.
 И что намъ о томъ нынѣ многая словеса продолжати
 И твоя, Государь, честная слуха отягчати?
 Время нынѣ, Государь, о настоящей нашей скорби къ тебѣ реши
 И доброразсудіе твое на милость къ себѣ привлещи,
 Негли милостивый твой оіагъ на насъ наліется
 И яко благодатною водою душа наша наліется.
 Мнози, Государь мой, твоимъ благодѣяніемъ хвалятся,
 Понеже въ добрыхъ путехъ отъ тебе ставятся,
 И того ради похваляютъ твой благодатный нравъ,
 Аки цвѣтій цвѣтъ отъ различныхъ травъ.
 И много ми писати, Государь, къ тебѣ нынѣ не у время;
 Богъ челоуколюбецъ да исправитъ твое душевное бремя,
 Воистину, Государь, всю тебѣ истину изорцемъ,
 Яко въ многобурной суетѣ всегда течемъ,
 И яко же нѣкій корабль посимъ многими волнами,
 Тако и мы многими своими скорбями и бѣдами,
 Потому и довол (?) намъ побити челомъ вамъ не доходитъ,
 Что все убогое житіе наше въ суетѣ исходитъ.
 Нынѣ же мы нищіе молимъ, Государь, твое челоуколюбіе (или пре-
 подобіе),

И во всемъ приступное душевное благородіе:
 Прости намъ, нищимъ, руку своего поможенія,
 И отческаго твоего великаго милосердія;
 Призри на насъ нынѣ своею великою милостию
 И благонравною и разсудною тихостию.
 Вся тебѣ, Государь мой, возможно сія сотворити,
 И бѣдности моей съ Богомъ пособити;
 И аще мы недостойни и не имамы что тебѣ воздати,
 И ты, Государь, отъ Бога многу мзду за то имаша воспріяти;
 Богъ бо любить таковыхъ благодатныхъ нравы,
 Которыя ищутъ небесныя и вѣчныя славы.
 И бѣднымъ и безпомощнымъ помогаютъ,
 И никогда же ихъ въ скорбѣхъ и печалѣхъ презираютъ;
 И что имамъ вяще того къ тебѣ, Государь, писати
 И многими словесы воздухъ наполняти;
 Аще сердечная твоя нива добродѣвіемъ умягчится,
 Тогда и малыи словесы благодать твоя намъ явится,
 И аще и аеръ наполнити многихъ словесъ,
 А къ немилостивому сердцу не достанетъ въ превѣсъ.
 Милостивіи и малыи словесы услаждаются
 И къ нищимъ и къ бѣднымъ простираются;
 И паки милостивіи помиловани будутъ,
 А немилостивіи въ тѣхъ обителехъ не будутъ.
 Того ради на землю предъ тобою себя пометаю
 И моленіе къ тебѣ, Государь мой, отъ сердца прѣстираю:
 Були, Государь, помощникъ и заступникъ въ таковой мнѣ тузѣ,
 Не обрѣтаю бо иного никого такова помощника себѣ;
 Тѣмъ и припадаю ко общей матери нашей земли,
 Въмъ бо ты паки, яко многимъ ты людямъ помогаешь вельми.
 Сего ради и азъ нищій, не престая слезами землю моча,
 Скорбь, Государь, сердечная и скудость потребы тѣлесныя уязвляетъ
 мя не менѣе меча;
 Уныніемъ и печалію и иною болѣзнію до зѣла нищій взямогаю.
 А помощника крѣпкаго себѣ, кромѣ Бога, никого не обрѣтаю,
 Яко рабъ непотребный отъ всѣхъ попираемъ,
 И яко звергъ бездушный поверзаемъ,
 И яко трость уныннымъ вѣтромъ колеблема,
 Или яко лоза, стоящая при пути, объемлема,
 И совершеннѣ рещи, отъ человекъ ни отъ кого небрегомъ,
 Токмо смѣхъ и поношеніе бываю своимъ врагомъ,
 Во дни, аки въ нощи, во унынїи и въ печали пребываю
 И разумѣвшишка своего до конца отбываю,
 Всегда хожу въ велицемъ своемъ забвенїи,

Яко нѣкоемъ зѣло темной поираченіи;
 Того ради нынѣ хѣплюся твоихъ честныхъ стопъ,
 Услыши, Государь, сердечный и богъбоженный мой вопль,
 Аще и не въ слухъ тебѣ, Государю моему, вопію,
 Но отъ болѣзни сердца и горести души, аки пельшь со оптомъ пію.
 Тридцать лѣтъ, Государь, уже и больша въ монастырѣ пожихъ
 И вкладнико по силѣ и труднишка свои положихъ.
 И нынѣ, яко птица худая, по чужой странѣ пребитаю
 И ни гдѣ своей бѣдности покоя не обрѣтаю,
 Понеже любовнаго душа всегда въ душѣ любимаго,
 А вѣрнаго друга подобаетъ всегда имѣти, аки столпа непоколебимаго.
 Писано есть: другу вѣрну измѣны нѣсть,
 А сердца наша и мысли Богъ единъ вѣсть;
 Другъ вѣренъ — кровь крѣпокъ,
 А не вѣренъ — аки оплотъ лѣпокъ;
 Другъ лестенъ, аки ножъ помазанъ медомъ,
 Приводитъ бо всегда къ душевнымъ вредомъ.
 Такова друга подобаетъ отъ себе отсѣкати
 И никоего отъ него совѣта не примати;
 О добрыхъ же друзѣхъ лѣпо пишется,
 Яко же нѣкое оружіе бисеромъ нижется;
 Другъ вѣренъ подобенъ противу злата и сребра мѣрити,
 А лъстивымъ и лукавымъ другомъ не подобаетъ вѣрити;
 Яко же земныя плоды отъ лѣта до лѣта рождаются,
 А добріи друзи по вся дни пригождаются;
 Истинніи друзи познаваются во время напасти,
 Лъстивіи же и люти во своей суетнѣи власти;
 И мы были нищія прежде сего времени не въ лишке,
 Тѣже были Соловецкія, а стали яко Кузовецкія,¹ покоя себѣ добилися.
 Аще убо молю, Государь, твое во всемъ благо разуміе,
 Да не позаариши на наше неискусное грубоуміе;
 Обнадежася, Государь, на твою милость, тако плетемъ:
 Вѣмъ бо ты разумна суца и изящна во всемъ.
 Буди, Государь, намъ помощникъ и присвой насъ къ себѣ,
 Многа бо заступника такова не обрѣтаемъ себѣ;
 Яко же твое благоутробіе прежде сего къ намъ бывало,
 А нынѣ не вѣмъ, почему милосердіе твое отъ насъ повстало,
 Судитъ Богъ нѣкоторому человеку лиходѣю,
 Чтобъ ему то смыслити своему добродѣю,
 Чѣмъ тебѣ, Государь, неправедно мене огласилъ
 И добродѣяніе твое прежнее отъ мене отщетилъ;

¹ Не совсѣмъ понятны выраженія.

Богъ ему по дѣломъ его судіа и Пречистая Богомати.
 А ума его суетнаго и устенъ неправедныхъ не уняти;
 Что хочеть по ненависти своей, то и глаголетъ,
 Понеже въ сердце его всегда зависть колетъ,
 И ты, Государь мой, не ѿми вѣры живу слову,
 По великому Апостолу святому Іоанну Богослову:
 Не всякому духу вѣрити онъ повелѣваетъ,
 Но паче духа искушати съ разсмотреніемъ подобаетъ,
 Ажа убо истинѣ всегда сопротивляется
 И имѣай ю, едва въ рай вселяется.
 Богъ такому судіа и по дѣломъ его воздатель;
 Злый доброму никогда же не бываетъ пріятель,
 Всегда поощраетъ алая творити,
 Чѣмъ бы ему брата своего погубити;
 Обаче не брату своему зло сотворять,
 Но свою душу злодѣйствомъ во адъ посылаетъ.
 Писано есть: злаго зло и постигнетъ,
 А избранныхъ и добродѣтельныхъ мужей въ мѣсто не постигнетъ.
 И вѣщши того ипо что недоумѣюся тебѣ, Государю, рещи,
 И како бы милосердіе твое къ себѣ привлеци.
 Писано есть: отъ самыхъ Христовыхъ божественныхъ устъ,
 Томужде послѣдуя и великій Іоаннъ Златоустъ,
 И нѣи мнози божественніи и святїи наши отцы,
 На нихъ же нынѣ сіяють негѣнїи и свѣтлїи вѣнцы,
 Ищите, рекоша, прежде всего царства небснаго,
 А не любите свѣта сего и міра прелеснаго,
 И сія вся ватъ приложатся
 И во ономъ вѣцѣ мзды воздаются.
 И да не положиши, Государь, въ забвеніе нашего къ тебѣ моленїа
 И самъ да сподобишися отъ Бога вѣчнаго веселїа,
 Да воздасть ти Господь за то вся благая многими краты
 И непреборимъ будещи некоторыми своими супостаты.
 И сему писанейцу мы нищїи сотворимъ конецъ,
 А всѣмъ намъ всещедрый Богъ Создатель и Творецъ,
 Ему же нынѣ отъ Ангелъ и челоуѣкъ непремѣнная слава,
 А намъ буди отъ всѣхъ злыхъ конечная избава.
 Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь.

2.

Великихъ прывычайшихъ Государей превосходящему Властодержцу,
 Елика въ Европѣ и Азїи и многихъ государствъ Самодержцу,
 Любителю и хранителю изрядну заповѣдей богословныхъ
 И доброуспасену Правителю законъ православныхъ,

Которое таковому нынѣ принесу многое благодареніе,
Иже древнихъ во благочестіи Сіятельныхъ Царей превосходить мило-
сердіе,

Имъ же Россійскій Скипетръ преславно украшается,
Государямъ пограничнымъ выну страшенъ именуется;
О немъ же велегѣпная хвала въ концы вселенныя истекаетъ,
Славна, и богомудра, и милостива всяка страна того нарицаеть,
Предивна и храбра, и всякими благостынями цвѣтуща,
Основаніе неизменно въ вѣрѣ Христовѣ по премногу имуща:
Доброю бо цѣломудрія чистоты выну украшается,
Аще и Царскою багрянницею преславно облачается;
Россійскаго царствія народомъ богоданный пастырь,
Благочестія державнымъ цѣломудрія пастырь;
Любовію жъ къ Богу всякими добродѣтелями наипаче превосходить,
Аще и земнаго царствія скипетроуправленія повсюду проходитъ,
Готова себѣ тѣмъ Бога въ помощехъ выну обрѣтаетъ,
О немъ же вездѣ упованіе наше со усердіемъ полагаетъ.
Честно убо во звѣздахъ пресвѣтлое солнце,
Его же ко всѣмъ милосердіемъ наполено сердце.
Свѣтло же и преславно на тверди озареніе лунное,
Того же милосердіе сіяетъ ко всѣмъ намъ непремѣнное,
Имъ же власти и саны благороднымъ даруются,
Вышней же чести достойни отъ него сподобляются;
И всѣхъ, подъ властію сущихъ, всякія благости наслаждая,
Царское же свое благосердіе въ нихъ умножая,
Аще и многія ему отъ враговъ приключаются кручины,
Рѣки проливаетъ молитвъ къ Богу отъ сердечныя пучины.
Проситъ царстѣй своей державѣ быти немятежнѣй,
Отъ вражнихъ прилогъ сохранитися неврежденнѣй.
Щадить же многія враги своя вездѣ и повинны,
Аще пѣщия являются и смерти достойны,
Даруя имъ свою Царскую благосердную милость,
И свою огненную уставляетъ отъ нихъ ярость.
Хочетъ бо враги на любовь мирну обратити,¹
О ней же и впредь вѣрнымъ въ соединеніи жити.
Лести и лукавства отнюдъ въ нихъ не именоватися,
Обще же единовластію его всѣмъ повиноватися.
Прошу и азъ твоего Царскаго милосердія пріяти,
А свое рабское страданіе тебѣ, Государю, явити;
Свѣтлость твоего милосердія выну на мнѣ сіяетъ,
Всяческихъ презѣвною милостію всегда озаряетъ;
О всѣхъ же на тебе, Государя, единого упованіе возлагаю,
Бже твое Царское къ себѣ общаніе поминую.

Государское Ваше слово непремѣнно бываетъ,
 О немъ же кто на Бога надежду свою возлагаетъ...
 Мнѣ холоду и писать къ тебѣ, Государю, невмѣстно,
 И самому тебѣ, Государю, много о мнѣ извѣстно:
 Хочеть ми ся тебѣ, Государю, усердно послужити,
 А отъ Царскаго ти Величества милость получитьи.
 Лѣпо намъ работати тебѣ Государю, аки Богу,
 Коя намъ работа приноситъ радость многу;
 Аще и главы своя за тебе, Государю, полагаемъ,
 Твое Царское крестное цѣлованіе исполняемъ;
 Аще котораго изъ насъ вина предъ тобою Государемъ явится,
 Твоимъ Царскимъ праведнымъ судомъ таковой казнитъся,
 И да не начнутъ таковыи впредъ алая дерзати,
 Щедроты твоя Царскія на гнѣвъ подвизати.
 Еже явкимъ слышимъ зломудренныя совѣты ухищряють,
 Вину законопреступну неповиннымъ полагають;
 А многое въ мѣрѣ отъ таковыхъ выну содѣвается,
 Въ нихъ же правда и слово истинное не обрѣтается.
 Аще кто со усердіемъ выну на Бога уповаеть,
 Ложна совѣта и лъстива того Богъ объявляетъ.
 Истина же предъ лицемъ жи не стыдится,
 Глаголати и дѣйствовати отнюдъ не срамится.
 О прочихъ же нынѣ писати къ тебѣ, Государю, не смѣю,
 Свою рабскую работишку тебѣ, Государю, объявити дерзновеніа не имѣю.
 Прошу еже на ны суетна слуха и лъсти не приимати,
 О нихъ же Царскому ти богомудрому сердцу въ печали не пребывати.
 Да во всѣхъ устнѣхъ слава будетъ непрестанна,
 Аще твоя Царская ушеса къ таковымъ будетъ неуклонна;
 Рука твоя Царская тогда на враги укрѣпится,
 Бывшая алая отъ среды всяко егда изженутся;
 Тебѣ, Государю, истиннѣ и правдѣ подобаеть внимати,
 И лжу суемудренныхъ нашошеній всяко отревати;
 Правда правыхъ всегда отъ смерти избавляетъ,
 Разуму истинну хотящихъ прияти сподобляетъ,
 Имъ не кто (Божественный Апостоль глаголетъ) порабитетя,
 Сему и рабъ быти всяко не усрамится.
 Ваше Царское еже о подручныхъ попеченіе имѣти,
 О всѣхъ же подобаеть доброошасно смотрѣти.
 Ими же кто приобрѣтаетъ честныя себѣ славы,
 Хулныя и тщетныя глаголы произносить на ны.
 Царскому ти остроумію словамъ онимъ
 Не подобаеть внимати рѣчемъ хулнымъ.
 Когда кто глаголати на насъ не посрамится,

Сеи и многа зла дѣйствовати не стыдится.
 Конечную скорбь содѣваетъ радости Вашей
 И непремѣнное сѣтованіе худости нашей.
 Христоподобное же твое Царское молю милосердіе,
 Свое отъ души предлагаю молебное усертіе:
 Величества Царскія свѣтлости видѣти хочу,
 Еже милость твою совершенну самъ улучу,
 Да убо, Государь, въ насъ всяка вѣтняна и лжа явится,
 Лыста ногъ моихъ предстати тебѣ укрѣпится;
 Хитрости же въ насъ ни которые никто не обращеть,
 О нихъ же кто на ны и многая клевететь.
 Что же, Государь, впредь вмамъ сотворити,
 Еже Царскую твою милость къ себѣ получитьи,
 Хулы же и поношенія отъ всѣхъ ненавлящихъ мя избыти,
 И о семъ Всемилостиваго Бога хвалити. Аминь.

Я не рѣшаюсь утверждать, чтобы эти посланія помѣщались въ
 Азбуковникахъ съ прямой цѣлью — служить образцами для юноше-
 ства, упражняющагося въ первоначальныхъ сочиненіяхъ; но также не
 имѣю право говорить и противнаго. Могло быть, что они въ самомъ
 дѣлѣ писались въ Азбуковникахъ съ цѣлью педагогической; могло
 и не быть этого. Но то вѣрно, что если они и не служили обра-
 зцами для сочиняющей молодежи, то были образцами для взрослыхъ,
 для пожилыхъ, пожалуй, для стариковъ, все равно, для кого бы
 то ни было, только были образцами. Это говорятъ сами письма, въ
 которыхъ, какъ обыкновенно во всякихъ образцовыхъ статьяхъ, нѣтъ
 фамилій, и именъ, къ кому пишутъ, а есть «няя рекъ», подъ кото-
 рымъ можно ставить какое угодно имя; это говоритъ само предис-
 словіе «первостранника», который, упомянувъ о томъ, что у насъ, де,
 большею частію письма пишутся очень просто, что если, на примѣръ,
 пишутъ къ родителямъ, то всегда употребляютъ извѣстныя фразы,
 въ родѣ того, что «молитвами ваю я живъ и здоровъ» и пр., го-
 ворить, что гораздо приличнѣе въ этомъ случаѣ писать болѣе вы-
 сокимъ слогомъ, объяснять свои желанія болѣе возвышенно, и вотъ
 для этой-то причины онъ предлагаетъ образцы такихъ писемъ. Ясно,
 что цѣль этихъ писемъ, хоть косвенно, была отчасти педагогическая.
 Положимъ, въ школахъ не учили дѣтей искусству излагать свои
 мысли, не показывали имъ этихъ образцовъ, которые были тутъ

же, въ дѣтскихъ учебникахъ; но что въ нѣкоторыхъ школахъ преподавалось Реторика, можетъ быть только не подъ своимъ именемъ, это несомнѣнно. Реторику смѣшивали съ Грамматикой (какъ мы недавно еще путали вмѣстѣ Физику съ Химіей и Механикой), и потому Реторика входила въ число предметовъ преподаванія: въ нашихъ Азбуковникахъ есть Реторика, но она идетъ въ урядъ съ Грамматикой. Но не смотря на то, что въ нашихъ же Азбуковникахъ помѣщались вмѣстѣ и привѣтственные рѣчи къ посѣтителямъ, выучиваемыя наизусть и произносимыя «острѣйшими» учениками, и правила школьной дисциплины и тутъ же образцовыя посланія, мы не въ правѣ утверждать, что дѣтей учили сочинять эти письма. Можетъ быть, и учили, а можетъ и не учили: только этого въ Азбуковникахъ не сказано. и потому, въ дѣлѣ науки, догадку мы считаемъ, если не неумѣстной, то во всякомъ случаѣ самообольщеніемъ. Я привелъ эти два письма, какъ образецъ витійства нашихъ предковъ, витійства, которому предлагали подражать, если не юношамъ на школьной скамейкѣ, то людямъ пожилымъ, нуждающимся иногда въ краснорѣчивомъ посланіи къ начальнику, или благодѣтелю, и нельзя не согласиться, что первое изъ этихъ посланій было бы вполне прекрасно по тому времени, когда бъ не было такъ растянуто.

Всякій согласится, что матеріалы, представляемые Азбуковниками, относительно объема обученія въ Россіи XVII-го вѣка, не очень сильное свидѣтельство въ пользу нашего образованія; но всякій знаетъ, что предки наши были много образованнѣе и знали гораздо больше того, что приобрѣтали въ школахъ: все таки школьное ихъ обученіе было очень ограничено, и если было нѣсколько пространнѣе того, какъ мы находимъ въ Азбуковникахъ, то развѣ только Арифметику, т. е., цифирью, Географію, т. е., Космографію, и Исторію, имѣвшую лѣтоисчислительный, или хронографическій, характеръ. Всего же того, что представляетъ намъ наша богатая письменность XVII-го вѣка, всего, что знали специалисты-предки (а у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ были и специалисты), всѣхъ познаний, обращавшихся тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, конечно, не преподавали въ школахъ, особенно въ школахъ для первоначальнаго обученія. Впрочемъ, надо и то сказать, что предметъ этотъ, т. е., исторія нашего развитія или, вѣрнѣе, исторія развитія нашихъ школъ и вліяніе ихъ на ходъ нашего образованія, только въ послѣднее время сдѣлался цѣлью ученыхъ разысканій; только въ послѣдніе два года вышло

нѣсколько специальныхъ изслѣдованій по этой части; и отъ того въ этомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего рѣшеннаго, нѣтъ еще почти никакихъ положительныхъ итоговъ. Вѣрнаго, окончательнаго приговора еще не сказано никѣмъ, по той причинѣ, что предметъ изслѣдывался покуда односторонне: не взяты еще въ помощь, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многіе памятники до-Петровской письменности; многое лежитъ въ нашихъ книгохранилищахъ совершенно еще нетронутымъ; однимъ словомъ, много еще предстоитъ труда на обработку разсѣянныхъ матеріаловъ, относящихся къ этому предмету. А между тѣмъ, мнѣнія объ этомъ интересномъ предметѣ уже высказаны, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ всякаго дѣла, мнѣнія высказаны совершенно противоположныя одно другому. Но какъ бы горячо ни защищали мнѣнія, говорящаго въ пользу цветущаго состоянія нашихъ школъ, въ пользу полноты преподаваемыхъ предметовъ, мнѣніе это будетъ прекрасной и утѣшительной, но тѣмъ не менѣе недоказанной, фразой. до тѣхъ поръ, пока намъ осязательно не покажутъ ея справедливости, пока сама старина своими словами не скажетъ намъ утвердительно, что мы должны вѣрить этому утѣшительному мнѣнію. Мы знаемъ изъ нашихъ памятниковъ только одно, что объемъ преподаванія въ школахъ до-Петровской Руси былъ довольно ограниченъ, — и только. Но чрезъ это до-Петровская Русь не должна ничего терять въ нашемъ мнѣніи: она стояла на очень высокой степени развитія умственныхъ силъ своихъ, но только не со стороны школъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ Россія вступала въ новую колею своего образованія и успѣла пройти уже много къ высокой цѣли развитія; а школы шли медленнѣе ея, хотя тоже начинали жить новою жизнью. Однимъ словомъ: Россія развивалась быстрѣе, чѣмъ тѣ источники, изъ которыхъ должно было произтечь ея развитіе.

Въ самомъ дѣлѣ, состояніе нашихъ школъ въ XVII-мъ вѣкѣ было еще на такой младенческой ступени, что мы, во многомъ уже понявъ выгоды образованія и уже отчасти усвоивъ его, въ отношеніи обученія своего юношества оставались еще много ниже тѣхъ державъ, которыя мы превышали и стройностью политическаго состоянія, и правильнымъ гражданскимъ устройствомъ, и созваніемъ выгодъ гражданственности. Что ни говори о преимуществахъ до-Петровской Россіи предъ варварскимъ Востокомъ, что ни говори о ея гуманныхъ началахъ, все таки, въ отношеніи образованія новаго

поколѣнія, въ отношеніи педагогическомъ она уступала даже той страницѣ, которую давно превалила во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Хотѣ бы взять въ примѣръ состояніе тогдашнихъ школъ въ Турціи, не говорю уже о Западной и Южной Россіи, — даже Турціи мы должны отдать преимущество, когда вопросъ коснется того, какія мѣры принимали мы тогда для образованія новаго поколѣнія, для приготовления отечеству полезныхъ слугъ на разныхъ ступеняхъ его гражданской жизни. Не смотря на то, что многіе изъ нашихъ предковъ учились многому, — они учились единственно для себя, изъ протей любознательности, между тѣмъ какъ другая половина насъ занималась писаніемъ, безъ всякой сознательной цѣли. Только одно почти духовенство имѣло цѣль въ своихъ занятіяхъ и съ этой же цѣлью воспитывало своихъ дѣтей. Отъ того и характеръ обученія въ древней Руси былъ единственно только религіозный, какъ это было прежде и на Западѣ, при его религіозномъ направленіи, когда высшее сословіе готовило дѣтей своихъ только къ двумъ поприщамъ: или быть вассаломъ, владѣтельнымъ, необразованнымъ барономъ, или образованнымъ епископомъ, ученымъ монахомъ. На Западѣ это было очень давно; у насъ же перестало быть очень недавно.

Я упоминалъ о Турціи, говоря, что въ XVII вѣкѣ она очень хорошо, хотя съ своей точки зрѣнія, понимала необходимость образованія юности, могущаго быть полезнымъ на службѣ государству, тогда какъ Россія, можетъ быть, понимала это не хуже ея, однако не успѣла сдѣлать по этому предмету ничего замѣчательнаго; а, можетъ быть, даже и много сдѣлала, только мы до сихъ поръ не знаемъ этого, не находя нигдѣ свидѣтельствъ въ ея пользу. То же, что передаетъ намъ очевидецъ о состояніи преподаванія разныхъ наукъ въ Турціи XVII вѣка, очень замѣчательно и не можетъ не поразить всякого, кто сравнитъ это свидѣтельство съ тѣми фактами, которыя намъ извѣстны изъ исторіи развитія наукъ, или обученія въ Россіи того же вѣка. Сравненіе очень не утѣшительное для нашего національнаго чувства: Очевидецъ этотъ — Секретарь Англійскаго Посольства при Оттоманской Портѣ, г. Рикотъ, изучившій состояніе Турціи въ половинѣ XVII столѣтія и издавшій объ этомъ предметѣ довольно пространный трактатъ ¹.

¹ Книга Рикота переведена на Русскій языкъ съ Польскаго въ 1741 году, подъ названіемъ: «Монархія Турецкая, описанная чрезъ Рикота, бывшаго

Рикоть пишетъ именно о тѣхъ юношахъ, которые предназначались для отправленія разныхъ должностей въ государство. Онъ рассказываетъ сначала, изъ какого званія были эти юноши. Рассказъ его очень занимателенъ. Рикоть говоритъ, что Султанъ обладаетъ великимъ искусствомъ: возвышать на первыя государственныя степени только лица искусныя и разумныя, но не тѣхъ, которые знатны по рожденію; потому что, по его мнѣнію, «не потребно принимать въ дѣла тѣхъ, которыхъ благородство крови, богатство и неучтивое похлѣбство (лестъ) чинитъ славными.» Для того Султанъ давалъ образованіе плѣннымъ христіанскимъ дѣтямъ, надѣясь, что забывъ родину и всякія привязанности, они будутъ всею душою преданы тому, кому обязаны своимъ воспитаніемъ и почестями.¹ Сказавъ объ устройствѣ школъ, или каморъ, назначенныхъ для воспитанія этихъ юношей, и послѣ подробнаго разсказа о ихъ гимнастическихкихъ упражненіяхъ и о приученіи къ веденію войны, переходитъ къ описанію того, чему и въ какой мѣрѣ они учились. Изъ его разсказа мы узнаемъ слѣдующее: для воспитанія этого юношества у Турокъ назначены были особые учителя, называемые Калфасами; которые прежде всего научали своихъ воспитанниковъ читать и писать, чтобъ они сами могли понимать книги, содержащія въ себѣ изложеніе Корана, ихъ вѣры и законовъ, необходимыхъ въ администраціи. Какъ только они узнавали азбуку и склады, тотчасъ переходили къ изученію Арабскаго языка, «посеже въ томъ языкѣ сокровище и богатство ихъ закона и вѣры,» и знаніе Арабскаго языка давало имъ возможность толковать и подбирать статьи Закона; объяснять предписанія и сентенціи Кади; судить о ихъ законности, или незаконности. Потомъ юношамъ преподавался языкъ Персидскій съ цѣлью уже литературною, потому что богатство Персидскаго языка, его «изрядныя» слова и «сладкость въ глаголаніи» пополняли собою скудость и маловодность языка Турецкаго, что считалось очень необходимымъ при дворѣ Султана. За тѣмъ разсказывали имъ обычаи старины, возбуждая желаніе подражать высокимъ историческимъ личностямъ, и прочитывали имъ «книги

Англинскаго Секретаря Посольства при Оттоманской Портѣ. Переведена [съ Польскаго на Россійской языкъ. Въ Санктпетербургѣ 1741 года.]

¹ Рикоть, стр. 33—40.

любовническія и новоописанныя на Персидскомъ языкѣ.» Изъ Персидскихъ сочиненій обыкновенно преподавались въ школахъ Данистанъ Шанди, Пондата, Джулістинъ, Бостанъ, Кафіцъ, прозаическія и стихотворныя. «Сіи книги суть сладостны, исполнены веселости иряднымъ произношеніемъ; изъ таковыхъ книгъ бывають прочитаны часто сіи: Кіркъ Везіръ, Умаюнаме, или Деліде, и Рекимине, и Фулкаде Сеітбаталъ, и иные многіе книги любовническіе.»¹ Рикоть прибавляетъ при этомъ, что любовническія книги изучаются «разумнѣйшими молодыми», а которые изъ юношей мелянколіки и многомысленные, тѣ занимаются книгами серьезнаго содержанія, съ цѣлью достигнуть званія Государственнаго Канцлера, начальника публичныхъ доходовъ и т. п.; иные же желаютъ быть канціфіци или хранителями Корана, для чего обязаны были выучить весь Коранъ наизусть; эти послѣдніе очень уважались народомъ; наконецъ, нѣкоторые занимались философіей, т. е., толкованіемъ смысла священныхъ книгъ, и носили названіе «Талібудей»; низшая степень философовъ называлась «Джучкони»; они читали Коранъ по душѣ тѣхъ правобѣрныхъ, которые оставили денегъ на свое поминованіе и на толкованіе ихъ Катехизиса, т. е., книгъ — Каруть, Сальтъ, Мукадъ, Мутока, Гідане и другія. Кромѣ того, у нихъ есть Персидскія и Турецкія стихотворныя произведенія, съ римами и разбѣромъ, въ родѣ Пиеагорійскаго, и эти стихотворенія учатъ юноши наизусть и очень искусно ихъ декламируютъ. Науки же, «которые суть между нами», говоритъ Рикоть, именно Логика, Физика, Метафизика и Математика, «не имѣютъ ні единыя свѣтлости», и только Музыку изучаютъ прилежно. Есть между Турками и знатоки Астрологіи. Географія и изученіе другихъ государствъ находятся въ плохомъ состояніи: морскихъ картъ хорошихъ очень мало, а въ морскихъ путешествіяхъ помогаютъ имъ только глаза и опытъ.² Хотя Турки, говоритъ, не имѣютъ хорошихъ историковъ, однако достаточно знаютъ исторію своей Имперіи и прочихъ государствъ, и въ политикѣ очень хорошо пользуются примѣрами прошедшихъ временъ, или, какъ говоритъ Рикоть, «употребляютъ яко образцы и осторожности въ ихъ потребнѣйшихъ дѣлѣхъ.»

¹ Завтоки Восточныхъ литературъ, вѣроятно, знакомы съ нѣкоторыми изъ упомянутыхъ здѣсь книгъ.

² Монархія Турецкая. Рикоть, стр. 41 43.

Эти свидѣтельства очевидца о состояніи педагогики въ Турціи до того поразительны, что становятся какъ будто невѣроятными. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть даже и сравненія съ тѣмъ, что сдѣлала въ то время педагогика въ Россіи: къ стыду нашему, Русская педагогика сдѣлала, вѣроятно, не многинъ больше того, что мы уже видѣли, и чѣмъ не можемъ похвастаться даже предъ Турціей. Турція, или, вѣрнѣе, ея правительство очень хорошо понимало для своего времени необходимость специальныхъ познаній для людей, готовящихся къ государственныиъ обязанностямъ, и потому заботливо смотрѣло за воспитаніемъ юношества; у насъ же одно духовенство, и притомъ слишкомъ односторонне, понимало важность «книжнаго наученія», изрѣдка напоминая Государству о томъ, что духовному сословію необходимо учиться грамотѣ. Вспомнимъ опредѣленіе «Стоглава» по этому предмету. Напротивъ, Турки уже тогда многостороннѣе смотрѣли на важность обученія юношества, и смотрѣли на педагогикѣ съ болѣе развитыми понятіями. Въ самомъ дѣлѣ, это какъ будто невѣроятно, но къ несчастію нашему справедливо. Уже одно то говорить въ пользу Турціи, что ея юношество изучало, въ своихъ школахъ, необходимыя языки, догматы религіи и законы; знакомилось съ формами администраціи, однимъ словомъ, заранѣе готовилось къ служебной дѣятельности; но, сверхъ всего этого, оно не было чуждо и свѣдѣній литературныхъ, потому что читало и изучало произведенія лучшихъ Восточныхъ писателей, узнавало исторію своей литературы и поэзіи. Если Турція и не была образована на Европейскій ладъ, такъ, по крайней мѣрѣ, была образована по своему, чѣмъ, конечно, не могло похвалиться наше отечество.

Или хотя бы взять теперь тогдашнюю Южную и Западную Россію. Правда, тамъ во всемъ отражалось вліяніе Польской образованности; но я не говорю о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; я не говорю о Кіевской Академіи и другихъ учрежденіяхъ: выключая всего этого; даже простыя школы Южной Россіи, безъ всякаго Польскаго вліянія, стояли на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Южнорусскія элементарныя школы имѣли прочное органическое устройство, и объемъ наукъ, преподававшихся въ нихъ, былъ много пространнѣе, чѣмъ въ первоначальныхъ Великорусскихъ училищахъ, о которыхъ мы говоримъ въ настоящей статьѣ. На примѣръ, въ Уставѣ школы, учрежденной, въ началѣ XVII-го вѣка, при

монастырѣ известнаго Луцкаго Братства, видны такія опредѣленныя начала и такое положительное направленіе, о какомъ едва ли могла думать, въ концѣ XVII-го вѣка, наша Законодательная Академія, и такое всего менѣе могло существовать тогда въ элементарныхъ Велико-русскихъ школахъ. Замѣчательно, что этотъ школьный уставъ поясняетъ для насъ значеніе Азбуковниковъ: что мы принимали въ этихъ послѣднихъ за мѣстные обыкновенія, то повторяется и въ правилахъ Луцкой школы, и эти правила до того сходны съ правилами Азбуковниковъ, что какъ будто писаны въ одно время и для одной школы, или заимствованы Велико-русскими школами изъ правилъ, давно уже существовавшихъ въ школахъ Южной Россіи. Всего вѣроятнѣе, что наши Азбуковники отчасти перенесены къ намъ съ юга Россіи, на что намекаетъ самый языкъ ихъ, въ которомъ встрѣчаются такія слова, какъ вирши, клейнотъ, аба и пр. Сверхъ всего этого, значеніе Азбуковниковъ много увеличивается тѣмъ, что правила, помѣщенные въ нихъ, не простыя разглагольствованія, а принятые и утвердившіеся школьные обычаи, и что все содержаніе Азбуковниковъ не случайное, а такое, какое именно необходимо было тогда въ школьныхъ дѣтскихъ руководствахъ.

Интересно будетъ сравнить нѣкоторыя статьи Азбуковниковъ съ подобными положеніями въ Уставѣ Луцкой школы.¹ Это сравненіе необходимо и тѣмъ, что, не смотря на неодинаковость состоянія училищъ въ Великой Россіи и училищъ въ южной ея части и на Волыни, все же эти послѣднія были отчасти наши училища, Русскія, и потому само по себѣ интересно знать ихъ устройство, которое, можетъ быть, нѣсколько объяснить намъ состояніе нашихъ Велико-русскихъ школъ и покажетъ новыя стороны, еще неизвѣсныя изслѣдователямъ старинной Русской педагогики.

Прежде всего надо сказать, что Луцкая школа была не частнымъ, а общественнымъ заведеніемъ, и потому правила ея имѣли особыя статьи, не могущія идти въ сравненіе съ правилами частныхъ школъ, какія были въ то время въ Велико-россіи. Въ слѣдствіе этого, разумѣется, въ Азбуковникахъ мы не нашли статьи относительно приѣма воспитанниковъ, что въ Южно-русскихъ училищахъ дѣлалось

¹ Уставъ этотъ имѣлъ двѣ редакціи, изъ которыхъ каждая обладана однимъ годомъ, 1624-мъ. Онъ напечатанъ въ «Памятникахъ, издаваемыхъ Временною Комиссіею для разбора древнихъ актовъ.» Кіевъ, 1848. Изданіе 2-е. т. II, отд. I.

съ разными предварительными условіями. Уставъ говорить: «Каждый, кто поступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись Ректору, съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ учению, порядку, а бѣдный (въ подлинникѣ: «нищій») и къ содержанію, ¹ не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ; и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.» ² Присмотрѣвшись; если не захочетъ вступить въ школу, то отходить съ благословеніемъ; а если согласится, то долженъ объявить объ этомъ Старшему и, внесши въ школьную кружку четыре гроша, зачисляемъ былъ отъ Пенитарха въ число учениковъ и вносился въ большой школьный списокъ.

Какъ въ нашихъ Азбуковникахъ, такъ и здѣсь, есть Старшіе, которымъ воспитанники обязаны были повиноваться, какъ и самому учителю. потому что, прибавляетъ Уставъ, «если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ, даже самыхъ низкихъ, имѣть мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе въ наукахъ свободныхъ («въ наукахъ вызволенныхъ»), которыя всѣ прочія науки, искусства и ремесла далеко превышаютъ.» ³

Но такъ какъ въ школахъ обучали «разнымъ діалектамъ.» и опредѣлены были особыя часы, въ какіе чему должно учиться, то воспитанникъ, поступивши въ школу и «не могучи и наукъ, который ся тутъ традуютъ, и себе до которой есть способенъ рыхло зрозумѣти,» долженъ посоветоваться съ начальникомъ школы, «за якую науку взятися маеть.» И что присовѣтуетъ ему начальникъ (сообразивши его лѣта, наклонности и способности), за то онъ и долженъ приняться съ охотою, если только сами родители не назначили уже его къ извѣстной отрасли науки; да и тѣмъ, говорить, нужно совѣтовать полезнѣйшее.

¹ Въ переводѣ, изданномъ въ Кіевѣ, это мѣсто не имѣетъ смысла: будто бы нищій «присматривался къ содержанію,» вмѣсто «допускался».

² Памят. Врем. Коммис., т. I, отд. I, стран. 83—84. Я взялъ переводъ, приложенный при этомъ изданіи.

³ Памят. Вр. Ком., т. I, отд. I, стр. 84—85.

Вотъ предварительныя условія, которыхъ мы не встрѣтили въ правилахъ Великорусскихъ школъ, или, можетъ быть, не встрѣтили только въ нашихъ Азбуковникахъ.

За тѣмъ всѣ другія статьи Устава болѣе и менѣе сходны съ правилами, помѣщенными въ Азбуковникахъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ статей помѣщены правила о наказаніяхъ, которыя такъ подробно изображены въ Азбуковникахъ; здѣсь они написаны болѣе спокойнымъ тономъ: за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически: не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мірски, но и выше мірскаго. Въ другой статьѣ добавлено, что для внушенія дѣтямъ хорошихъ правилъ,¹

«И памятного маеть не боронити,
По чаши школьной испити».¹

Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ въ Малороссійскихъ школахъ субитокъ, — когда каждую субботу сѣкли школьникова, что называется, въ запасъ, чтобъ они были умны и на будущее время; вѣроятно, памятное и было въ этомъ случаѣ запаснымъ предостереженіемъ отъ дурныхъ поступковъ.

Слѣдующія за симъ статьи имѣютъ также много общаго съ правилами «Школьнаго благочинія» Азбуковниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы знаемъ, что ни богатство, ни знатность происхожденія не давали воспитанникамъ правъ на предпочтеніе ихъ передъ дѣтьми бѣдныхъ родителей; что ученики сидѣли въ классахъ по достоинству, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ. Въ Уставѣ Луцкой школы выражено то же самое, что каждый ученикъ долженъ садиться на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначенномъ по мѣрѣ его успѣховъ: «Который болшей умѣти будетъ, сидѣти вышшей маеть, бы и барзо нищъ былъ; который меншей умѣти будетъ, на подлѣйшомъ мѣсцу сидѣти будетъ. Богатый надъ убогихъ у школъ нѣчимъ вышшии не мають быти, толко самую наукою: плотию же равно вси.» Учителю же вѣнялось въ обязанность одинаково заботиться о своихъ воспитанникахъ, какого бы званія и состоянія ни были они, и каждому удѣлять своихъ трудовъ поровну: «Учити даскалъ² и любить маеть дѣти всѣ за ровню, якъ сыновъ богатыхъ,

¹ Пам. Вр. Комм., т. I, отд. I, стр. 108.

² Даскалъ — такъ называется въ Уставѣ дидаскалъ, учитель.

такъ и сиротъ убогихъ, и которые ходять по улицамъ, живности просечь.»¹

Собираться въ школу положено было къ 9-му часу. Каждое утро учитель обязанъ былъ наблюдать, чтобъ собирались все воспитанники; а если который изъ нихъ не приходилъ, то посылали узнать о причинѣ: или «забавилъ съ инде играемъ, или дома се обѣднелъ, или надъ потребу шалелъ.»² Обязанность смотрѣть за входящими возложена была на тѣхъ изъ учениковъ, которые въ Азбуковникѣ называются «Старостами», и которые должны были дѣлать у дверей школы и наблюдать за входящими и выходящими, записывая тѣхъ, которые позволяли себѣ шалости и непристойныя поступки.³ Собравшись въ классъ, ученики до тѣхъ поръ не начинали учиться, пока не были прочтены молитвы и предисловіе обычныя. Тоже самое видѣли мы въ Азбуковникахъ. Мы знаемъ, что въ Великорусскихъ училищахъ положено было прослушивать уроки утромъ, въ противность обычаямъ заграничныхъ школъ; въ Славенороссіи заграничная школьная дисциплина считалась зазорною. Въ Южной Россіи это дѣлалось такъ же, какъ и въ Великороссіи, именно: прочитавъ обычныя молитвы, ученики прослушивались, показывали за тѣмъ свое писанье, что каждый успѣлъ написать дома, и дѣлали выкладъ науки своей, то есть, вѣроятно, истолковывали то, что было имъ задано. Потомъ, конечно, должны были учиться по частямъ Псалтыри или Грамматикѣ съ разборами и «инымъ многимъ потребнымъ наукамъ.» Послѣ обѣда каждый долженъ списывать для себя на таблицу свой урокъ, а малолѣтнимъ обязанъ былъ писать самъ учитель. Выучивъ въ школѣ «трудныя слова,» ученики должны были другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу; дома же обязаны были говорить свои уроки или родителямъ, или хозяину, у кого живутъ на квартирѣ. Это мѣсто Устава Луцкой школы даетъ намъ возможность рѣшить недоумѣніе г. Лавровскаго, который ни въ какихъ древнихъ памятникахъ не находитъ свидѣтельства о томъ, диктовалъ ли учитель своимъ воспитанникомъ назначенный урокъ, или давалъ имъ готовые тетрадки,

¹ Уставъ Луц., III, стр. 100 — 101.

² Тамъ же, стр. 102.

³ Тамъ же, III, стр. 109—110.

съ которыхъ они списывали, что имъ было задано. ¹ Хотя рѣшеніе этого вопроса не принесетъ большой пользы наукѣ, однако, по Уставу Луцкой школы, можно догадываться, что уроки, по крайней мѣрѣ, въ Южной Россіи, диктовались учителемъ и записывались учениками на табличкахъ; малолѣтнимъ же писалъ самъ учитель. ² Можетъ быть, то же самое было и въ Великорусскихъ школахъ, за неимѣніемъ печатныхъ руководствъ.

Въ правилахъ Азбуковниковъ строго запрещалось ученикамъ рассказывать то, что происходило въ школѣ, то есть, не выносить сору изъ избы, или, какъ сказано въ Азбуковникѣ, «не выносить за порогъ школы словеснаго сору.» То же самое помѣщено и въ Луцкомъ Уставѣ: «Въ школѣ што ся колвекъ мовити, албо дѣяти будетъ, жаденъ за порогъ школный вынести не маеть.» ³

Что запрещалось Азбуковниками въ отношеніи правилъ благопристойности—не толкаться, не подмигивать глазами, не перешептываться, то же самое видимъ мы и въ Луцкомъ Уставѣ: сидѣть въ классѣ смирно, «безъ розмовъ и шептовъ, миговъ, и до себе прехажокъ» и пр.

Въ Великорусскихъ школахъ назначалось поочередно нѣсколько учениковъ, на которыхъ возлагали обязанность мести школу, топить печь, носить воду и пр.; воспитанники Южнорусскихъ школъ также не были избавлены отъ подобныхъ обязанностей. Въ «артикулѣ» 16-мъ постановлено избирать по очереди двухъ, или четырехъ, мальчиковъ въ слѣдующія должности: «дѣло ихъ будетъ ранѣй до школы прійти, школу помести, въ печи запалити, и у дверей сидѣти; а которые выходятъ и входятъ, о-всѣхъ вѣдати, и которые бы ся не учили, пустовали, или въ церкви не рядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся не заховали, написовати и оповѣдати ихъ мають.» ⁴

По правиламъ Азбуковниковъ полагалось въ субботу заниматься повтореніемъ всего выученнаго въ продолженіе недѣли; въ этотъ же день учитель читалъ въ школѣ разныя поучительныя наставленія

¹ О древне-Рус. учил., стр. 111.

² Пам. Вр. Ком., т. I, стр. 87 и 105.

³ Тамъ же, стр. 88. Въ уставѣ первой редакціи, краткой.

⁴ Пам. Вр. Ком., стр. 109.

о благопристойности, о почитаніи родителей, о праздникахъ и пр.; въ воскресенье утромъ воспитанники собирались снова въ школу и слушали толкованіе Литургіи, Евангелія и пр. до той поры, пока звонъ колокола не призывалъ ихъ къ слушанію Божественной службы. Тѣ же самыя правила изложены и въ Уставѣ: «Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіи недѣли. Послѣ же обѣда учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и чистымъ юношескимъ нравомъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ предъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе» и т. д. Потомъ: «Въ воскресенье и въ праздники господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ, или святомъ дѣлѣ, и учить ихъ волю Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ.»

Не вдаваясь въ излишнія подробности о школьныхъ порядкахъ и сходствѣ ихъ, замѣчу, что объемъ обученія въ Луцкой школѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ Великорусскихъ школахъ, какъ мы знаемъ о нихъ изъ Азбуковниковъ и другихъ памятниковъ старины. Это снова доказываетъ, что элементарныя Южнорусскія школы стояли гораздо на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Составъ наукъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ, былъ слѣдующій: такъ какъ школа носила названіе Греко-Латинско-Словенской, то, конечно, воспитанники ея не были чужды знанія этихъ языковъ; но, кромѣ языковъ, преподавались и другіе предметы, о чемъ говоритъ самъ Уставъ: «Напервѣй, научившись складовъ, литеръ, потомъ Грамматики учать, притомъ же и церковному чину учать, читанію, спѣванію; также учать на каждый день, абы дѣти единъ другаго пытавъ по Грецку, абы ему отповѣдали по Словенску, и ты жъ пытаются по Словенску, абы имъ отповѣдали по простой мовѣ. И ты жъ не мають зъ собою мовити простою мовою, ено Словенскою и Грецкою, а такъ нынѣ тому учатся, до большихъ приступаючи, къ Діалектице и Реторице, которые науки по Словенску переведенные, Русскимъ языкомъ списано, Діалектику и Реторику и вныя философскіе писма школѣ належатіе.»² Это свидѣтельство о нашихъ школахъ очень

¹ Пам. Вр. Ком., стр. 107—109.

² Пам. Вр. Ком., стр. 114—115.

важно. Въ другомъ мѣстѣ Устава говорится о предметахъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ: «Повиненъ будетъ даскаль учить и на писмѣ подавати отъ святаго Евангеліа, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ Пророковъ всѣхъ, отъ Отець Святыхъ ученія, отъ философовъ, отъ поетовъ, отъ гисториковъ и прочая.» Только какіе это были «философы, поэты историки,» мы не знаемъ: всего скорѣе Латинскіе, потому что Гораций и Тацитъ—любимые авторы, которыхъ знала старая образованная Малороссія. За тѣмъ учились наскаліи, лунному теченію, лѣчбѣ (т. е., счисленію), рахованю (вочти то же счисленіе: не Ариметика ли?) и мусикѣ церковнаго цѣнія» (Уставъ, стр. 106—107).

Какъ видимъ, составъ школьнаго образованія въ элементарномъ училищѣ Южной Россіи былъ далеко не бѣденъ, и если прочія школы хоть сколько нибудь были похожи на Луцкую, то юношество того края было довольно хорошо образовано по своему времени. Не смѣю утверждать, что такое же образованіе давалось и въ Великорусскихъ школахъ до-Петровскаго времени: этого не видно изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ; но всего вѣроятнѣе, что Великая Россія и въ этомъ отношеніи далеко уступала Малороссіи.

И такъ мы невольно приходимъ къ тому заключенію, что состояніе нашихъ школъ, этихъ источниковъ народнаго образованія, не соответствовало, въ XVII-мъ вѣкѣ, тому, проявлявшемуся у насъ, стремленію впередъ, тому развитію нашей умственной жизни, однимъ словомъ, — тому прогрессу Россіи XVII-го вѣка, прогрессу, итогомъ котораго былъ Петръ Великій. А что печать прогресса лежитъ на XVII-мъ столѣтіи, что было уже тогда это стремленіе впередъ, это отрадное броженіе умовъ передъ явленіемъ Петра, что до Петра еще начинала уже Россія искать чего-то новаго, разрѣшенія болѣе важныхъ и глубокихъ вопросовъ,—это вѣрно, и мы, можетъ быть, скоро сознаемъ это окончательно, когда лучше изучимъ темный для насъ XVII-й вѣкъ. Мы больше знаемъ Россію времянь Ольги, Святослава, времянь Ярослава и даже Мѣнголовъ, чѣмъ Россію послѣ обоихъ Іоанновъ и особенно послѣ Самозванцевъ. На этомъ періодѣ времени мы не останавливаемся долго, какъ будто утомленные смутными временами конца XVI и начала XVII-го вѣковъ, и всѣ спѣшимъ обратиться къ одной личности Петра, забывая, что промежутокъ между Самозванцами и Петромъ былъ

именно тѣмъ великимъ и знаменательнымъ періодомъ въ исторіи развитія нашей умственной жизни, который рѣдко повторяется въ жизни народовъ. Періодъ этотъ ждетъ еще своей разработки. Нельзя сказать, чтобъ старина не оставила намъ ни какой возможности изучить ее въ подробностяхъ: она сохранила для насъ цѣлую литературу, на столько богатую и разнообразную, чтобы узнать тотъ періодъ времени, которому она служитъ выраженіемъ, котораго идеи она сохранила для насъ. А эта литература очень богата въ сравненіи съ тѣмъ, что представляютъ въ этомъ отношеніи предыдущія столѣтія. Кто скольконибудь знакомъ съ нашей письменностью прошедшихъ вѣковъ, особенно XVI и XVII, тотъ не безъ удивленія остановится на этомъ послѣднемъ столѣтіи, которое слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ XVI-го и имѣетъ свой отличительный характеръ—стремленія впередъ. Можетъ быть, для многихъ это покажется страннымъ, особенно когда мы привыкли считать только XVIII-й вѣкъ временемъ созданія нашего отечества, началомъ его Европейской жизни и нашего вочеловѣченія; но когда мы познакоимся также съ XVII-мъ вѣкомъ, какъ знакомы съ XVIII-мъ; когда мы безъ предубѣжденія взглянемъ на мнѣніе: не начала ли Россія бытіе свое, не довольно ли уже были мы развиты, какъ люди, а не варвары, въ XVII-мъ вѣкѣ? когда мы постараемся представить живую картину этого времени, то увидимъ, что XVII-й вѣкъ былъ именно тотъ періодъ, въ который мы начали свое самобытное развитіе и котораго Петръ былъ только итогомъ. Не послѣднюю роль играло въ этомъ случаѣ присоединеніе Малороссіи, которая какъ будто придвинула насъ къ образованной Польшѣ и къ самой Европѣ, начавъ передавать намъ тѣ знанія, какими сама уже обладала: отъ того, въ концѣ XVII-го вѣка, всѣ дѣятели на литературномъ поприщѣ были у насъ Малороссы, которыхъ воспитали Кіевская Академія и Польша. Приводить примѣры считаю излишнимъ, потому что и помощники Петра въ преобразованіяхъ Россіи были тѣ же питомцы Малороссіи: Феофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Буживскій, Стефанъ Яворскій; передъ ними Симеонъ Полоцкій, Лазарь Барановичъ и другіе. Письменность XVII-вѣка имѣетъ совершенно различный характеръ съ тѣми немногими памятниками, которые дошли къ намъ отъ XVI-го вѣка; стоитъ только сравнить остатки письменности того и другого столѣтія, чтобъ видѣть громадную разницу между Россіей XVI-го вѣка и Россіей XVII-го вѣка.

На примѣръ, я беру для этого «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея» и «Описаніе рукописей библіотеки Гр. Толстова»; замѣчаю статьи и книги, принадлежащія XVI-му вѣку, и книги, обозначенныя вѣковъ XVII-мъ. Какой утѣшительный перевѣсъ на сторонѣ этого послѣдняго столѣтія! Въ XVI-мъ вѣкѣ я встрѣчаю только Евангелія, Миней служебныя, Миней праздничныя, Тріоди цвѣтныя, Тріоди постныя, Паремьи, Келейныя правила, Псалтири Слѣдованныя, Апостолы, Служебники, Трефолои, Октоихи, Кормчія и Житія святыхъ. Рукописей другаго содержанія почти нѣтъ. Пересматриваю XVII-й вѣкъ, и вниманіе постоянно останавливается на такихъ памятникахъ: Космографія Мартына Бѣльскаго; ¹ Космографія, размѣреніе и росписание всеа земли противъ слопневъ и знаменъ въ кругахъ небесныхъ; ² Космографія Герарда Меркатора; ³ О конской ѣздѣ (въ 4-хъ книг., перев. въ Москвѣ, 1685 г.); ⁴ Великая и предивная наука Раймунда Люлія (въ 8 частяхъ); ⁵ Книга о Сивиллахъ, колика быша и коими имяны и о предреченіихъ ихъ, переведена по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; ⁶ Книга о началѣ Россійскихъ Государей и ихъ титулѣ въ сношеніяхъ съ Великими Государями Христіанскими и Мусульманскими, и какъ писали къ нимъ тѣ иностранцыя Государя, и каковы котораго Государя ихъ государскія персоны и гербы, состроена повелѣніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1672 году; ⁷ Родословіе и Геральдика Россійскихъ Государей, сост. Лаврентіемъ Херуличемъ по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича; ⁸ Хрисмологіонъ, родъ Всеобщей исторіи съ пророчествами; переведена повел. Царя Алексѣя Михайловича; ⁹ Хронографъ, переведенъ повел. Царя Алексѣя Михайловича; ¹⁰ Рус-

¹ Оп. рук. Гр. Толст., I, 205, 206.

² Тамъ же I, 210.

³ Оп. рук. Рум. М., N CCLXXII.

⁴ Гр. Тол. I, 209.

⁵ Тамъ же, I, 211.

⁶ Рум. М., N CCXXVII.

⁷ Гр. Тол., I, 215;

⁸ Рум. М. N 466.

⁹ Гр. Тол., I, 56. Рум. М., N CCCCLXV.

¹⁰ Гр. Т., I, 77.

ская исторія, соч. Дьякомъ Ѳ. Грибоѣдовымъ; и за ту книгу дано ему Государева Царева и В. Кн. Алексѣя Михайловича жалованье: 40 соболей, да въ Приказѣ 50 рублей денегъ, отлась, камку да придачи къ помѣстному окладу 50 четей 10 рублей. А книга взята къ Великому Государю вверхъ. ¹ Затѣмъ встрѣчаются Алфавиты съ Словарями и съ другими статьями грамматическаго и риторическаго содержанія; ² Ариѳметика и Астрономія; ³ Описаніе о Персидскомъ государствѣ и о тѣхъ жителѣхъ; ⁴ Исторія Сарматіи Европской и хроника земли Сарматской, Александра Гванини; ⁵ Описаніе Китайскаго Государства; ⁶ О предуготовленіи вещей къ войнѣ надобныхъ, и воинская книга о всякой стрѣльбѣ и о огненныхъ хитростяхъ по Геометрійскому прямому обычаю (здѣсь и военная Технологія, и Баллистика, и Тактика и пр.); ⁷ Наука о конскомъ заводѣ (гдѣ говорится объ устройствѣ конюшенъ, дворовъ конскихъ, о кормѣ, присмотрѣ, о породахъ коней иностранныхъ, о конюшняхъ, коновалахъ, прислугѣ и пр.); ⁸ довольно большое Описаніе Голландіи и города Амстердама; ⁹ довольно интересное и обстоятельное Описаніе Сибири въ 1658 и 1683 годахъ; ¹⁰ Писцовыя книги разныхъ городовъ; ¹¹ Хроника Литовская Стриковскаго; ¹² Историческія записки Павла Пясецкаго (Piasecii). ¹³ Припомнимъ, что въ это время начинаютъ расходиться по Великороссіи Синопсисъ; свѣдѣнія во Всеобщей Исторіи начинаютъ принимать болѣе широкій объемъ, съ измѣненіемъ и распространеніемъ содержанія нашихъ сборниковъ. Медицинскія познанія перестаютъ считаться колдовствомъ и входятъ въ кругъ нашей письменности, что

¹ Рум. М., NN LXXXII, LXXXIII, LXXXIV. Гр. Толст., II, 39, 269, 412.

² Гр. Толст., II, 44, 139, 146, 343, 371, 373; III, 27. Рум. М., I, II, III, и др.

³ Рум. М., N XII.

⁴ Гр. Толст., I, 246.

⁵ Тамъ же, I, 153, 161.

⁶ Тамъ же, I, 162.

⁷ Тамъ же, I, 68.

⁸ Рум. М., N CCLXXXII.

⁹ Рум. М., CCXCII.

¹⁰ Рум. М., CCXCIV.

¹¹ Рум. М., N CCCVIII, CCCIX, CCCX, CCCXI, CCCXII.

¹² Гр. Толст., I, 186, 244.

¹³ Гр. Толст., I, 17.

видно изъ разныхъ статей и книгъ Медицинскаго содержанія, въ родѣ слѣдующихъ: а) Книга, глаголемая Прохладный Вертоградъ.... о различныхъ врачевскихъ вещахъ ко здравію человѣческому пристоящихъ, ¹ въ которой находится 341 глава: о кровопусканіи, о птицахъ всякихъ, къ лѣкарству угодныхъ, о мясѣхъ всякихъ, о водахъ, орыбахъ речныхъ и морскихъ, о пчелѣ и о меду и о воске, о заморскихъ и о Русскихъ зеляхъ, и о древесехъ, и о травахъ, и о водахъ изъ травъ перепущенныхъ, оукусе, о маслехъ, о соলেখъ, о сахарехъ, о сыропехъ и пр., и пр., и пр., гдѣ исчерпаны знанія, относящіяся и къ Гигіенѣ, и къ Фармакогнозіи, и къ Физиологіи, и къ Фармакопее, и къ естественнымъ наукамъ другихъ отраслей; б) Проблемата.... великаго философа Аристотеля и иныхъ мудрецовъ, яко прирожденныи, также и лѣкарскія науки, о свойствѣ и о поставленіи удовъ человѣческихъ, также и о звѣринныхъ; ² в) Славныхъ великихъ и цвѣтныхъ докторовъ подлинное изѣщеніе о мору; ³ г) О приготвленіи лѣкарствъ, о дѣланіи красокъ и т. п., ⁴ родъ Технологіи и Фармакопей, и отрывки Лѣчебника; д) статьи физиологическаго содержанія; ⁵ е) Лѣчебникъ съ раскрашенными изображеніями травъ, ⁶ и нѣсколько Лѣчебниковъ для всеобщаго пользованія. Въ это время чаще начинаютъ являться статьи, въ которыхъ видны уже начатки литературныхъ потребностей въ обществѣ: это переводы сказокъ, романовъ, и т. п. литературныхъ произведеній другихъ народовъ; ⁷ въ это время мы встрѣчаемъ переводы Басень Езопа («Писанія философа Ессопа Индѣянина»), переводъ ⁸ произведеній Персидскаго поэта Шихсади («Персидской крынной долъ, въ которомъ много веселыхъ и пріятныхъ историй, остроумныя речи, прибыльные ученія... и славнаго Локмана

¹ Рум. М., N ССLXIII, Гр. Толст., II, 42.

² Гр. Толст. II, 166.

³ Тамъ же, II, 168.

⁴ Тамъ же, II, 195.

⁵ Тамъ же, II, 213.

⁶ Тамъ же, III, 338.

⁷ Съ этимъ предметомъ насъ уже познакомили нѣсколько Г. Пыпинъ.

⁸ Гр. Толст. II, 181.

складн и примѣры»),¹ съ Нѣмецкаго переложенія; читаемъ, къ удивленію нашему, повѣсти въ родѣ слѣдующихъ: Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыкостей обличительны; повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея,² и т. п. Это еще не все: это—самая ничтожная часть того, что разсѣяно по нашимъ библіотекамъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ постоянно встрѣчаются интересные переводы съ иностранныхъ языковъ, съ Латинскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Итальянскаго, но преимущественно — съ Польскаго: все, что являлось замѣчательнаго въ Польшѣ, переводилось на Русскій языкъ. Кругъ свѣдѣній видимо расширяется; прежнія свѣдѣнія оказываются недостаточными; въ обществѣ возникаютъ другіе вопросы, помимо вопросовъ богословскихъ. Не удивительно явленіе въ этомъ обществѣ такихъ людей, какъ Бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, котораго ученые иностранцы называли великимъ, и Царевна Софія; не удивительно явленіе такихъ Государей, какъ Алексѣй Михайловичъ и Феодоръ Алексѣевичъ съ ихъ дипломатами, Тяпкинымъ, Зотовымъ, извѣстнымъ, кромѣ того, своими педагогическими талантами; не удивительно, наконецъ, что у такого Государя, какъ Алексѣй Михайловичъ, который давалъ ходъ и жизнь начинавшей разцвѣтать нашей умственной жизни, нашимъ наукамъ, нашей литературѣ,³ не удивительно, повторяю, что у Государя, имѣвшаго достойныхъ дѣтей въ Феодорѣ и Софіи, былъ еще и сынъ Петръ, положившій начало преобразованія Россіи. Россія, если не вся, не

¹ Гр. Толст. I, 111.

² Гр. Толст. II, 47.

³ Что Царь Алексѣй Михайловичъ заботился о распространеніи знаній, объ образованіи своей страны, видно изъ того, что почти все, что писалось достойнаго вниманія въ его время, посвящалось его особѣ и было принимаемо благосклонно, какъ мы видимъ изъ ласковаго приѣма «Исторіи» Грибоѣдова, переводовъ Спафарія и другихъ сочинителей, которыхъ онъ дарилъ очень щедро за ихъ труды. Исправленіе книгъ вмѣстѣ съ Никономъ, печатаніе многихъ необходимыхъ сочиненій,—все говоритъ въ пользу этого Государя, котораго заслуги въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи еще не оцѣнены, потому что всѣ историкъ, очарованные личностью сына его, Петра, не берутъ на себя труда объяснить значеніе Царя Алексѣя Михайловича. Разработка нашей до-Петровской письменности докажетъ, что этотъ Царь началъ подготовку царствованія Петра, и Россія, вмѣстѣ съ умнымъ Царемъ, охотно принимала идеи, которыя осуществилъ только Петръ.

цѣлой массой, то въ лицѣ многихъ замѣчательныхъ особъ своего времени, понимавшихъ высокое значеніе образованія, ждала уже Петра; и только слишкомъ энергическія мѣры этого Государя вооружили массу противъ нововведеній, противъ внезапнаго и отчасти насильственнаго движенія впередъ, къ чему, впрочемъ, само подвигалось наше отечество во все XVII столѣтіе.

Неудивительно послѣ всего этого, если мы скажемъ, что одна педагогика наша отстала отъ общаго стремленія, одни школы недостаточно подвинулись впередъ, чтобы готовить юношество для полнаго сочувствія стремленіямъ возрождавшейся Россіи, для быстрѣйшаго воспріятія тѣхъ идей, которыя уже вращались между немногими избранными.

Въ слѣдствіе всего этого, намъ кажется болѣе правильнымъ взглядъ Г. Забѣлина на характеръ древняго образованія въ Россіи, чѣмъ взглядъ г. Купріянова. Г. Забѣлинъ, любя Русскую старину, не увлекается предположеніями относительно успѣховъ педагогики въ до-Петровской Руси, и не дѣлаетъ выводовъ, въ сущности прекрасныхъ и утѣшительныхъ, но несогласныхъ съ дѣйствительностію, какіе дѣлаетъ Г. Купріяновъ, увлеченный той же любовью къ старинѣ. ¹ Г. Забѣлинъ даже слишкомъ строгъ, слишкомъ недовѣрчивъ и скупъ на заключенія, какъ это всегда бываетъ, когда больше и разностороннѣе знакомишься съ предметомъ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ нашу старую Русь, чтобъ рѣшиться дѣлать серьезные выводы, касательно важнѣйшихъ вопросовъ въ наукѣ, основываясь только на теоріи вѣроятностей. Въ слѣдствіе этого прекраснаго убѣжденія, вѣроятно, Г. Забѣлинъ отвергаетъ все, чего не можетъ доказать, какъ онъ говоритъ, точно, документально, т. е., самими фактами старины, ея словами, ея собственнымъ, неопровержимымъ, свидѣтельствомъ: это необходимое правило въ наукѣ, которому слѣдуютъ рѣдкіе изъ насъ; только оно не всегда примѣнимо. Бываетъ и такъ, что это, необходимое въ наукѣ, правило не достигаетъ цѣли и дѣлается своего рода пристрастіемъ; это бываетъ тогда, когда мы и изъ этого благоразумнаго правила слѣдаемъ крайность—неизбѣжное слѣдствіе увлеченія. Хотя у Г. Забѣлина не замѣчаемъ этой крайности, но онъ держится своего благоразумнаго правила не безъ

¹ «Замѣтки для исторіи просвѣщенія въ Россіи,» Купріянова (Спб. Вѣд., 1855 г., N. 163, и Москвитинъ 1855, N. 10).

увлеченія. Ни чѣмъ больше, какъ увлеченіемъ, можемъ мы объяснить его, въ высшей степени осторожные, выводы (которые Г. Куріиновъ, совершенно несправедливо называетъ рѣзкими и односторонними), относительно образованія нашихъ предковъ. По мнѣнію Г. Забѣлина, въ школахъ до-Петровской Руси знанія юности не простирались далѣе азбуки, часословца и псалтыри, за тѣмъ письма и церковнаго пѣнія; по его мнѣнію, въ школахъ этихъ не принято было даже преподаваніе Грамматики отечественнаго или, пожалуй, Церковно-Славянскаго языка. Держась своихъ осторожныхъ правилъ въ выводахъ и заключеніяхъ, онъ приводитъ одно извѣстное мѣсто изъ пѣсни про Ваську Буслаева, что, когда мать отдала его учиться грамотѣ,

Грамота ему въ наукъ пошла;
Посадила его перомъ писать,
Письмо Василью въ наукъ пошло;
Отдавала его пѣтью учить,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло....

и рѣшаетъ, что «это мѣсто, объясняя значеніе науки въ нашей старинѣ, любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на составъ тогдашняго общаго школьнаго образованія». ¹ Напрасно Г. Забѣлинъ, такъ добросовѣстно изучающій Русскую старину, на слово вѣрять народной пѣснѣ, особенно былинѣ, гдѣ, по обыкновенію, передается не самое дѣло, не фактъ, а только взглядъ народа на этотъ фактъ, гдѣ фантазія на первомъ планѣ. Не думаю, чтобъ Г. Забѣлинъ, знающій нашу старину, какъ немногіе знаютъ ее, рѣшился дѣлать такіе же выводы, какіе онъ здѣсь дѣлаетъ, основываясь на томъ, что если въ былинѣ сказано, будто В. К. Владимиръ и богатыри его выпивали турьи рога зелена вина въ полтора ведра и въ полтретья, то они въ самомъ дѣлѣ пили именно столько, сколько сказано въ пѣснѣ, то есть, полтора и по два съ половиной ведра залпомъ. Вѣроятно, меньше. Не думаю также, чтобъ и пѣсня про Буслая знала навѣрное, что именно преподавалось въ нашихъ школахъ. Притомъ, эта пѣсня какого вѣка? Она Новгородская.

Признавая вполне важность памятниковъ народной мысли, мы не должны, однако же, слова и свидѣтельства какой-нибудь пѣсни

¹ «Характеръ древняго народ. образ. въ Россіи.» Забѣлинъ (От. Зап., 1856 г., N. 3, отд. II, стр. 19).

(хоть бы она была и историческая) считать непреложными законами, которыми можно рѣшать всякое ученое недоразумѣніе, а должны смотрѣть на нихъ, какъ на выраженія народной мысли, народныхъ понятій, народныхъ впечатлѣній, по преимуществу; вѣрить же все впечатлѣніями и понятіями народа, и притомъ простаго народа — недостойно науки. Народъ имѣетъ всегда свой взглядъ на вещи, и въ пѣсняхъ именно выражаетъ этотъ взглядъ, или то понятіе, какое онъ составилъ себѣ относительно какого либо предмета, или событія. Пѣснями можетъ пользоваться наука, но только какъ средствомъ къ узнанію взгляда народа, въ извѣстное время, на извѣстный фактъ, но ужь отнюдь не какъ историческими матеріалами. Такъ и пѣсню о Буслаѣ нельзя принять за историческія данныя: въ ней выразился, можетъ быть, взглядъ, или понятіе, народа объ ученіи въ школахъ, и только. И если народъ такъ понималъ наше древнее обученіе, то это не значитъ, что онъ правильно понималъ его; онъ понималъ по своему. Въ извѣстной пѣснѣ, которую и теперь пропоетъ любой мужикъ, называется о кончинѣ Императора Александра Павловича, который сказалъ своей родимой матушкѣ, что уѣзжаетъ на годъ, а не прѣхалъ и черезъ три. Родимая матушка выбѣгала на большую дорожку, встрѣтила кулера и спрашивала: «Не знаешь ли, молъ, кулерчикъ, что съ сыномъ?» Тотъ объявилъ ей, что онъ умеръ. Потомъ описываются похороны, какихъ, конечно, въ дѣйствительности не бывало, и между тѣмъ упоминается, какъ

Молодую его хозяйшку подъ бѣлы руки ведутъ,

А малыхъ его дѣтушекъ во колясочкѣ везутъ....

Слѣдуетъ ли изъ этого, что Императрица не могла иначе узнать о сынѣ, какъ выбѣгая на дорогу, выспрашивать курьера, и должна ли исторія стать въ туникъ, по случаю «малыихъ дѣтушекъ», или признать ихъ дѣйствительно существовавшими? Ясно ли, что народъ въ пѣсняхъ своихъ передаетъ не самые факты, а свои впечатлѣнія, по поводу ихъ? И въ этой пѣснѣ народъ вѣренъ самому себѣ: онъ зналъ, что Императоръ имѣлъ мать и по своему, приѣхавъ къ своему быту, выразилъ горесть ея ожиданій; предположилъ, что должны же быть и сироты послѣ смерти женатаго челоука, или просто, ради бѣльшаго эффекта, подарилъ дѣтми Александра Павловича. И въ древней Россіи, какъ и въ настоящей, простой народъ стоялъ на низшей ступени образованія, слѣ-

довательно, также вѣрно могъ объяснять пѣсьнями состояніе училищъ, какъ вѣрно изобразилъ погребеніе Императора Александра 1-го. А что это правда, такъ видно изъ того, что и въ древности на народъ смотрѣли, какъ на невѣгласовъ, по мнѣнію которыхъ, затмѣніе солнца означало то, что нѣкіи «вѣкодлаци поѣдали солнце» и пр. Подобные же невѣгласы отправили въ заточеніе боярина Матвѣева за чернокнижіе, а послѣ того съ суевѣрнымъ страхомъ смотрѣли на Сухареву башню, на которой производились астрономическія наблюденія. ¹ О Россіи этого не могъ сказать Г. Забѣлинъ, потому что Россію онъ знаетъ лучше другихъ, а увлекшись отрицаніемъ мнѣній г. Купріянова и, слѣдуя правиламъ осторожности, дошелъ до крайности и обвинилъ Россію въ томъ, въ чемъ виноватъ былъ только народъ, подъ именемъ котораго я разумѣю гораздо больше сословій, чѣмъ сколько принадлежитъ ихъ къ народу въ настоящую, болѣе развитую, пору. Такой народъ обвинилъ Матвѣева въ чернокнижіи и считалъ колдовствомъ астрономическія предсказанія на Сухаревой башнѣ. Невѣгласы въ состояніи сдѣлать то же самое и въ нынѣшній XIX-й вѣкъ, и въ пѣсьняхъ своихъ характеризуютъ современную науку, всѣ тонкости просвѣщеннаго XIX-го вѣка, ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ же многозначительнымъ «четьемъ-пѣтьемъ церковнымъ.» А изъ этой фразы развѣ слѣдуетъ вывести заключеніе, что и теперь у насъ больше ничему не обучаютъ, кромѣ «четья-пѣтья церковнаго?» Конечно, не слѣдуетъ. Не слѣдовало также и г. Забѣлину на словахъ пѣсьни про Ваську Буслаева строить своихъ догадокъ, что пѣсенная фраза есть не что иное, какъ выраженіе состоянія нашихъ древнихъ школъ и что въ школахъ этихъ не преподавалась даже Грамматика Славянскаго языка. Съ этимъ очень трудно согласиться, тѣмъ болѣе, что и въ нашихъ Азбуковникахъ есть грамматическія правила, преподававшіяся въ школахъ и, кромѣ того, мы имѣемъ одну Грамматику отъ XVII-го вѣка, въ которой именно сказано, что ее учили новоначальные ученики послѣ азбуки. Вотъ заглавіе этого школьнаго учебника: «Книга глаголема Адапатось, (Донатъ) въ ней же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имени, о проимени, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имени, о союзѣ, о представленіи и о различіи, ея же учать ученицы

¹ Характеръ древн. народ. образ. въ Россіи (От. Зап., 1856 г., N. 3).

новоначални послѣ азбукѣ, зане же то есть основаніе первое и подошва хитрости грамматичной, а Граматикія есть основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ.»¹

Но опять таки повторяемъ повторенное нами нѣсколько разъ въ этой статьѣ, что въ XVII-мъ вѣкѣ педагогика отстала отъ общаго стремленія къ прогрессу и самосознанію; что Россія, въ лицѣ многихъ особъ, понимавшихъ уже нѣсколько высокое значеніе образованія, далеко оставила за собой наши школы съ ихъ старыми понятіями и привычками, съ ихъ ограниченнымъ кругомъ воззрѣнія на способъ и объемъ обученія. Да и не легко было этимъ школамъ идти шагъ за шагомъ по слѣдамъ нашего развитія, когда онѣ выщипали въ себѣ только самыя начатки образованія и, будучи частными заведеніями, держались правилъ старины, какъ въ объемѣ преподаванія, такъ точно и въ методѣ, и когда, напротивъ того, Россія, — хотя не всей массой, а въ числѣ немногихъ образованныхъ личностей, добывала себѣ новыя знанія и идеи, отвергала то, что привилось къ ней отъ старины, прежде чѣмъ молодой Петръ успѣлъ познакомиться съ Лефортомъ, какъ предразсудки, начинала учиться у Запада; когда вся Россія, успокоившись отъ политическихъ бурь (подъ державой Алексѣя Михайловича), начинала вглядываться въ то, что дѣлалось тогда на Западѣ, расширяла кругъ своей письменности, вводя въ него новыя Европейскія знанія, помимо знаній богословскихъ, и естественно далеко оставила за собою нашу скудную «премудрость», какую добыла въ стѣнахъ своихъ училищъ, находившихся въ рукахъ частнаго духовенства. Наирасно стали бы мы обвинять Россію, особенно Россію конца XVII-го вѣка, въ неподвижности и умственномъ застоѣ: при болѣе строгомъ изученіи той эпохи, мы увѣримся совершенно въ обратномъ. Исторія начинаетъ уже возвышать голосъ въ пользу XVII-го вѣка, и намъ отрадно было втрѣтить полное сочувствіе нашимъ мыслямъ, въ историческомъ обзорѣніи «Правленіе Царевны Софіи» г. Щебальскаго, который говоритъ: «Царствованіе Петра представляется намъ безо всякой почти связи съ предшествующими; мы слѣдкомъ буквально пріучились понимать слова: «Петръ создалъ Россію». Петръ произвелъ въ ней огромную реформу, переворотъ, готовы мы сказать, государственный и общественный; но

¹ Опис. рук. Гр. Толстова, IV, 27.

въ исторіи нѣтъ скачковъ и перерывовъ и при внимательномъ изученіи предшествующей Петровымъ преобразованіямъ эпохи, при болѣе глубокомъ изслѣдованіи самаго царствованія Петрова, безъ всякаго сомнѣнія откроется связь, соединяющая, такъ называемую, древнюю, до-Петровскую Русь, съ Россіей новою, Европейскою.»¹ И эта связь есть: она — умственное движеніе Россіи во все XVII-е столѣтіе, отчаянное стремленіе впередъ, замѣтное отрицаніе старыхъ предразсудковъ. Дѣйствительно, въ концѣ XVII-го вѣка, Россія могла уже сказать о себѣ: «Егда бѣхъ младенецъ, яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ смысляхъ; егда же быхъ муизъ — отвергохъ младенческая.» И въ самомъ дѣлѣ, до Петра еще начала мужать наша Россія; она успѣла отвергнуть много младенческаго въ своихъ понятіяхъ, прежде чѣмъ молодой Царь успѣлъ познакомиться съ Лефортомъ; не могла только одного сдѣлать — провести за собой свои школы, влить новыя живительныя идеи въ скудные свои учебники.

Послѣдовавшій на дняхъ переводъ Преосвященнѣйшаго Анастасія въ Астраханскую Епархію лишилъ меня возможности окончательно разработать интересную рукопись, и потому, не имѣя подъ рукою Азбуковниковъ, я принужденъ кончить свою статью тѣмъ, на чемъ остановился.

Данилъ Мордовцевъ.

Саратовъ, 1856 г.

¹ Правленіе Цар. Софін, IV, 69—70 (ст. Шебальскаго въ Рус. Вѣстникѣ, 1856 г., N. 9).

